

Юго-Западный государственный университет
Юго-Западное отделение Академии военно-исторических наук
Курское отделение Российского общества историков-архивистов

**«СЕЙ ЗНАМЕНИТЫЙ ГОД ПОКАЗАЛ,
ЧТО КУРЯНЕ В СИЛЕ ДУХА НЕ УСТУПАЮТ
ДРУГИМ СЫНАМ РОССИИ...»
(КУРСКИЙ КРАЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА)**

Курский военно-исторический сборник. Выпуск 8.

Редакционная коллегия: член-корреспондент АВИН, канд. ист. наук, **И.А. Анфертьев**; действительный член АВИН, докт. ист. наук, профессор Юго-Западного государственного университета **В.В. Коровин** (главный редактор); член-корреспондент АВИН, канд. ист. наук, старший преподаватель КИСО (филиал РГСУ) **А.Н. Манжосов**; действительный член АВИН, докт. ист. наук **А.А. Чернобаев**; действительный член АВИН, докт. ист. наук, заведующий кафедрой истории России Курского государственного университета **К.В. Яценко**.

Редактор выпуска: *А.Н. Манжосов*

Тематический редактор: *А.В. Петрушкевич*

Литературный редактор: *И.Д. Голбан*

Дизайн и верстка: *А.А. Федоров*

«Сей знаменитый год показал, что куряне в силе духа не уступают другим сынам России....» (Курский край в Отечественной войне 1812 года): Курский военно-исторический сборник. Вып. 8. – Курск: РПК «Orange», 2012. – 80 с.

Издание содержит результаты научного поиска краеведов, ученых, архивистов XIX–XXI вв., занимавшихся исследованием истории Отечественной войны 1812 года на региональном уровне. Сборник включает материалы о различных событиях из жизни Курской губернии периода борьбы с наполеоновским нашествием; выявленные в архивах и новейших военно-исторических изданиях сведения об участии курян в боях против французских войск; информацию о научных конференциях и других военно-мемориальных мероприятиях, посвященных 200-летию Отечественной войны 1812 года. Предлагаемое издание адресовано всем поколениям соотечественников, интересующимся боевым прошлым Родины.

Издание осуществлено в рамках проведения работ по разделу 3 части 2 государственного задания ФГБОУ ВПО «Юго-Западный государственный университет» по НИР 1.135.12П. Мероприятие 6.1.

«БУДУЧИ ВЕЛИКОЙ И СЛАВНОЙ ВОЕННО-НАРОДНОЙ ЭПОПЕЕЙ, ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА СТАЛА ЛЮБИМЫМ ПРЕДМЕТОМ ИСТОРИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ»

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА В ИССЛЕДОВАНИЯХ КУРСКИХ ИСТОРИКОВ, АРХИВИСТОВ И КРАЕВЕДОВ

Тема военного подвига и народного самопожертвования в период борьбы с наполеоновским нашествием на протяжении вот уже двух столетий вызывает живой исследовательский интерес. Еще в 1912 г., по сообщению одного из руководителей Курской губернской ученой архивной комиссии Н.И. Златоверховникова, в его частном каталоге имелись сведения на 1275 изданий, посвященных интересующей нас проблематике.

Наиболее ранней, а на сегодняшний день практически неизвестной широкому кругу читателей, является публикация в 9-й части журнала «Отечественные записки» за 1822 г. очерка нашего знаменитого земляка Н.А. Полевого «Воспоминания о происшествиях, бывших в Курске в 1812 году». Автор «Истории Русского народа» и многих литературных произведений, журналист, критик, издатель «Московского Телеграфа», Николай Полевой был современником описываемых событий. С 1813 по 1820 гг. он жил в Курске, был лично знаком с одним из героев повествования Н.И. Сибилевым.

В 1822 г. в «Отечественных записках» был опубликован еще один источник, отражающий настроение патриотического подъема, имевшего место на курской земле в условиях военного времени. Новооскольский предводитель дворянства Ф.М. Раевский

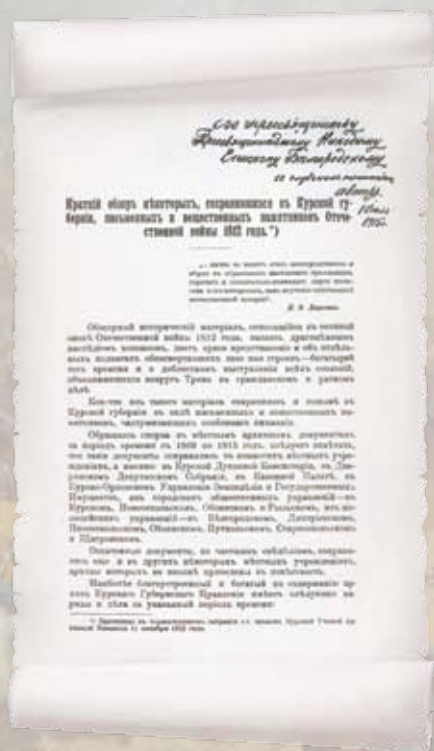
(отец героя войны и «первого декабриста») написал в редакцию о благородном почине курского помещика П.А. Денисьева, который заняв должность Рыльского предводителя дворянства, обнаружил в уезде много дворян, которые из-за тяжелого материального положения не могли дать должного воспитания своим детям.

Петр Алексеевич отобрал десять ребят, поселил их в отдельном доме, нанял за свой счет учителя, а в воспитатели приставил отставного вахмистра. С 1811 г. подростки переселились в курский дом Денисьевых, стали посещать гимназию. Их число увеличилось до 16. Некоторые, «по изучении российской грамоты», поступили в дворянский полк и в «различные службы». «В 1813 году, в незабвенную память 1812 года, дабы воспитывающиеся им дворяне одушевлялись славой соотичей своих, по вступлении на военное поприще следовали примеру их, внес он в Приказ общественного призрения, тем, кои в науках и благонравии себя отличат, 10 человекам, двенадцать тысяч рублей, то есть каждому по 1200 руб.»¹. Можно предположить, что подопечные П.А. Денисьева честно выполнили свой долг перед Отечеством.

В 80-90-е гг. XIX в. к теме участия земляков в Отечественной войне 1812 года неоднократно обращался известный курский педагог, краевед и общественный деятель А.А. Танков, чьи публикации регулярно появлялись на страницах «Курских губернских ведомостей». В 1912 г. «Курский сборник» опубликовал его статью «Год священной памяти»². В указанном материале, по словам самого автора, он постарался «не повторяя сообщенных уже в печати фактов, передать несколько новых, извлеченных из архивных источников сведений по истории Курского края, всецело относящихся к Отечественной войне и имеющих интерес, в особенности в виду исполнившегося столетнего юбилея со времени Двенадцатого Года»³.

11 октября 1912 г., в дни празднования столетнего юбилея Отечественной войны 1812

года, на торжественном заседании Курской губернской ученой архивной комиссии, Н.И. Златоверховников выступил с докладом «Краткий обзор некоторых, сохранившихся в Курской губернии, письменных и вещественных памятников Отечественной войны 1812 года». Автор впервые дал подробную характеристику сохранившихся на тот момент источников.

Мужество и героизм проявили куряне и на полях сражений. В 1915 г. был опубликован очерк В.Н. Решетинского «Куряне – участники Отечественной войны 1812 года»⁴. В представленном материале были впервые систематизированы сведения об основных этапах военной службы и приведены примеры воинской доблести представителей курского дворянства на полях сражений. К сожалению, публикация не содержала указаний на источники информации. Проведенный нами в течение 2011–2012 гг. поиск в Российском государственном военно-историческом архиве, позволил найти документальные подтверждения приведенным в работе В.Н. Решетинского фактам.

В 1960-е гг. документальный материал по истории Курского края первой половины XIX века и участию курян в Отечественной войне 1812 года был обобщен в работах кандидата исторических наук Л.А. Медведской.

Ее исследования опубликованы в книге «Курск.

Очерки истории города», выдержавшей несколько изданий, но являющейся на сегодняшний день библиографической редкостью»⁵.

Современные краеведческие издания, посвященные истории отдельных районов Курской области, содержат имена многих земляков, отличившихся в Отечественной войне 1812 года⁶. К сожалению, авторы подобных работ не раскрывают источники приводимой информации, в связи с чем, снижается ее научная ценность. Тем не менее, краеведческий материал о героизме представителей разных поколений курян в деле защиты Отечества, является уникальным средством патриотического воспитания молодежи. Проводимый же в регионе комплекс мероприятий, посвященных 200-летию юбилею Отечественной войны 1812 года, в подготовке которых принимают участие музейные работники, архивисты, ученые, хочется надеяться, позволит восполнить пробелы и внести необходимые уточнения в военную историю края.

Предлагаемый читателям «Курского военно-исторического сборника» тематический выпуск посвящен памяти наших замечательных предков, доказавших по меткому выражению Н.А. Полевого, что «Курчане в

силе духа, в твердом уповании на Бога, не уступают другим сынам России».

В сборнике представлены как публикации авторов предыдущих поколений, содержание которых, к сожалению, большинству наших земляков сегодня практически не известно, так и результаты современных исследований, проведенных за прошедший год на базе Российского государственного исторического

архива (г. Санкт-Петербург), Российского государственного военно-исторического архива (г. Москва), Государственного архива Курской области. Изучение выявленных документальных материалов позволило уточнить и подтвердить ранее известные факты, а также представить ряд неизвестных широкому кругу читателей событий и имен, связанных с историей Курского края в период Отечественной войны 1812 года.

Примечания:

1. Раевский Ф. Благодетельный помещик // Отечественные записки. Ч. 12. 1822. С. 109-110.
2. Танков А.А. «Год священной памяти» (Из истории Курского края во время Отечественной войны) // Курский сборник. Вып. VII. Курск, 1912. С. 1-24.
3. Танков А.А. Указ. соч. С. 12.
4. Решетинский В.Н. Курыне – участники Отечественной войны // Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 2. Курск, 1915. С.107-108.
5. См., напр.: Медведская Л.А. Участие курян в Отечественной войне 1812 года // Курск. Очерки истории города. Изд. 3-е, перераб. и доп. Воронеж, 1975. С. 110-115.
6. См., напр.: Немцев Н.А. Земля кшенская. Очерки по истории Советского района Курской области. Курск, 2003. С. 16-17; Бирюков А.Ю. Фатежский край: Прошлое и настоящее (историко-краеведческий сборник). Фатеж, 2007. С. 18-23.

*Главный редактор «Курского военно-исторического сборника»
В.В. Коровин*

ВОСПОМИНАНИЯ О ПРОИСШЕСТВИЯХ, БЫВШИХ В КУРСКЕ В 1812 ГОДУ

*... Тогда явилось все величие народа,
Спасающего трон и святость алтарей,
И древний гроб отцов, и колыбель детей...*

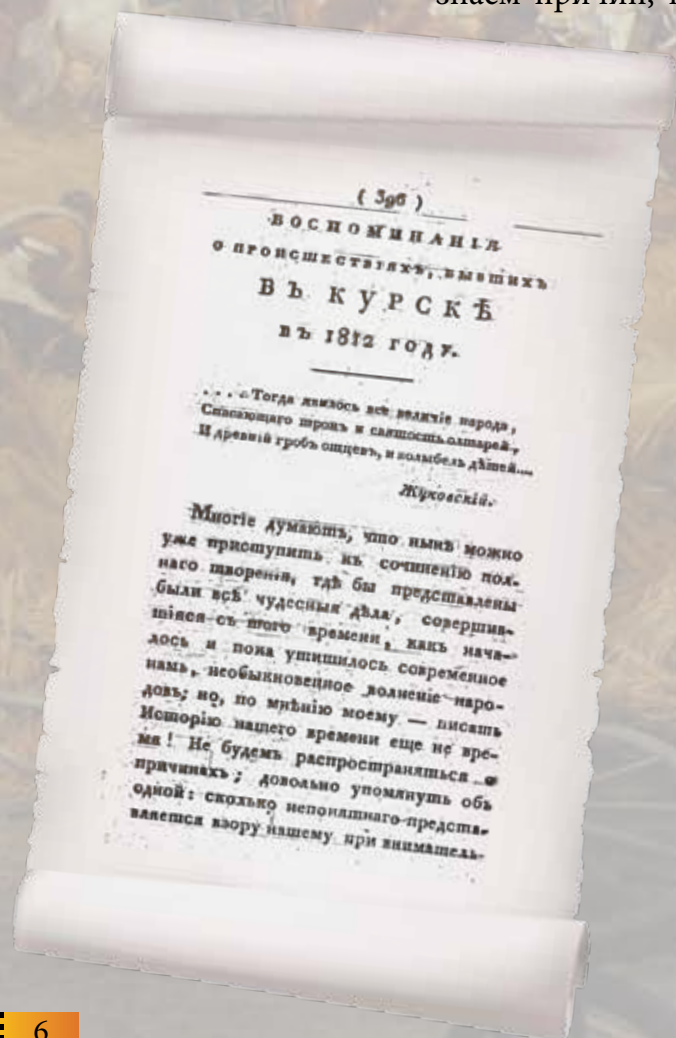
В.А. Жуковский

Многие думают, что ныне можно уже приступить к сочинению полного творения, где бы представлены были все чудесные дела, совершившиеся с того времени, как началось и пока утихло современное нам, необыкновенное волнение народов; но по мнению моему – писать Историю нашего времени еще не время! Не будем распространяться о причинах; довольно упомянуть об одной: сколько непонятного представляется взору нашему при внимательнейшем рассмотрении событий, с самими нами случившимися! Нам ли, безвестным гражданам мира, понять и узнать все тайные причины и сокровенный ход дел невероятных? История наша – есть удел потомства! Мы часто только с чувством изумления можем взирать на то, чему сами были свидетелями: мы видели следствия и не знаем причин; но

потомство... для него не будет скрытого! Напрасно злодеяние скрывается в пепле ничтожества; напрасно сила оттесняет слабую добродетель в мрак гробницы – оно узнает связь происшествий, по-видимому, чуждых одно другому, познает таинственную дорогу, по которой Провидение вело предков его к таинственной будущности, для нас, может быть, ныне еще не свершившейся, еще закрытой завесой неизвестности. Суд потомков совершает приговор исполинам, державшим в руках своих судьбы народов.

Мы можем, мы должны спросить самих себя: что обязаны мы делать в этом отношении? Не мы ли доставим потомству то, по чему оно будет судить нас? Век просвещения не причастен скрытности, отличающей веки невежества: смело действовали мы на поприще, представленном нам судьбою, и смело отдадим отчет свой. Предадим будущим поколениям все, что мы делали, что чувствовали в то время, когда внимали ужасам, другими народами виденным, и когда видели грозу, собиравшуюся над главами нашими, и во время бедствий, самими нами претерпленных и во время радостного торжества побед наших.

Так почтем необходимым долгом рассказать все, что нам известно! Кто знает, может быть, какая-нибудь малая, ничтожная черта, замеченная простым наблюдателем, будет для наблюдателя-историка ярким пламенем, который осветит ему целый ряд происшествий? С таким намерением мы хотим рассказать нечто о событиях, бывших в Курске во время войны Отечественной. 1812 год – незабвенная, достопамятная эпоха перелома дел, с того времени явно склонившаяся в отраду и счастье народов, сей знаменитый год показал, что курчане в силе духа, в твердом уповании на Бога не уступают другим сынам России. Приятно вспоминать то, чем может славиться родина, и тем более, если с воспоминанием нашим сливается воспоминание о незабвенном Герое Смоленском. Когда опасность еще

далека, когда гибель не шумит над главами народа, тогда довольство мира может усыплять дух народа великого; но если при грозном действии, при угрожающем разрушении явится прежнее величие его в прежней силе, тогда опыт доказывает, что богатырь не изменился, не ослабел – он спал, и пробуждение его ужасно для сопротивника.

Курск – один из древнейших городов русских, издревле отличался смелостью сынов своих, подобно другим терпел бедствия и был участником в торжествах, которыми славилось наше отечество. Еще в XII веке безвестный певец побед и несчастий князя Игоря с восторгом говорит о храбрых обитателях Курска. Буй-Тур¹ Всеволод смело отвечает брату своему: «О брат, седлай своих борзых коней – мои стоят у Курска готовые: мои куряне – сведомы к брани, под трубами они повиты, под шеломами взлелеяны, концом копья вскормлены, пути им сведомы, луки их напряжены, сабли изощрены: они скачут как серые волки в поле, ищут себе чести, а Князю славы!...»

1612 год, славный бедствиями Отечества, освобождением Москвы от рукиноплеменных, подвигами Минина и Пожарского, был и для Курска достопамятным: крепко стали курчане против грозного Польского вождя, гетмана Желковского, мужество и вера в Бога спасла их!² Мелькнули два века, прошли поколения, и рука Промысла снова отяготела над русскими странами.

Описывать ли чувства обитателей Курска в то время, когда Наполеон с многочисленными полчищами своими вторгся в нашу отчизну и повлек их в средину областей наших? Нет! Они были общи для всех русских! ... И в Сибири, и в Малороссии долго не верили носившимся слухам о грозе ополчений его; но когда уверились в истине слухов, когда глас Царя показал всю опасность отечества и призвал верных сынов к защите его – страх и изумление овладели сердцами мирных граждан: вера в Бога, пример Царя, зрение ополчений, быстро двинувшихся в пыл битв, слава прежних побед подкрепляли сердца; но что ощутили все русские, когда клик злобы раздался на твердых Кремля – Москва запылала? Никто из частных людей не мог тогда понимать таинственных путей, которыми Герой Смоленский вел к гибели надменного властелина пол-Европы, только ужас и отчаянное предчувствие бедствий

ужаснейших овладели сердцами всех. Но тогда-то проявилось все истинное величие духа русского. Пока неизвестность томила ожидание городов, отдаленных от столицы, жители страшились и трепетали; когда же увидели меру бедствий отечества, русские исполнились надеждою: отечество будет спасено! Это чувство испытали и жители Курска. Но горестно было ожидание их; с самого известия о битве Бородинской скоро слышались темные слухи о взятии и сожжении Москвы, движении войск наших к югу России, – и Курск сделался театром опасностей и страха. Предвидели, что Наполеон обратится из обращенной в пустыню Москвы в Малороссийские губернии; даже некоторые (где нет зловещих сплетателей новостей?) рассказывали о намерении его достигнуть на зимние квартиры в Курск. Торговые сношения прекратились, почты не стало, никто не знал совершенно, что происходит в Москве и где армия наша; только появлялись некоторые нерадостные известия от проезжих, и звон почтового колокольчика приводил в трепет каждого. Между тем, находясь в числе губерний, близких к театру войны, Курская несла большие тягости: кроме рекрутских наборов, обременили ее поставка лошадей, запас сухарей и проч., и счастлива она была, что Божье провидение послало ей тогда начальника, неусыпно бдевшего над нею. У нас в Курске каждый гражданин с почтением произносит имя Аркадия Ивановича Нелидова, бывшего в то время Курским гражданским губернатором. Сей истинно русский боярин, как ангел-хранитель курчан, употреблял все способности облегчению бедствий, но могли ли он отвратить их? Отечество требовало, и сыны исторгались из объятий родительских, и все состояния единодушно участвовали в пожертвованиях на пользу отчизны. Кто тогда жалел чего-нибудь? Кто не приносил всего на жертву?

Подтвердилось известие о московских опустошениях и о том, что Наполеон обратился на Калугу; рассказывали даже о взятии Калуги. Ужас множился, некоторые хотели оставлять свои жилища, и все находили одно утешение в уповании на Бога. Храм, где находится чудотворная икона Знамения Богоматери, был всегда отворен и наполнен молящимися: слезы и вздохи смешивались с мольбами священнослужителей.

Между тем сомнительное положение дел требовало мер решительных. В доме градского общества собрались унылые граждане Курска: там советовались они, что предпринять. Постановление, сделанное ими, дышит пламенной любовью к отечеству. «Если нужно, - говорили они, - мы готовы жертвовать всем, готовы идти и пасть на поле чести, спасая веру свою и семейства». Но, прежде всего, надобно было узнать совершенно, в каком положении дела наши? Решено отправить депутата прямо к полководцу сил русских и спросить у него: чего должны ожидать жители Курска? Справедлива ли опасность, городу угрожающая. Спросить, угодна ли Провидению жертва, которую хотят принести жители Курска, готовые поголовно стать на брань с врагами грозными? Но кто решится принять на себя трудное предприятие, пробраться в стан русский посреди бедствий и беспорядков войны?

Глаза всех обратились на согражданина Никиту Ивановича Сибилева, старца, украшенного сединами, который в юных летах своих знал лично вождя сил русских, знаменитого Князя Смоленского. Сибилев охотно принял на себя смелое предприятие и сопровождаемый благословениями сограждан отправился в путь с одним курским гражданином С. Дружининым. Они поехали по Московской дороге. Повсюду беспорядки и смятения: толпы народа, убегающие из жилищ своих, воины, спешившие на брань, жители, в страхе ожидающие безвестной участи - вот что встречало их везде! В Туле остановили их, предвещали верную гибель там, где исчез совершенно общественный порядок; но Сибилев, с подорожною казенного Комиссионера, отправленного по самонужнейшей надобности, не поколебался! В Серпухове не нашли уже они возможности ехать далее: почты не было. Между тем, находясь в 90 верстах от Москвы, почти освещаемые заревом московским, они ничего еще не могли узнать ни о положении армии, ни о пребывании главной квартиры, беспрестанно переносимой с одного места на другое. Наконец Сибилев явился к какому-то значительному чиновнику, ехавшему из главной квартиры, и получил от него подробное наставление. Люди, с которыми познакомился он в Серпухове, простились с ним, как на смерть обреченным; но старик, вооруженный саблей, парой пистолетов, перекрестившись, и по обыкновению своему, громко произнеся слова Св. Писания: *«Аще Бог по нас, то кто на ны?»*,

отправился в решительный путь. Он пробирался в Вороново. Ночь застала их в лесу на грязной дороге. Шел дождь, проводник, которого они почти насильно взяли, бежал, и положение их было весьма сомнительно. В это время Сибилев слышал вдалеке признаки селения; он оставляет своего товарища и повозку в лесу и один идет отыскивать следы людей. Вскоре видит большой огонь: это были казаки.

- Кто идет? - закричали ему громко.

- Казак.

- Которого полку?

- Грекова.

- Что ж ты один?

- Одного мать родила, - сказал смелый старик, которого по бороде и вооружению казаки в самом деле почли за своего земляка. Он отвел в сторону начальника их, показал подорожную, растолковал о себе и попросил не выводить других из заблуждения. Тотчас отправили за Дружининым вооруженных казаков, и наши странники провели ночь при бивачном огне.

Назавтра отправились они в Вороново. В трех или четырех верстах от ночлега показался им вдалеке стан французский, и вскоре Сибилев приехал в нашу главную квартиру. Он разговорился с военными людьми: его поступки, отважность, веселость, всем понравились. Генерал С. представил его прямо к Князю Смоленскому.

Князь был окружен многочисленным генералитетом, с ласковостью обратился к неизвестным пришельцам.

– Что тебе надобно, друг мой? – спросил он Сибилева. – Кто ты, батюшка?

– Ваша Светлость, – отвечивал старик, – в моем лице курские граждане кланяются вам и желают всякого благополучия; они не знают, чего ожидать им должно, и если наш город не безопасен, то когда угодно все мы готовы идти на супостата. Угодно ли это Вашей Светлости? Скажите, что нам делать или обрадуйте нас радостной весточкой.

Приметное чувство оживило лицо героя.

– Благодарю вас за усердие ваше; благодарю, молитесь Богу. Город ваш безопасен, войска у нас много, и нам бояться нечего. Не оставляйте жилищ своих; враг был силен, но велик Бог. Возвратись назад и обрадуй своих сограждан, что скоро мы совершим решительное поражение неприятеля.

Сибилев, растроганный до глубины сердца, в радости воскликнул:

– Надежда на тебя, батюшка, Ваша Светлость, не обманул один!

Тут некто перервал разговор:

– Неужели у вас некого было послать, кроме тебя, есть ли у тебя надлежащие бумаги?

Замолчите, сударь, громко произнес Кутузов, – Вы не понимаете цены усердию и простодушию. Он вещал и ласково продолжал разговор с Сибилевым, требовавшим письма к своим курчанам.

– Только тогда, как увидят они подписанное Вашей Светлостью, – говорил он, – поверят они таким делам, которые вблизи видишь и не веришь. – Охотно, охотно, отвечал Князь и тотчас приказал исполнить требование, сам пересказавши, в чем должно состоять письмо в Курск.

– А знаете ли, батюшка, Ваша Светлость, что мы старые знакомые?

– Как это?

– Я был маркитантом, когда Ваша Светлость находились в Крымском полуострове, в Московском легионе. Помните ли сражение в горах (он напомнил Делассия и назвал его по имени), Вы были тут ранены, татары отбили фуру с гренадерскими шапками.

– Так это все я помню, ты старый служивый, мы оба старые служивые, – прибавил Князь.

– Могу ли равнять себя с Вами, батюшка, – и Сибилев рассказал приступ к Измаилу, даже

взятие Хотина, где он также был. С улыбкой потрепал его по плечу Князь Смоленский.

Несколько раз встречался потом Сибилев с вождем русским, пока жил в главной квартире. 19 числа была она в Богородицке, 20 числа переведена в Тарутино. Тут курчанину со всей ласковостью показали положение нашей и неприятельской армии, сказали о намерении дать битву и где хотят дать ее. Он видел безопасность нашей армии, крепкую тарутинскую позицию, на крутых берегах Нары поставленную, невыгоды и потери неприятеля; получил множество военных известий при армии каждодневно издаваемых, видел седых воинов, в числе 20000 пришедших с берегов Дона и обрадовавших Героя Смоленского; видел ополчения, обезопасившие рязанскую и тульскую дороги; слышал о войне партизан. Состояния и звания сливались в стан русских: всех сливала одна любовь к отечеству. Наконец, обласканный Полководцем, восхищенный его милостями, Сибилев последовал на родину, где с усиливавшимся каждый день терпением ждали его сограждане. Он получил открытое повеление Платова, который весело шутил с ним в новой хижине, где была тогда квартира сего славного Донского Атамана.

Ночью приехал Сибилев в Курск и восхитил всех. Вот письмо, привезенное им на имя городского Главы В.А. Гладкова и на другой день прочитанное в полном собрании общества³.

Как изобразить радость добрых жителей Курска? Забыты горести, слезы и потери, они веселились как братья! «Отечество не в опасности, мы спасены, хвала нашему полководцу!» – говорили они. Ночью еще доставили к Губернатору письмо, полученное от Князя Кутузова. Сибилев сделался желанным

«Государь мой, Василий Андреевич!

Похвальное усердие ваше, сопряженное с предосторожностью, при настоящих обстоятельствах необходимой, поставило меня в приятный долг изъяснить вам мою признательность, с чем вместе я прошу вас успокоить жителей города Курска и уверить их, что состояние армии нашей как было, так и есть, в благонадежном положении: силы наши сохранены и надежда на верное поражение врага нашего никогда нас не оставляла. Граждане ваши, Гг. Сибилев и Дружинин, были очевидными свидетелями невыгод неприятеля нашего, какие встречает он на каждом шагу. Истребление сил его, недостаток в продовольствии и совершенная гибель предстоят ему неизбежно; а за тем лета мои и любовь к отечеству дают мне полное право требовать вашей доверенности, силою коей уверяю вас, что город Курск есть и будет в совершенной безопасности. Теплые ваши молитвы ко Всевышнему и храбрость войска нашего будет иметь следствием то удовольствие, какого я надеюсь и которое к общему обрадованию последует вслед за кампанией, в непродолжительном времени прекратится долженствующей. Имею честь быть,

Государь мой, ваш усердный Князь Михаил Г. Кутузов

Сентября 20 дня 1812 года»

гостем многих. И вскоре счастливая мысль представилась курчанам, храм, в котором молили они Помощника в скорбях, осчастливленный присутствием чудотворного образа Богоматери, издревле помогавшей тем, которые с верой прибегали к помощи ее благочестие царей и вождей русских, всегда носивших перед ополчениями своими изображения Св. Помощников России – все это внушило им благочестивое желание препроводить к Князю Смоленскому список с чудотворной иконы и усердно благодарить его от лица всего города. Только что произнесено было это желание в собрании граждан, как всеми единодушно принято. «Надежда на поражение врага утешает нас, – говорили граждане, но еще неизвестно, какие будут следствия великой решимости полководца русского: в пламени Москвы сделать могилу врагов наших, пусть же упование наше на Бога еще более укрепит его». Вскоре назначено Сибилеву опять ехать: ему вручили образ Знамени Божьей Матери, богато украшенной, с письмом от имени Курского городского общества, исполненного чувством веры в Бога и надеждой на дело правых, отправили в прежний путь. Сыны отечества! Вам памятен день, в который курчанин,

носящий знак истинной веры в Бога, явился в стане ратном! Ужасен и славен был день сей! Наполеон, оставивший пепелища московские, в грозных силах двинулся по калужской дороге к Боровску; он хотел прорваться в изобильные, еще не разоренные края России, или, по крайней мере, отступить по дороге, еще не опустошенной. И в то время, когда рука его касалась святыни храмов московских, когда стены Кремля взлетали на воздух и огонь осветил со роды родов гибель врага и нашу славу, в то самое время, с 11 на 12 число, ночью, полчища его ужасно надвинули на силы русские. 10 числа октября с утра загорелся бой смертельный: город Малоярославец вспыхнул. В это самое время Сибилев явился в главной квартире. Князя Кутузова не было, он находился в пылу битвы. Сомнение казалось на всех лицах, то приносили известия о взятии Малоярославца врагами, то о новом занятии нашими войсками, известно, что город, или лучше место, где был он, восемь раз переходил из рук в руки! Уже вечером возвратился Князь Кутузов. Еще битва не умолкла, зарево осветило стан русский, громы гремели.

Сибилев представлен был Князю, и ныне, по прошествии десяти лет, почтенный старец не может вспоминать без слез тогдашнее

свидание. Лицо полководца было спокойно, но мрачно, невесело. Что чувствовало сердце его? Держа обеими руками святой образ, низко поклонился ему курчанин.

– Бог да благословит Вашу Светлость!

– Это мой старый знакомый?

– Я, Батюшка, курские граждане, твердо уповая на заступничество Божьей Матери, препровождают к вам образ ее: он будет вам знамением победы! Герой Смоленский низко преклонился перед святым образом, приложился, и слезы градом полились по лицу его. Сибилев зарыдал...

– О чем плачешь, Сибилев? – спросил его Князь Смоленский.

– Когда вы, батюшка, плачете, – могу ли я удержаться?

– Молись Богу, друг мой, Он благословит нас. Сегодня решительный день. Петр Петрович!

– прибавил он, обратившись к сотруднику своему, генералу Коновницыну, – примите образ, препроводите его к гвардейским полкам, немедленно прикажите поставить подле Смоленской Богоматери и начать всенощную. С благоговением исполнил повеление его Герой – Славян любовь⁴.

Князь вскоре опять уехал. Битва завершилась уже поздно ночью. Еще неизвестны были следствия ее. Неприятель продолжал сражаться, стараясь прикрывать явное свое бегство. Вечером Сибилева позвали к Главнокомандующему. Среди ужасов войны, среди дел, на которые обращалось внимание половины Вселенной, Герой Смоленский помнил о радостной минуте, которую мог доставить простому гражданину. Он потрепал Сибилева по плечу. «Велико заступничество Защитницы, на которую полагались курские жители, – сказал Герой, – знаешь ли радостную весть? Неприятель бежит. Мы преследуем его. Радуйся: Москва очищена и отечество спасено!» Можно ли описать радость, всех тогда наполнявшую? Все читали известие, полученное от генерала Иловайского⁵. В восторге старик повергся перед избавителем отечества.

Тогда же в печатных известиях военных Герой Смоленский приказал поместить следующее свидетельство веры своей в Бога и усердие курчан. «В самый тот день, когда неприятель вынужден был отступить от Малого Ярославца, доставлено в армию изображение

чудотворной иконы Курской Божьей Матери, чудесно некогда избавившей отечество наше от врагов. Граждане города Курска, успокоенные письмом Главнокомандующего Г. Генерал-Фельдмаршала, послали к нему сей образ, сопровождая его мольбами к Господу сил, да сохранить Монарха и благословить оружие наше, справедливо в защиту отечества исторгнутое. Народу, имеющему упование на Бога, преданному вере отцов своих, завистливый враг может нанести раны, но никогда не победить его».

Еще четыре дня Сибилев пробыл в стане русском, потчивал героев плодами курских садов, присланными от радостных граждан курских⁶; был свидетелем гибели врагов и постыдного их бегства. Наконец 16 Октября в Гончаровском заводе простился с мстителями русскими, которые все устремились за врагом: главная квартира на другой день переведена за 12 верст в село Адамово и потом в село Кремлянское. Вот письмо, привезенное Сибилевым в Курск и принятое с восторгом гражданами.

Еще этим не кончилась радость курчан. Вскоре нарочно посланный привез серебряную медаль на Владимирской ленте, с надписью: «За усердие», которую при поздравлении от лица Главнокомандующего почтенный Губернатор вручил Сибилеву уже не просто письмом, но отношением к целому городу. Главнокомандующий говорил так:

Восторга нашего описали к герою курчане в ответе на отношение его и восторга всех живущей, с нетерпением читающих уведомление

«Государь мой Василий Андреевич! Письмо ваше, исполненное доказательствами на любовь к отечеству, преданность и верность к Августейшему Монарху, я получил: в лице вашем изъявляю полную благодарность всему Курскому Купечеству и Мещанству! Икону Божией Матери вместе с тем, как имел удовольствие в истинный знак вашего усердия оную принять, приказал я перенести к гвардейским полкам, где она отныне и по конец кампании будет возима, и где по примеру Смоленской Божией Матери будет приносимо ей вседневное моление, а затем повторяю вам обещание мое в безопасности Курска. Молите Царя Царей о поддержании и подкреплении сил храброго нашего воинства, которого один долг остался, не выпуская врага, в бег устремившегося из пределов наших, с помощью Всемогущего Бога истребить и похоронить в земле Русской. Будьте покойны, занимайтесь делами вашими и обязанностями к пользе общей, я же с моим усердием есть и буду всегдашний доброжелатель князь Г. Кутузов.

Октября 18 дня 1812 года.»

ваше, Светлейший Князь! – им не в состоянии объяснить! Мы восклицаем только: дивен Бог во Святых своих! Да уразумеют народы, что свыше было предопределено Вам, быть спасителем России... Мы не в состоянии воздать за все подвиги и благодеяния Ваши – есть Бог, есть Царь – они воздадут тебе, спаситель отечества!

В то незабвенное время славы русской язык лести сделался неизвестным, и слова курчан еще слабо выражали полноту радости и восхищения их.

Сибилев еще раз отправился с хлебом-солью от города Курска, когда граждане пожелали уже не узнать о безопасности своей, но

Курскому Купеческому и Мещанскому Обществу!

В соответствие усердия вашего к Государю Императору любви и верности к общей Пользе вмению в приятной долг уведомить вас, что угрожаемый доселе неприятель и враг веры православного Русского народа предупрежден будучи в предприятии своем ворваться в Калугу, что известно нам сколько из показания пленных Генералов, а не менее из того движения, при каковом встречен он под Малым Ярославцем, где потерпев значащий урон, обратился в бегство и сопутствуем будучи голодом, холодом и совершенною во всем крайностию достойно платит он за слезы поселян, обругание храмов Божиих, поражаемый Русскими войсками, неутомимо его преследующими, теряет он людей, пушки и обозы в неимоверном количестве. Се следы усердных молитв наших к Царю Царей и новое доказательство на милость Всевышнего к Русскому народу.

Видя таким образом Вас, пришедших в совершенную безопасность, возобновляю признательность мою за усердие ваше, только мне известное и с обещанием сохранить оное навсегда в твердой памяти не оставляю к сделанному уже мною донесению Государю Императору при удобном случае представить в полной мере подвиги ваши, силою коих имеете вы право называться верными рабами Всеавгустейшего Монарха и достойными сынами отечества. Пребуду всегда вам усердный Князь Г. Кутузов.

31 октября 1812 года с. Лобково.

поздравить победителя в то время, когда везде цепи народов сокрушались мечом русским, когда Цари чуждые подавали руку Царю Северному, во спасение подвластных их. Сибилев видел Князя Смоленского за границею России в Калише и видел в последний раз! С радостною надеждой поехал он на родину, ошастливленный благосклонным приемом великого вождя сил русских, одинаково чувствовавшего и среди бедствий отечества и в славе его. Но в непродолжительном времени горестная весть поразила всех: не стало Князя Смоленского!

«Угас светильник нашей радости! Закатилось ясное солнышко земли русской!»

- воскликнул старец Сибилев, горькие слезы потекли из глаз его.

Но громы победителей разили врага: скоро Рейн отразил в волнах своих невиданный дотоле стан славянский, над Парижем возлетел орел России, и клик радости повторился в странах нашего отечества. Чем более был ужас бедствий, тем живее жители Курска чувствовали торжество побед наших!

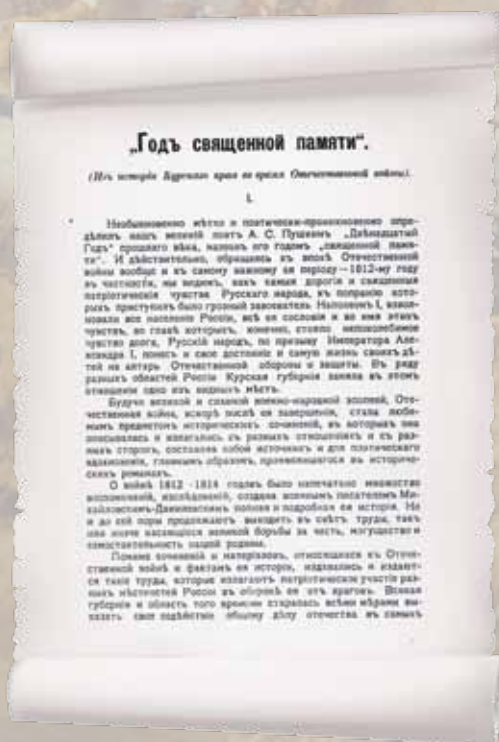
Протекло десять лет, пролетят столетия, но дела, но чувства русских не истребятся; и если солнце должно погаснуть в небесах, то слава русская, может быть, переживет и тебя, лучезарное светило!

Примечания:

1. Кто не знает Слова о полку Игореве – единственного, драгоценного остатка песнопений наших Бардов? (Здесь и далее приводятся примечания автора – ред.)
2. Когда враги облежали крепость Курскую и уже силы храбрых защитников ее ослабели, они единодушно произнесли обеты, по освобождении от врагов воздвигнуть храм Божий в память потомству. Исполнились желания верных сынов отечества, и в 1613 году, по данной от царя Михаила Федоровича грамоте, заложена огромная по тогдашнему времени церковь во имя Рождества Пресвятые Богородицы и украшена иконами, присланными в дар от царя Бориса Федоровича еще в 1602 году. В 1618 и чудотворная икона Знамения Божией Матери, взятая Дмитрием самозванцем (1603 г.) в Москву, возвращена по прошению курчан. Ныне благочестивым усердием почтенного отца Архимандрита Палладия на месте обветшавшего уже храма воздвигается новый великолепный храм по плану знаменитого Гваренгия.
3. Умный старик получил перед отъездом из Курска рекомендательное письмо от Гр. к какому-то армейскому генералу, с гордым уверением, что оно доставит ему свободный проезд; письмо надобно было взять, но Гр. трудился напрасно: Сибилев, по приезде, с усмешкой вручил ему письмо нераспечатанное!
4. Жуковский.
5. Вот оно: «Неприятель, теснимый и вседневно поражаемый нашими войсками, вынужден был очистить Москву 11 числа октября, но убегая, помышлял поразить новым оскорблением Христолюбивый народ русский, взорвав подкопами Кремль и Божьи храмы, в которых опочивают тела Угодников. Дивен Бог во святых его! Часть стен Кремлевских и почти все здания взлетели на воздух и истребились пожаром, а Соборы и храмы, вмещающие мощи святых, остались целы и невредимы, в знамение милосердия Господня к Царю и царству Русскому. Москва, 12 октября 1812 года».
6. Он хотел поднести часть их героям Платову и Милорадовичу, но мог ли успеть за быстрыми победителями? Граф Мих. Анд. Милорадович был тогда почти близ Вязьмы, а Граф Мат. Ив. Платов еще далее.

«ГОД СВЯЩЕННОЙ ПАМЯТИ» (ИЗ ИСТОРИИ КУРСКОГО КРАЯ ВО ВРЕМЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ)

Необыкновенно метко и поэтически-проникновенно определил наш великий поэт А.С. Пушкин Двенадцатый год прошлого века, назвав его годом «священной памяти». И действительно, обращаясь к эпохе Отечественной войны вообще и к самому важному ее периоду – 1812-му году в частности, мы видим, как самые дорогие и священные патриотические чувства русского народа, к поприщу которых приступил было грозный завоеватель Наполеон I, взволновали все население России, все ее сословия, и во имя этих чувств, во главе которых, конечно, стояло непоколебимое чувство долга, русский народ, по призыву Императора Александра I, понес и свое достояние, и самую жизнь своих детей на алтарь Отечественной обороны и защиты. В ряду разных областей России Курская губерния заняла в этом отношении одно из видных мест.

Будучи великой и славной военно-народной эпопеей, Отечественная война, вскоре после ее завершения, стала любимым предметом исторических сочинений, в которых она описывалась и излагалась в разных отношениях и с разных сторон, составляя собой источник и для поэтического вдохновения, главным образом, проявлявшийся в исторических романах.

О войне 1812-1814 годов было напечатано множество воспоминаний, исследований, создана военным писателем Михайловским-Данилевским полная и подробная ее история. Но и до сей поры продолжают выходить в свет труды, так или иначе касающиеся великой борьбы за честь, могущество и самостоятельность нашей родины.

Помимо сочинений и материалов, относящихся к Отечественной войне и фактам ее истории, издавались и издаются такие труды, которые излагают патриотическое участие разных местностей России в обороне ее от врагов. Всякая губерния и область того времени старалась всеми мерами выказать свое содействие общему делу Отечества в самых разнообразнейших формах и проявляла свое деятельное участие в осуществлении святого дела поражения и изгнания Наполеона I из России. Сохранение в потомства памяти обо всем этом составляет одну из важных задач местных историков, исполнение которой, разумеется, всеми признается настоящим и в высшей степени необходимым делом.

Что касается Курского края, то пишущему эти строки пришлось в разное время и в различных периодических изданиях: Русской Старине, Историческом Вестнике, изданиях Курского Губернского Статистического Комитета, в Курском Листке, Курских Губернских и Епархиальных Ведомостях, напечатать немало статей об участии Курской губернии и ее населения всех сословий в патриотическом подвиге содействия защите Родины.

В настоящее же время, в предлагаемой вниманию читателей статье, автор имеет в виду – не повторяя сообщенных уже в печати фактов, – передать несколько новых, извлеченных им из архивных источников сведений из истории Курского края, всецело относящихся к Отечественной войне и имеющих интерес для нас, в особенности в виду исполнившегося столетнего юбилея со времени Двенадцатого Года. Мы позволяем себе думать, что читатели не посетуют на нас за некоторую отрывочность сообщаемых нами местно-исторических данных, вследствие той, указанной нами, причины, что мы, считая

неудобным повторения уже напечатанного и изданного, решились дать вновь найденное и в печати вовсе неизвестное. Нам казалось, что интерес и содержательность нашей статьи от этого должны только выиграть.

Прежде всего, передадим некоторые сведения о пожертвованиях Курского дворянства, которые оно делало в громадных размерах на устройство, поддержку и содействие народному ополчению, призванному в помощь Русским армиям, действовавшим против войск двадцати народов, приведенных в Россию Наполеоном I.

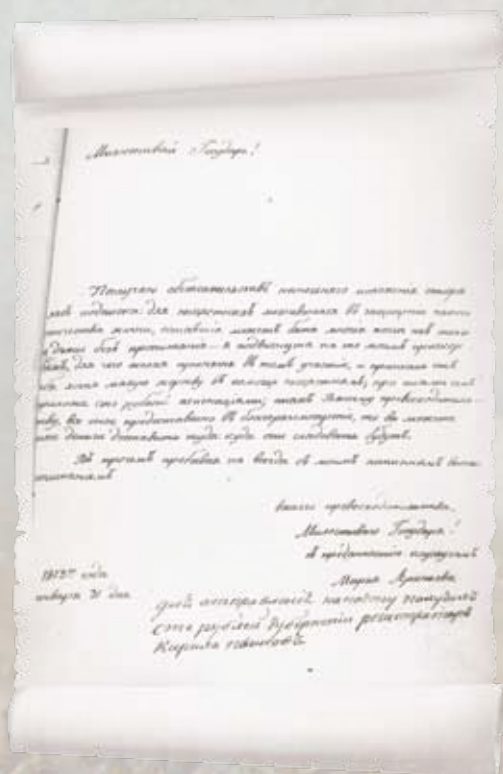
Говоря об этих пожертвованиях курских дворян на нужды армии и ополчения, мы считаем своим долгом упомянуть о тех денежных приношениях, которые в 1812 г. делались представителями дворянского сословия через посредство Архиепископа Курского Высокопреосвященного Феокиста, который пользовался большим уважением нашего дворянства и с высокопоставленными лицами из местных дворян, начиная с Курского Губернатора Арк. Ив. Нелидова, вел переписку. В ноябре 1812 г. член Государственного Совета и Комиссии духовных училищ Обер-Прокурор Святейшего Синода Статс-Секретарь князь Голицын прислал Архиепископу Феокисту письмо следующего содержания: «Высокопреосвященнейший Владыко, Милостивый Государь мой и Архипастырь! Под руководством Государыни Императрицы Елизаветы Алексевны Высочайше поручено Обер-Шенку Головину, Обер-Гофмаршалу графу Толстому, государственному секретарю Шишкову и мне делать приглашения к денежным пожертвованиям в пользу потерпевших от вторжения врага в Отечество наше.

«Помогать ближнему – есть долг и удовольствие христианина; уделять от избытков своих тем, которые нуждаются в необходимом, сего требует справедливость; делиться с несчастными и немногим есть совершенство добродетели. Я уверен, что Ваше Преосвященство исполнены чувством сей истины, и потому не осмеливаюсь с моей стороны прибавлять убеждений. Ограничиваюсь исполнением возложенной на меня обязанности. Приглашаю Вас, яко Архипастыря, сделать приглашение к пожертвованиям благородному дворянскому сословию, купеческому сословию, паству Вашу составляющим, так как Вам более известно

расположение их душ и самые способы к вспомоществования ближним. Таковые добровольные пожертвования может каждый благотворитель сам прислать в Санкт-Петербург ко мне или на имя одной из вышесказанных особ, потому что каждому из нас для записи пожертвований выдана шнуровая книга».

Сделав с своей стороны крупные денежные пожертвования, Архиепископ Феокист не замедлил послать свои письма выдающимся по своим средствам и благотворительности помещикам своей Белгородской епархии, которая в то время обнимала собой Курскую губернию. В этих письмах он возбуждал горячее чувство патриотизма, упавшее на плодотворную почву. Несколько из этих писем, а также ответных писем дворян сохранилось в архиве Курской духовной консистории, и мы приводим их здесь. Вот что Преосвященнейший Феокист писал одному из Обоянских помещиков генерал-майору П.В. Ильинскому: «Вы когда-то изволили сказать мне о намерении Вашем построить при Обоянском мужском монастыре богадельню. Теперь открывается благопристойнейший случай и возможность к изъявлению благотворений Ваших в пользу бедствующих соотчичей, проливавших кровь свою за спасение Православной России. На сей важный, душеспасительный предмет пожертвуйте, благодетель мой!»

В письме к белгородскому помещику И. И. Хорвату Архиепископ писал, между прочим, следующее: «Спешу обратиться к Вам, приснопамятному и незабвенному моему милостивцу, со всепокорнейшей просьбой об уделении на страждущих от всех ужасных последствий войны возможной частички от достояния Вашего, дарованного Вам свыше. Если когда-либо, то ныне паче и паче должны воссиять среди дворянства христианские добродетели, многократно и многообразно плачущих утешавшие, сирых призивавшие, несчастным покровительствовавшие. Если когда-либо, то ныне несчастные, страждущие наши соотечественники, сплетут Вам венец правды в невечернем дни царствия Христова, но туда еще не спешите, дондеже совершите вся благая по сердцу и желанию Вашему. По восьмидесятичетырехлетию моему и по всегдашним моим изнеможению, со дня на день умножающимся, предлежит мне вскоре переправа в вечность. Дай Бог перейти в мире и

покаяние, о сем молю всесильную благодать Божию».

Приглашая троих братьев помещиков Суджанского уезда к пожертвованиям, Преосвященный Феокист указывает им на благотворительную деятельность их отца и прибавляет: «При первом с родителем вашим свидании в царствии Христовом, куда путешествие мое не замедлится, по чувствуемому моему изнеможению, засвидетельствую ему неумолчно о непрерывном продолжении ваших христианских добродетелей, имя его увековечивающих».

Одному из богатейших помещиков Фатежского уезда Спешневу писал Архиепископ о том, что давно уже молится о его здоровье и благополучии «за его щедрые жертвы в пользу благотворительности, им совершенные по просьбе духовенства».

Все представители курского дворянства, к которым обращался маститый Преосвященный, поспешили прислать свои пожертвования лично к нему, а некоторые в Петербург, уведомив его письмами.

Приведем здесь некоторые из этих писем. Так, белгородский помещик - Хорват, препроводив 500 руб. в пользу страждущих от войны, отвечал в своем письме Высокопреосвященному Феокисту следующее: «Ваше Высокопреосвященство страшает нас годами своими; сие крайне сразить паству

Вашу, в коей и я честь имею находиться. Мы живем боле четвертой части века под Вашим Архипастырским благословением: не оставляйте нас! Мы будем просить о сем Господа Бога нашего, да продлит дни Ваши в крепости силы и в совершенном здравии. Я надеюсь, что почтеннейший мой Архипастырь удостоит будущим летом освятить церковь мою, я не премину явиться к Вам с прошением сей воли Вашей».

Львовский помещик Л.А. Изъединов прислал 500 руб. Архиепископу Феокисту с выражением «сыновних своих чувств» к нему. Путивльский помещик Черепов прислал 1000 руб. Из Курска дворянин Переверзев препроводил 250 руб. с следующим, очень интересным для характеристики настроения курского дворянства во время Отечественной войны, письмом.

«В настоящее время, - писал Переверзев, - видя многих из знакомых моих и незнакомых дворян и других сословий соотчичей, подвергшихся несчастной участи, сопряженной с защитой Отечества, я облегчал с удовольствием сердца по силам моим, угнетающую их бедность, давая одним деньги, другим одеяние, а некоторым пристанище. Не желая выставить сего перед другими, скажу однако ж, что масса всеобщего пожертвования, сколько бы она ни была значительна, не может быть столь ощутительной для всех несчастных по великому их множеству, сколько частное вспоможение друзей, знакомых и других сострадательных соотчичей. Между тем, желая по возможности, участвовать в сумме всеобщего пожертвования, прилагаю при сем 250 руб. Отношение, совершенно подобное тому, какое вы имеете от Обер-Прокурора касательно пожертвований, получил и Курский Губернатор, в котором я, по мере сил моих, также буду участвовать».

Из Харькова помещицей Харьковской губернии, владевшей поместьями и в Грайворонском уезде Курской губернии, Донец-Захаржевской было прислано 500 руб. в распоряжение Преосвященного Феокиста. Многие лица из Курского дворянства жертвовали денежные суммы, как это видно из архивных документов Курской духовной консистории, своему приходскому духовенству вместе с купечеством и другими

сословиями. Главные благочинные Курской губернии уведомляли Архиепископа Курского о том, что в их благочестиях все сословия, в том числе и дворяне, участвовали в общей патриотической подписке. Так, например, в Белгороде в первых два месяца после начала подписки было пожертвовано 713 руб., в том числе от дворянства 334 руб. Конечно, подписываемые в приходских списках суммы денег уже не отличались значительностью, с одной стороны вследствие скромного бюджета подписавшихся, а с другой вследствие ранее сделанных жертв по специально дворянским сборам...

Курское дворянство сочло своим долгом прийти на помощь тем дворянам, которые выразили желание вступить на службу в Действительную против войск Наполеона I армию, но нуждались в материальных средствах для осуществления этого.

Все уездные дворянские собрания сделали соответственные постановления в августе 1812 года. Рыльский уездный предводитель писал губернскому предводителю дворянства: «Рыльское благородное сословие в своем собрании для вспомоществования изъявившим желание дворянам поступить в армейские полки, на защиту Отечества, не имеющим средств на проезд и содержание, согласилось дать с каждой души 10 к. из собственных своих доходов».

В приговоре Суджанского дворянства сказано: «Дворяне, по преданности к Государю Императору и Отечеству, будучи готовы ко всяким на пользу общую пожертвованиям, положили для пособия дворянам, вступившим в армейские полки, назначить с каждой души по 10 к. Жертвуя также по 10 к. с души, дворянство Курского уезда высказалось в том смысле, чтобы сколько каждому поступившему в ополчение и армию следует назначить суммы денег, то для единообразного положения по всей губернии предоставить оное на определение г. Курского Губернского и уездных предводителей Дворянства в их собрании».

Также постановило льговское дворянство, высказавшись таким образом: «Благородное сословие, имея усердие свое вспомоществовать неимущим благородным дворянам, изъявившим желание стать на защиту Отечества, жертвует по 10 к. с каждой ревизской крепостной души».

Подобным образом сделали свои постановления дворяне остальных уездов нашей

губернии. Тимское дворянство положило собрать необходимые деньги «в самоскорейшем времени». Щигровское дворянство пожертвовало свое вспомоществование «в ознаменование признательности к тем своим сочленам, кои изъявили желанье вступить в военную службу в такое время, когда она наиболее для Отечества нужна, но не имеют на проезд и содержание себе состояния».

Между тем, уже после оставления Наполеоном Москвы и бегства остатков французской армии из России, ввиду продолжения похода русских войск за границу Империи, формировались новые военные части для службы внутри государства. Для этих частей необходимы были офицеры, почему Правительство приглашало в конце 1812 г. и в начале 1813 г. желающих из дворян, не занятых службою, поступить во вновь формируемые войска.

По этому поводу Курский Губернатор писал П.А. Гасвицкому: «Из предписания мне Г. Министра полиции увидите Вы, милостивый государь мой, что Его Превосходительство поручает мне приглашать дворян, совсем службою не занятых, к поступлению в 3-й округ внутреннего ополчения. Вследствие чего, сверх принятых мною стараний к приглашению таковых на службу в означенное ополчение, лично мне представиться могущих, я нужным почел просить вас воспособствовать мне в выполнении упомянутого поручения, приглашением дворян вступить в службу, полагая, что оставившие таковую, жительствующие в поместьях своих, наиболее могут быть вам в известности, и убеждение к ним Ваше, конечно, в них более может поселить ревности подвизаться на поле чести к защите Отечества».

Губернский предводитель обещал свое содействие, которого просил у него и командующий третьим округом внутреннего ополчения генерал-лейтенант граф Толстой. На основании просьбы А.И. Нелидова, П.А. Гасвицкий обращался к уездным предводителям, и вслед за этим от не находившихся на службе дворян стали поступать отзывы относительно предложения вступить в военную службу в новое ополчение и в формируемые генералом от инфантерии князем Лобановым-Ростовским полки. Число пожелавших поступить на службу было значительно, более всего в Щигровском уезде, именно 179 человек, в числе которых находились полковники Александр Рахманов

и Петр Скрыплев, премьер-майор Александр Ханыков, капитан флота Петр Монахов, другие военные и гражданские чиновники, юнкера, унтер-офицеры, капралы, не служащие дворяне. Многие из них просили материального вспомоществования со стороны дворянства. «Обязанность дворянина, - писал в своем отзыве подполковник Масленников, - есть та, коль надобность настоит, жертвовать последним здоровьем Государю своему и Отечеству».

Полковник П.П. Масленников был в походах в 1773, 1784 и 1793 годах в Польше до присоединения ее к России и, по представлению графа Орлова, награжден золотою медалью с Высочайшим портретом с надписью: За веру и Отечество, на Владимирской ленте.

«Я, - писал служивший в Черноморском флоте в десантном войске прапорщик Флор Михайлович Абросимов, - за Всеавгустейшего Всероссийского Императора и за всю Царскую фамилию и за все Отечество желаю вступить во внутреннее ополчение и стать охотно в шеренгу под ружье; когда двинется ополчение в поход, то и меня послать туда в первом отряде против неприятеля, или отправить меня на флот в десантную службу, ибо я русский человек, а русское имя - есть твердая верность, желаю служить на собственном моем коште».

Некоторые дворяне изъявляли свое желание поступить в военную службу прямо Курскому Губернатору или командующим частями войск, от которых уже поступали отношения к Курскому

губернскому предводителю дворянства об оказании этим дворянам денежного пособия из собранного дворянами капитала. Эти дворяне обыкновенно получали от губернского предводителя бумаги следующего содержания: «Вследствие отношения ко мне Его Превосходительства Господина Курского Губернатора и кавалера Аркадия Ивановича Нелидова, имеете вы, милостивый государь мой (т.е. уездный предводитель дворянства по принадлежности), изъявившему желание поступить на службу, по недостаточному его состоянию, отпустить на следование ему из имеющейся у вас десятикопеечной суммы на две лошади (показывались прогоны на то или другое расстояние) и на содержание 50 руб. и по удовлетворению его деньгами представить от себя Г. гражданскому Губернатору».

Некоторые из Курских дворян поступали в войска, бывали в 1813 г. уже за границей. Так, например, Хотмыжский помещик корнет И.И. Кривский с пособием от дворянства отправился в Ольвиопольский гусарский полк, находившийся в Кенигсберге. Вообще и во второй год Отечественной войны патриотическое рвение дворян не уменьшилось. Недаром гвардии поручик А. И. Хлопов писал в своем отзыве предводителю: «Защищать Отечество есть обязанность, не требующая убеждения для Российского Дворянства».

В заключение нашей статьи остановимся на некоторых итогах. В этом отношении крупный интерес представляет собою перечисление всех тех повинностей, которые несла Курская губерния и в особенности дворянство и зависевшее от него крестьянское население. Вот перед нами «Ведомость повинностям от земли, выполненным в 1812, 1813, 1814 и 1815-м годах по Корочанскому округу (уезду), составленная из сведений, доставленных от Корочанских: Земского суда, городничего, градского головы и из дел дворянского предводителя». Такие Ведомости были представлены уездными предводителями дворянства Губернскому Предводителю генерал-майору И. М. Ушакову, одному из выдающихся героев Бородинского боя,

тяжело раненному и украшенному орденом св. Георгия 4 степени. В них исчислены только те, по тогдашней терминологии повинности, которые были, как мы выше видели, выполнены в форме добровольных, по приговорам дворянства, пожертвований. Знакомство с перечислением этих повинностей, специально сделанных для потребностей военного времени хотя бы по одному уезду, дает нам понятие и об общем их погубернском значении.

В марте 1812 г., как сказано в Ведомости, помещики и казенные поселяне Корочанского уезда выставили подъемных лошадей. С поселян было взято 44 лошади, с помещиков – 62. Мещане и купцы города Корочи выставили 2 кирасирских лошади и 6 подъемных, а «градской голова» выставил одну строевую лошадь. Кроме того, «на оную надобность» было собрано с каждой ревизской души по 45 коп., а всего с мещан города Корочи 271 руб. 35 коп.

По Высочайшему повелению 7-го июня 1812 года, была совершена в уезде покупка волов для продовольствия армии и для поднятия воинских тяжестей. Было собрано и передано в уездное казначейство с владельческих дворянских крестьян и с казенных поселян 9294 руб. 25 к. Городничий собрал с казенных поселян 1049 руб., городской голова с мещан 150 руб. 75 к. С купеческих капиталов взяты были процентные деньги, именно 240 руб.

Новое пожертвование последовало в сентябрь 1812 года на устройство подвижного магазина с лошадьми и со всею принадлежащею к ним упряжью и погонщиками. Устройство это было выполнено по повелению Главнокомандующего армиями генерал-фельд-маршала М.И. Голенищева-Кутузова. С казенных поселян было взято 35 лошадей и 16 погонщиков. С помещичьих крестьян было, по приговору Губернского и уездных предводителей дворянства, поставлено и отправлено в город Курск 15 лошадей и 7 погонщиков.

На удовлетворение поставщиков лошадей и погонщиков с каждой души взято по 25 коп., всего 2709 руб. 75 к. Кроме того, из Земского суда было доставлено на тот же предмет 1151 руб. Из этой суммы Губернскому Предводителю П.А. Гасвицкому, по его ордеру, было выслано 700 руб. Городничий с подведомственных ему поселян собрал 5 лошадей и 3 погонщика. С мещан городским головою была взята одна лошадь и один погонщик и, кроме того, 120 руб. 60 коп.

В ноябре 1812 года потребовалось выполнение повинности по составлению транспортов на отправление к армии, действовавшей против Наполеона, запасов из города Трубчевска Орловской губернии. По постановлению собрания предводителей дворянства, было назначено с каждых 43 крестьянских душ дать по одной подводе, всего же с 10839 душ – 252 подводы и 126 погонщиков. Мелкопоместные же дворяне, владевшие каждый небольшим числом крепостных, внесли на устройство перевозных транспортов по 1 р. 50 коп. с души.

Но так как для погонщиков и лошадей необходимо было продовольствие во время их движения к Трубчевску, а потом в разные места расположения армии, то на каждую подводу было назначено по 18 руб. Кроме того, ассигнованы были деньги на содержание чиновников-дворян, которые должны были быть при обозах, каждый чиновник имел в своем распоряжении троих отставных солдат. Чиновникам было положено жалованье по 50 руб. в месяц, а солдатам по 5 руб. На содержание этих лиц с дворянских имений и селений казенных поселян было собрано в Корочанском уезде 5419 руб. 50 коп. С казенных поселян сверх того было взято Земским судом 614 подвод и 310 погонщиков, городничим с жителей города и подгородних слобод 90 подвод и 49 погонщиков. Городские мещане выставили 14 подвод, 7 погонщиков и 6 человек смотрителей.

В ноябре 1812 года последовал новый приговор собрания предводителей дворянства о сборе с каждой души помещичьих и казенных крестьян по 50 коп. для удовлетворения нужд армии в передвижении припасов из некоторых городов в район нахождения военных отрядов. С Корочанского уезда сбор достиг 13216 руб. Тот же сбор с жителей города и пригородных слобод выразился цифрой 2098 р., а с мещан 301 руб. 50 к. Из числа всей суммы Курскому Губернатору было отослано 17762 руб. 50 к. Так называемые «транспортные чиновники», под начальством подполковника Дятлова, после трубчевской операции представили для ревизии приходо-расходные книги, и они были утверждены высшим начальством.

По Высочайшему Манифесту, данному Императором Александром I возле Полоцка, дворянство Курской губ., по приговорам уездных своих собраний и по собственному желанию

назначило материальные средства для устройства Курского ополчения, а также постановило: из своих крестьян дать ополченцев, а желающие из дворян согласились вступить в это ополчение.

В январе 1813 г. последовало составление транспортов для перевозки запасов для армии из Курской губернии в г. Минск (так называемая Минская операция). По повелению Главнокомандующего генерал-фельдмаршала князя М.И. Голенищева-Кутузова в особом совещании Курского Губернатора с губернским и уездным предводителями было назначено с Корочанского уезда 1502 подводы и велено отправить их с транспортными чиновниками таким образом: 607 подвод к Путивльскому предводителю дворянства, 525 Хотмыжскому и 392 Обоянскому. Первое отделение подвод с 2 чиновниками, 2 смотрителями и 6 солдатами было двинуто в Путивль. На содержание транспорта было назначено по 40 руб. на каждую подводу, всего 12,150 р. Транспорт прибыл в Путивль, здесь обозы взяли провиант и фураж и повезли его в местечко Мену Черниговской губернии (по сообщению Путивльского предводителя о том, что сложенный в Мене груз был доставлен в армию подрядным путем), Сосницкого повета. Здесь они остановились вследствие порчи зимнего пути и по предписанию Черниговского Губернатора сложили груз в указанных местах, оставили сани, вследствие невозможности их везти, а сами транспортеры вернулись с лошадьми в Корочанский уезд, откуда опять уже выступили в поход для перевозки грузов с обозами телег...

Что касается отправления обозов к Хотмыжскому и Обоянскому предводителям, то оно не состоялось, а вместо него велено было собрать по 1 р. с ревизской души и 9740 руб. было отослано к Обоянскому предводителю на вспоможение Обоянскому уезду для закупки через посредство комиссионера Обоянского предводителя провианта в город Минск. Точно так же в Хотмыжский уезд было представлено тамошнему предводителю 7985 р., собранных уже по 1 р. 10 к. с каждой крестьянской души. В 1814 г. из Корочанского же уезда за поставку некоторой части подвод было выслано подрядчику Алаторцеву 6100 руб. Что касается других уездов Курской губернии, то и в них местное дворянство исполняло необходимые повинности денежные и натурою по общим, а иногда и особым распоряжениям. Так, например, в феврале 1813 г. было назначено «с

значительных имений Старооскольского округа взять 8 строевых лошадей и отвести их в Курск; по сходству сего предписания с имений: князя Трубецкого, графини Самойловой, генерал-поручицы Рахмановой, ст. сов. Рахманова, тайн. сов. Сабурова, графини Салтыковой и майора Раевского, и все лошади были сданы исправно». В Фатежском уезде в 1812 г. по ордеру Курского Губернатора 21 марта велено было земскому исправнику взять с каждого пятисотенного рекрутского участка годных для артиллерии лошадей и довести их в город Фатеж для сдачи прибывшим туда чиновникам, которые по назначению гражданского губернатора вместе с губернским предводителем дворянства, собраны с дворянских имений.

С Старооскольского уезда в период Отечественной войны население внесло деньгами 43802 р. 50 к. Пропорционально этой сумме, смотря по числу помещичьих владений и казенных поселян, внесли и другие уезды Курской губернии большую или меньшую сумму.

Представленные уездными предводителями Ведомости были в 1816 г. рассмотрены собранием Губернского и уездных предводителей. Цель составления Ведомостей была та, чтобы выяснить денежные остатки от употребленных на военные надобности сумм и зачесть их при взносе землевладельцами всех званий податей. В заключении Старооскольской Ведомости находим интересную собственноручную приписку местного предводителя дворянства Алисова: «Все же сии повинности, на пользу общую полагаемые, исполнялись всем дворянством с готовностью и, сколько мне известно, и сами казенные поселяне находили для себя оные неотяготительными».

В архивах Курского Дворянского Депутатского Собрания хранится книга, имеющая следующее интересное заглавие: «Приговоры дворян Курской губернии о подвигах бывшего Курского Губернатора Тайного Советника Аркадия Ивановича Нелидова, оказанные во время Отечественной войны 1812 года с описанием распоряжений его при самых смутных обстоятельствах и приписанной сему великому мужу за все его благотворные действия признательности и благодарности и об испрошении у Государя Императора удовлетворения просьбы Дворянства о поднесении ему от Дворянства золотой медали».

Содержание приговоров, находящихся в этой книге, дает в высшей степени ценные

сведения для истории Курской губернии во время Отечественной войны: 1) по отношению к лицу А.И. Нелидова, бывшему одним из выдающихся Губернаторов нашей губернии, 2) по отношению к патриотической деятельности дворянства в «Год Священной памяти», 3) касательно отношения дворянства к представителям высшей государственной власти в губернии, а попутно и об отношении Государя к благородному сословию, его предводителям и населению Курского края, 4) наконец по отношению к общественной жизни.

Дворянство Курского уезда по случаю предположенного выражения благодарности А.И. Нелидову в заседании 25 октября 1813 года высказало следующее: «Гражданский Губернатор А.И. Нелидов относительно выполнения возложенных на Курскую губернию повинностей оказал благодетельные распоряжения по всей губернии и показал собою начальника, право правящего со снисхождением милостивым до того, что всеми возможными средствами облегчил выполнение сих повинностей. Вся вообще Курская губерния облагодетельствована им в порядке управления. Истинное сему доказательство то, что во всех соседних губерниях военные повинности несравненно большим количеством сбора выполнялись, что выяснено в читанном в собрании списке, полученном от г. губернского предводителя П.А. Гасвицкого».

Согласно с этим дворянство Курской губернии постановило выразить свою признательность А.И. Нелидову «угощением» (обедом), благодарным листом и призом (золотою медалью).

Львовское дворянство подробно осветило деятельность А.И. Нелидова, благодетельную для губернии. При поставке от губернии 1143 лошадей для артиллерии помещики и поселяне не несли сугубых издержек, вследствие назначения Губернатором пунктов для привода лошадей, в пунктах были чиновники, удалявшие нерезонные браковки лошадей со стороны военных приемщиков, и сверх того А.И. Нелидов сам отправлялся в город Фатеж для уничтожения возникавших пререканий. При поставке в армию волов с фуражами никто не чувствовал тяжести и неудобств вследствие уравнительности раскладки между купечеством и помещиками. «Построение повозок, - сказано в приговоре львовского дворянства, - для подвижного магазейна производилось одним Курским купечеством, а транспорты повозок отправлялись

в путь по направлению Его Превосходительства и достигали армии без всякой остановки. В особенности А.И. показал свою попечительность о пользах вверенных управлению его обитателей тем, что по представительству у Его Светлости, покойного генерал-фельдмаршала, знаменитого вождя Российских сил, поразивших иноплеменные полчища, пять с половиной уездов, лишенных два прошедших лета урожая в хлебе, коих жители нуждались в хлебе для продовольствия своих семейств, были освобождены от поставки провианта и фуража, который эти уезды должны были выставить в количестве 87.521 четв. муки, 8208 четв. крупы и 43.042 четв. овса, а вся губерния была освобождена от поставки 75.000 ведер вина. Эта поставка была бы отяготительна, по неимению у многих винокуренных заводов, не пользующихся правом винокурения. Мы можем выразить душевную нашу признательность, которая ему по сущей справедливости принадлежит *во всем смысле этого слова*. Чествование это мы поручаем предводителю нашему, чтобы он засвидетельствовал от лица всего львовского дворянства едиными устами и единым сердцем. Мы уверены, что не одни мы одушевлены к Его Превосходительству благодарностью, но и всей губернии Дворянство по общему нашему образу мыслей тем же чувством к нему преисполнено, а потому уполномочиваем предводителя нашего совокупно с господами Губернским и уездными предводителями сделать приговор, и если возможно с назначением приза, и мы все то утверждаем во всей силе». Перечислив все достойные благодарности Дворянства за себя и за население действия А. И. Нелидова, Фатежское дворянство также выразило свою признательность ему и заключило свой приговор просьбой предводителю Федору Михайловичу Заикину принести эту благодарность от лица дворянства Губернатору.

Обоянское дворянство также перечислило все заслуги А. И. Нелидова и закончило свое постановление так: «Не имя других средств ответствовать на оные, как усердно нашею благодарностью, просим г. нашего предводителя принести эту благодарность, как он разумит». Приговор дворян Тимского уезда был составлен с особою тщательностью. В нем сказано: «1813 г. октября 27 дня, Курской губернии Тимского уезда дворяне, будучи в собрании для выбора чиновников к отводу лошадей и рекрутских

партий, в присутствии правящего должность дворянского предводителя, г. уездного судьи капитана И.А. Лутовинова, сделали сей приговор в том, что список, доставленный г. Губернским Предводителем дворянства о повинностях, выполненных в 1812 и начале 1813 гг., сделал новое напоминание в сердцах каждого из нас о столь незабвенной и впечатленной благодарности, какую мы ощущаем к благоразумнейшим мерам по всем отношениям здешнего г. гражданского губернатора тайного советника и кавалера А. И. Нелидова, под покровом коего, хотя повинности сии сколько ни были велики, при исполнении их сделаны малыми и без малейшего отягощения наших достояний тогда, когда дерзновенный враг в России с иноплеменными полчищами силился угрожать уже хищною своею рукою гибелью домам и семействам нашим и когда ничем и никому дорожить по отвращению таких опасностей было не должно и невозможно. Однако ж всякий из нас, при сборах, необходимых для государства, ощущал такое нечувствительное бремя, вследствие распорядительности Его Превосходительства».

Весьма интересно сопоставление, сделанное курскими дворянами, владевшими имениями в других губерниях, со своею губернией. «В других губерниях, - говорят они в приговоре, - мы не видели таких благодетельных распоряжений. А в управлении Его Превосходительством Курскою губерниею мы это видим, как несравненное против прочих облегчение, так и самое правосудие, оказываемое им ищущим его, с человеколюбием и кротости. Да будет ему сердечное чувство наше и семейств наших достойным знаком благотворительному начальнику Курской губернии, как верному сыну отечества и хранителю покоя вверенных ему народов, для чего и вручить ему, г-ну Лутовинову, сей приговор к назначению обще с губернским и уездными предводителями дворянства Его Превосходительству приза и угощения, означающих всеобщую и живейшую нашу благодарность».

Хотмыжское дворянство, выяснив все заслуги А.И. Нелидова и «запечатлев, как оно выразилось, в сердцах своих признательность ему», просило быть выразителем своих чувств местного предводителя.

Корочанское дворянство, составив подробное перечисление заслуг А.И. Нелидова, определило: «Нашего окружного г. предводителя дворянства П.И. Векарюкова просить, по

вверенному ему от нас званию, прибыв к губернскому предводителю дворянства и кавалеру П.А. Гасвицкому, убедительнейше упросить его принести г. гражданскому Губернатору тайному советнику и кавалеру А.И. Нелидову за все его благодетельные труды чистосердечную нашу благодарность: угощением с благодарным листом и предоставлением, буде Его Превосходительству благоугодно будет, ему приза, который заблагорассудит изволится губернскому, нашему и окружным предводителям, труды которых мы обязываемся почестъ навсегда совершенным к ним благорасположением».

Новооскольское дворянство также признало все заслуги А.И. Нелидова. Оно особенное внимание обратило на перевозку запасов: «При перевозке запасов, сказано в приговоре, из Трубчевска сделаны были губернатором самые удобнейшие для помещиков и казенных поселян распоряжения, наряд подвод был разделен на транспорты в умеренном для следования числе, к каждому был наряжен для препровождения смотритель, содержание обозов было обеспечено, в случае недостатка на пути денег была оказываема скорейшая помощь главными смотрителями» и т. д. Затем новооскольские дворяне выразили полную готовность чествовать А.И. Нелидова.

Старооскольское дворянское собрание, засвидетельствовав подобно некоторым другим, что исполнение повинностей в Курской губернии в 1812 и 1813 гг., производилось «без тех неудобств для помещиков и поселян и сугубых издержек, какие чувствовались в других губерниях, и, считая виновником этого А.И. Нелидова, выразило ему чувствительную признательность».

Суджанское и Белгородское дворянства высказались в том же смысле, подробно и обстоятельно перечислив заслуги А.И. Нелидова.

Щигровское дворянство высказалось так же, как и предшествующие дворянства, и постановило: выразить А.И. Нелидову признательность, «которая будет не только теперь, но и перейдет и к позднему потомству, которое будет отдавать должную справедливость трудам, заботливости и неусыпному попечению при таковых военных обстоятельствах, Его Превосходительством на пользу общую понесенным. Этой признательностью одушевлены не только каждый член благородного сословия, но и каждый обитатель Курской губернии, ибо

нет ни одного состояния и звания, которое не испытало бы на себе благодетельности распоряжения Его Превосходительства. Дворянство определяет изъявить свои чувства перед ним, через особый благодарный адрес, который за подписанием дворянства поднести уполномочить предводителя».

Дмитрговское-на-Свапе дворянство единогласно постановило: «написать во весь рост портрет Аркадия Ивановича Нелидова и сохранять в дворянском собрании памятником всех его великодушных попечений».

Путивльское дворянство признало нужным выразить А.И. Нелидову «открытую и всеобщую признательность за его благодеяния».

Рыльское дворянское собрание единогласно положило выразить А.И. Нелидову чувствительнейшую и покорнейшую благодарность.

7-го декабря 1813 г. губернский и уездные предводители имели собрание по уполномочию дворянства всей губернии относительно выражения благодарности А.И. Нелидову. В составленном в собрании приговоре было указано на то, что попечение Аркадия Ивановича «доставило всем сословиям Курской губернии то бесценное чувство народной гордости, что своевременно были исполнены населением все обязанности быть полезными Престолу и Отечеству». «Вследствие этого, - сказано в приговоре, - мы, будучи движимы священнейшею признательностью, приятнейшим долгом постановляем: принести достойному начальнику нашему А.И. Нелидову благодарность нашу, изложенную кратко, за распоряжения его 1812 и 1813 гг. на Листе, подписанном губернным и уездными предводителями дворянства. В явное же ознаменование того, предназначаем из общей суммы, в дворянском доме хранящейся, тысячу рублей на изваяние золотой медали с изображением на одной стороне Курской губернии, а на другой с надписью: «В благодарность господину Курскому гражданскому Губернатору Его Превосходительству Аркадию Ивановичу Нелидову от дворянства Курской губернии». А как она медаль по веществу своему не означает иного приношения, как токмо да послужит незабвенным памятником времени доблестей начальника губернии и признательности дворянства, то об утверждении ее Августейшим Монархом, Всемилостивейшим

Государем нашим, поручаем губернскому предводителю нашему благоволения просить через посредство г. министра полиции, и если верноподданническое прошение будет удостоено Высочайшего благоволения, тогда одушеваясь оным, предводители дворянства учинят особое распоряжение о поднесении медали. Ныне же определяем: из общей дворянской суммы три тысячи на приличное угощение в дворянском доме Его Превосходительства, всех губернских чиновников и пребывающее в город дворянство по билетам обеденным столом, балом и ужином, - предоставляя распоряжение всего того г. губернскому предводителю нашему и в том подписываемся».

Приводим копию с адреса, поднесенного курским дворянством А.И. Нелидову.

Под этим адресом подписались все предводители дворянства Курской губернии: губернский предводитель майор и кавалер Петр Гасвицкий, Фатежский предводитель и кавалер Федор Заикин, Рыльский Петр Денисьев, Путивльский полковник Иван Черепов, Обоянский Сафонов, Львовский Алексей Машкин, Старооскольский Блинов, Корочанский Пров Бекарюков, Щигровский Картавцев, Белгородский Борщов, Хотмыжский Шишков, Новооскольский Гладков, Дмитриевосвапский Суковкин, в должности предводителя Курский уездный судья и кавалер Шагаров, в должности предводителя Тимский уездный судья Иван Лутовинов, Дворянства секретарь Шелчигин.

Между тем губернский предводитель 13 января 1814 г. послал от своего имени, на основании полномочия дворян, представление о Высочайшем соизволении на поднесение Нелидову медали. В этом представлении он писал: «Курское благородное сословие, горя усердием и верностью к Августейшему Монарху, чувствуя в преисполненных благодарности сердцах все отеческие о нас попечения и то, что Его Величество в прошедшее, несчастное для сынов России, время, Всемилостивейше даровал нам начальника, который облегчал скорби наши и выполнение не отлагаемых повинностей, положило ходатайствовать через посредство Вашего Превосходительства

БЛАГОДАРНЫЙ ЛИСТ

Его Превосходительству Господину Тайному Советнику
Гражданскому Губернатору и Кавалеру Аркадию Ивановичу Нелидову
от дворянства Курской губернии.

За начальственные распоряжения Его, споспешествовавшие, без отягощения, ко исполнению повинностей наших, только бывших нужными в 1812-м и 1813-м годах и доставившие всем сословиям Курской губернии то бесценное чувство, столь приличное народной гордости, что своевременно исполнили все требования и свою обязанность быть полезными Престолу и Отечеству своему, учиненный во исполнение дворянского приговора декабря 7-го дня 1813 года, который в подлиннике при сем почтеннейше представляем.

о Высочайшем соизволении на поднесение начальнику нашему золотой медали. Исполняя это, я обязываюсь просить предстательства Вашего о Всемилостивейшем удовлетворении всеподданнейшей просьбы дворянства».

Кроме дворянства, А.И. Нелидова сочло своим долгом чествовать и благодарить Курское городское общество. 31 декабря 1813 г. купеческое и мещанское сословия Курска собрались в общее заседание, в котором было постановлено: «В виду попечительного управления гражданского губернатора тайного советника А.И. Нелидова, его деятельности, неутомимых трудов и благоразумной предусмотрительности, вследствие чего излишние издержки и отягощения городского общества были отвращены,

общества наши должны были бы поставить себе в укоризну, если бы такие доблести не возбудили в нас истинной любви, благодарности и глубокого почтения к знаменитой особе Его Превосходительства». «В 1812 г., по вторжении всеобщего врага вселенной наше Отечество требовало к защите чрезвычайных пособий. В сих тесных обстоятельствах сей истинный сын Отечества, нашей губернии почтеннейший начальник, явил прозорливость и неутомимую деятельность, через что все повинности от нас требуемые, в возможной мере, были облегчены им не мало, и мы обременены не были».

Адрес был поднесен Нелидову городским головою Андреем Баушевым на большом серебряном блюде с надписью: «Доброму

начальнику – признательные подчиненные купеческое и мещанские общества». В адресе были выражены сердечные чувства благодарности, и под ним подписались от имени своих обществ все уездные городские головы. А.И. Нелидов, приняв адрес, высказал, между прочим, что почесть, изъявленная ему почтеннейшим сословием благородного дворянства и изъявленная почтенными сословиями купечества и мещанства, «удостоверяют, что оправдал надежды Государя». Что же касается серебряного блюда, то Нелидов отказался взять его в подарок.

В день поднесения адреса был дан дворянством, купечеством и мещанством в честь Нелидова обед, а вечером бал.

В 1822 г., когда он не был уже Курским Губернатором, а только помещиком нашей губернии, Курское городское общество ходатайствовало перед Министром Внутренних Дел о разрешении Государем поднести Нелидову портрет его, и два его портрета поместить на вечные времена в Думе, а остальные раздать членам купеческого и мещанского обществ. «Если кто-либо, - писал Курский городской голова, - в 1814 г. мог заподозрить лесть в поступке нашем, то пусть слезы благодарности при разлуке нашей и нынешний наш поступок подтвердят искренность наших чувств. Дети наши должны узнать благодетеля отцов своих, время не изгладит воспоминание о Вас в Курске, убеждаемые общим нашим желанием мы воздвигаем памятник для потомства нашего».

Комитет Министров Высочайше утвержденным журналом своим разрешил исполнить просьбу купечества и мещанства. Портрет А.И. Нелидова был поднесен ему в Петербурге курянами: Н.А. Полевым (известным писателем и ученым) и В.Н. Антимоновым.

А.И. Нелидов благодарил Курское общество за оказанную честь в письме на имя городского головы А.П. Баушева, в котором, между прочим, высказал следующее: «Во время нашествия неприятеля на любезное наше отечество почтеннейшее дворянство Курской губернии, по первому воззванию,

оставив мирные жилища, жен и детей своих, устремилось на защиту отечества. Не раз я обращался к неизменному усердию ваших сословий и всегда каждого из вас находил, подобно прославленному в летописях России гражданину Минину, готовым принести в дар отечеству имущество свое и самую жизнь. К вам, как к главе почтенных граждан Курска, обращаюсь с просьбой: доведите до сведения ваших сословий истинно сердечную мою признательность за лестное обо мне воспоминание, которое для меня есть и будет всегда драгоценно».

Письмо А.И. Нелидова было прочитано в собрании купечества и мещанства, о чем А.П. Баушев уведомил его, высказавшись так: «С величайшим восхищением объявил я письмо городскому обществу, которое пришло в такой восторг и радость, что я не в состоянии выразить силу проявления этих чувств».

Портрет А.И. Нелидова, который курские купеческое и мещанское общества сочли своим нравственным долгом поднести ему в знак своей признательности и благодарной памяти за его благодетельное отношение к ним и за его деятельность во время Отечественной войны, был написан художником Ромбауэром в 1821 году. Гравюра состоит из трех частей: верхней, средней и нижней.

В верхней части находится портрет Нелидова в мундире, Александровской ленте и звезде. В средней части изображены: центральная местность гор. Курска, где находятся: Знаменский монастырь, здание гимназии и Дворянского собрания; театр, присутственные места, внизу холма река Тускарь с плывущими на ней мачтовыми барками и Николаевская церковь слободы Стрелецкой. В нижней части гравюры находятся: герб дворянского рода Нелидовых и стихи:

Когда пожар Москвы полсвета озарял
И брань священная в пример векам горела,
В дни бедствия - Ты нас надеждой утешал;
В дни мира - друг людей, защитник правых дела,
Ты нашим счастьем свой подвиг совершил,
Не гибнет памятник добра, благотворенья.

УЧАСТИЕ КУРЯН В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА

Тяжелые испытания выпадали на долю народа, когда над страной проносились военные грозы. В первой половине XIX века Россия воевала часто, войны уносили человеческие жизни, опустошали казну, наносили стране огромный материальный ущерб. В справедливой, народной Отечественной войне 1812 года куряне показали свой патриотизм и самоотверженность. В июне 1812 года полчища армии Наполеона перешли через русскую границу. Запылали русские города и села. Враг подходил к Москве.

Курск не был фронтовым городом. Но здесь с самого первого дня ощущалось дыхание фронта. Все помещения Коренной ярмарки были превращены в склады оружия. Через различные города губернии переправлялись партии пленных французов. По распоряжению главнокомандующего второй армией князя Багратиона они направлялись в Пензу, Воронеж, Саратов, Тамбов.

В Курске и губернии шел набор рекрутов из всех сословий. Многие куряне добровольно шли в армию. Так, например, дворяне Тютчев и Стремоухов подали просьбу разрешить им вместе со своими крестьянами идти «на защиту отечества». Всех рекрутов собирали в Курске. Затем новобранцы направлялись небольшими партиями в Нижний Новгород, где проходили обучение. Сохранилось предписание М.И. Кутузова М.Б. Барклаю де-Толли от 19 сентября 1812 года, в котором он приказывал приведенных из Курска под командой прапорщика Курского гарнизона Сысоева 235 новобранцев направить в Нижний Новгород в «состав формируемых там войск».

В августе губернские власти города получили извещение от орловского губернатора, что взятая под Смоленском партия военнопленных (215 рядовых и 7 обер-офицеров) французов направляется из Москвы в Курск, и по предписанию начальства свыше они должны быть поселены в самом городе. Это сообщение очень обеспокоило губернатора А.И. Нелидова. 20 августа 1812 года он срочно адресует в министерство полиции (в особую канцелярию) и доказывает, что в Курске невозможно разместить военнопленных, так как здесь будет собрано большое количество

новобранцев; кроме того, в Коренной пустыне в ярмарочных помещениях хранятся доставленные из Шостенского порохового завода порох и снаряды. Губернатор заявлял, что он опасается «злодейственных поступков» со стороны этих нежелательных гостей. Просьба губернатора была учтена, пленные были размещены в Старом Осколе.

В Курск хлынул поток беженцев, в особенности число их увеличилось после того, как французы заняли Москву. В городе возникла комиссия «для призрения людей, вышедших, из мест, занятых неприятелем». Начался сбор средств в помощь пострадавшим. Сохранился один из списков, в котором значатся имена 36 курян, внесших 373 рубля. Жертвовали самые различные суммы, и по 50 рублей, и по 10, и гораздо меньше. Монастыри также были обязаны оказывать помощь беженцам.

Курск стал центром сбора средств медика-ментов, одежды, продовольствия, которые предназначались для фронта. Куряне оказывали большую материальную помощь действующей армии. Сбор денег продолжался и в 1812 году, и в 1813, и в 1814 годах. Если учесть все виды пожертвований, собранных в Курской губернии, то они составят около 2 миллионов рублей, в то время как по всей стране было собрано более 57 миллионов.

Из Курска направлялись подводы, груженные теплыми полушубками, обувью, корпией, продовольствием. Первыми выехали из города с заданием разведать положение дел и одновременно передать собранные вещи фронтовикам два курянина, Никита Сибилев и Стефан Дружинин. До нас дошло письмо этих курских посланцев в адрес городского головы В.А. Гладкова с описанием их приключений во время нелегкого пути. Сибилев и Дружинин 12 сентября 1812 года с большим трудом добрались до Тулы. В первый же день пребывания в этом городе до них дошел слух, «что Москва России возвращена». Но радость оказалась преждевременной. Вскоре в Туле уже от официальных лиц удалось узнать истинное положение дел, и они сообщают эти новости В.А. Гладкову: «...враг веры и изверг человечества Наполеон с своею армиею находится, в Москве, стоит в Кремле. Бедная Москва превращена в пепел, пять суток горела».

С чувством глубокого возмущения рассказывают Сибилев и Дружинин о бесчинствах французов в Москве, о поругании храмов. Но в Туле они получили и добрые вести, о которых спешат сообщить В.А. Гладкову: «Армия наша час от часу умножается, пути ему (Наполеону. — Л. М.) все пресечены...» В самое ближайшее время, писали они, предстоит с французами большое сражение.

Несмотря на очень тревожную обстановку в Туле, уполномоченные города Курска все же решили продолжать свой путь навстречу русской действующей армии и сообщали, что из Тулы выедут в Серпухов. Это письмо Сибилева и Дружинина датировано 15 сентября 1812 года, а от 20 сентября 1812 года сохранилось охранное письмо за подписью генерала Платова, в котором он приказывал всем встречающимся воинским частям оказывать помощь курянам, направляющимся теперь уже из Калуги домой, в Курск. Совершенно очевидно, что остаток своего пути до Серпухова, а затем и к Тарутину, где расположилась в это время русская армия и где находился главнокомандующий М.И. Кутузов, Сибилев и Дружинин проделали благополучно. М. И. Кутузов принял их хорошо, уверял в самом благополучном исходе борьбы с Наполеоном. Об этом разговоре с посланцами Курска он сам писал несколько позже (30 сентября 1812 г.) в адрес В.А. Гладкова: «Граждане Ваши гг. Сибилев и Дружинин были очевидными свидетелями невыгод неприятеля нашего, какое встречает он на каждом шагу».

Об этом хорошем приеме курян в главном штабе русской армии свидетельствует и уже упомянутое охранное письмо от 20 сентября 1812 года за подписью генерала Платова. По пути следования Сибилеву и Дружинину воинские части должны были давать конвой, охранять их и «оказывать в пути всякое пособие, уважение, как сынам Отечества, и защиту от притеснения». Посланцы из Курска и в дальнейшем доставляли в действующую армию медикаменты, одежду и другие необходимые вещи. Из письма М.И. Кутузова к А.И. Горчакову от 16 октября 1812 года мы узнаем, что Сибилев после одной из таких поездок остался надолго в действующей армии и систематически сообщал в Курск, что нужно доставить войскам.

Небезынтересно, что помимо этой большой материальной помощи сражающимся воинам куряне направили М.И. Кутузову и

копию с иконы Знамения Богоматери. В этом подарке был свой глубоко патриотический смысл, так как существовало предание, что в лихую годину польско-шведского нашествия она оградила от недругов и послала на них грозную кару. Потому-то куряне и преподнесли Кутузову икону как выражение своего горячего желания быстрее разгромить врага. Известно также, что посланцы курян несколько позже вручили Кутузову и другой символический дар – хлеб-соль.

Кутузов после первой встречи с Сибилевым и Дружининым проникся исключительным уважением к жителям Курска. 30 сентября 1812 года, когда обстановка в городе была особенно напряженной, так как ждали наступления Наполеона на юг, фельдмаршал направил В.А. Гладкову и всем гражданам города письмо. В нем он успокаивал курян и заверял, что Курск остается в полной безопасности: «...с чем вместе я прошу Вас успокоить жителей г. Курска и уверить, что состояние армии нашей как было, так и есть в благонадежном положении. Силы наши сохранены и надежда на верное поражение врага нашего нас никогда не оставляла... Истребление сил его, недостаток в продовольствии и совершенная гибель предстоят ему неизбежно. А затем лета мои и любовь к Отечеству дают мне право требовать вашей доверенности, силою коей уверяю Вас, что г. Курск есть и будет в совершенной безопасности».

А 18 октября 1812 года, после того, как Кутузов получил символический дар курян – икону, он спешил выразить «полную благодарность всему курскому купечеству и мещанству», а также еще раз заверить, что Курск «в безопасности». В городе текст этого письма Кутузова тотчас был распространен. В.А. Гладков сделал все возможное, чтобы довести его содержание «ко всеобщему сведению».

31 октября 1812 года главнокомандующий русской армией послал в Курск специального курьера, который доставил новое письмо, адресованное «курскому купечеству и мещанскому обществу». В нем М.И. Кутузов сообщал горожанам, что Наполеону прорваться на Калугу не удалось, что бои под Малым Ярославцем принесли ему «значущий урон», что враг «обратился в бегство и, сопутствуем будучи голодом, холодом и совершенною во

всем крайностию, достойно платит за слезы поселян... Поражаемый русскими войсками, неутомимо его преследующими, теряет он (Наполеон. – Л.М.) людей, пушки и обоз в неимоверном количестве».

М.И. Кутузов с еще большей уверенностью заверял в «совершенной безопасности» Курска и выражал снова В.А. Гладкову и курянам признательность «за усердие». Сохранился и ответ курян, написанный в начале ноября 1812 года. Он свидетельствует о том ликовании и радости, которые охватили их после получения письма М.И. Кутузова.

«Светлейший князь! – писали куряне, – Милостивейший государь! Сколь велики благодеяния Вашей светлости к нам, того не в силах мы изъяснить, – и в какой восторг и радость приведены мы и всех сословий курские жители от вышних и до нижних, получением неожиданно милостивого от Вашей светлости, и еще с нарочным курьером, вновь от 31 минувшего октября месяца уведомления, что враг России обратился в бегство, страшно поражаемый храбрыми русскими войсками, неутомимо его преследующими. Всего нашего и всех жителей с нетерпением читающих высокопочтеннейшее ваше уведомление – восторга и радости не в состоянии объяснить... Конечно, свыше предопределено быть Вашей светлости спасителем России, и Вы самым действием оправдываете сие предопределение, спасая отечество и верных сынов его от неприятельского порабощения».

М.И. Кутузов лично ходатайствовал, чтобы курский городской голова В.А. Гладков и мещанин Н.И. Сибилев получили награды за помощь, оказанную армии. Одновременно он просил, чтобы был награжден и городской голова Калуги Торубаев. Оба они, и курский, и калужский городские головы, по словам главнокомандующего, «усердием к общему благу и любовью к отечеству примерно отличились». Но говоря о заслугах обоих Михаил Илларионович все же больше выделяет В.А. Гладкова и кратко замечает, что отличился «особенно курской».

В.А. Гладкову была вручена золотая медаль на голубой андреевской ленте с надписью «За полезное», а Н.И. Сибилев получил такую же

медаль на красной ленте. Между прочим М.И. Кутузов проявил особенную заботу о том, чтобы В.А. Гладков получил свою награду как можно быстрее, и даже отправил в Курск с медалью специального курьера. Что касается Сибилева, то он, вероятно, свою награду получил прямо из рук М.И. Кутузова, т.к. продолжая организовывать доставку необходимых вещей из Курска, и сам их доставлял в действующую армию. В своем письме к В.А. Гладкову от 11 марта 1813 года из Калиша, написанном незадолго до смерти, Михаил Илларионович сообщает об отправке вышеупомянутого специального курьера в Курск и о прибытии к нему Н.И. Сибилева.

Храбро отстаивали честь и независимость родины куряне и на полях сражений. Поручик Орденского кирасирского полка Александр Онуфриевич Решетинский (имения его были в Тимском уезде) получил за Бородинское сражение золотую шпагу с надписью «За храбрость», грамоту и бронзовую медаль за заслуги в войне 1812 года.

Мужественно сражались с неприятелем и солдаты Курского внутреннего гарнизона. Например, Федор Кузьмич Чаплыгин из однодворцев деревни Ольховатой Обоянского уезда Курской губернии участвовал во многих боях с начала войны, вплоть до вступления наших войск в пределы Польши и Пруссии. «Имеет за 1812 год установленную медаль и на левом рукаве за беспорочную 15 летнюю службу – 2 нашивки из желтой тесьмы», – говорится в его послужном списке.

А крепостной графа Головкина из села Долгие Буды Обоянского уезда, тоже служивший в гарнизоне г. Курска, Софрон Иванович Калашников был участником таких решающих битв, как Бородинская, у села Тарутина, у Малого Ярославца. Он был тяжело ранен, но после выздоровления вернулся в армию, участвовал в заграничных походах.

Когда война завершилась полным разгромом врага и русские вошли в Париж, начались торжества во многих городах России. Курск тоже праздновал великую победу русского народа.

«С ПЕРВЫХ ДНЕЙ НАПОЛЕОНОВСКОГО ВТОРЖЕНИЯ В РОССИЮ ЗДЕСЬ ОЩУЩАЛОСЬ ДЫХАНИЕ ВОЙНЫ»

На территории Курского края в 1812 г. не происходили военные действия, но с первых дней наполеоновского вторжения в Россию здесь ощущалось дыхание войны. Наполеон бросил на Россию огромную по тому времени армию, в ней насчитывалось 640 тысяч человек. В русской армии было 240 тысяч. Обстановка требовала немедленного получения резервов. Поэтому русское правительство решилось на создание ополчения. 6 июля Александр I обратился ко всем сословиям с призывом о его организации. В манифесте говорилось: «Да встретит враг в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном - Палицына, в каждом гражданине - Минина».

Этот манифест нашёл немедленный отклик везде, в том числе и в Курской губернии. Сельские общества принимали приговоры о количестве и составе ополченцев, о сборе средств на их содержание, проводили запись ратников. Но правительство, став на путь созыва ополчения, в то же время опасалось широкого размаха этого движения по разным причинам, в том числе из-за боязни того, что вооружение крестьян может обернуться против дворянства. Поэтому район формирования ополчения был ограничен шестнадцатью губерниями, в число которых Курская не вошла.

Куряне, конечно, пополняли регулярную армию, но в порядке рекрутского набора, объявленного в августе 1812 г. Набор рекрутов производился из всех податных сословий, по 2 человека от каждых 100 душ 6-й ревизии. Курская губерния должна была направить: от помещичьих крестьян 5355, от людей казённого ведомства (одиндворцев, экономических и удельных крестьян, ямщиков, цыган) - 6857 рекрутов, от мещан - 275.

Рекрутские наборы, на которых была основана феодальная система комплектования армии, были ненавистны народу. Напомним, что в ту пору рекрут, попав в армию, связывал с ней свою жизнь на 25 лет. Но отношение к набору 1812 г. было другое. Для помещичьих крестьян он получил особую притягательную силу в связи с появившимся слухом о том, что после окончания войны они получат освобождение от крепостной зависимости. Тем не менее,

сложности с набором, видимо, были настолько ощутимы, что для «поспешного окончания» был предложен ряд мер, облегчающих его проведение. Они перечислены в документе от 12 сентября 1812 г., называемом «Наставление рекрутским присутствиям».

Согласно этому документу, в первую очередь, расширялись возрастные рамки приёма в рекруты с 37 до 40 лет; понижались требования к физическим данным: росту - до 2 аршин 2 вершков, по зрению - лишь бы правый глаз был совершенно здоров; допускалось принимать в армию заик и косноязычных, лишь бы могли сколько-нибудь объясниться, а также, что нам показалось очень любопытным штрихом для характеристики применявшегося в ту пору оружия, не имеющих до 6-8 боковых зубов, «лишь бы только были в целости передние, для скусывания патронов необходимые».

Как видно из документов губернского правления, курских рекрутов с октября 1812 г. начали отправлять в Арзамас для обучения и дальнейшего определения по воинским частям. Таким образом, в Бородинском сражении, разыгранном 7 сентября (по новому стилю), участвовали рядовые из старослужащих и, конечно, офицеры из дворян. На долю же пополнения, набранного в 1812 г., выпали сражения по преследованию неприятеля после изгнания из Москвы и в заграничных походах.

Кроме непосредственного участия в сражениях жители Курского края внесли большой вклад в материальное обеспечение действующей армии. В ней, наряду с другими одиннадцатью губерниями, были созданы подвижные магазины, которые должны были поставить армии 900 лошадей и 405 повозок, запасные части к повозкам, более 400 погонщиков. Магазины развернули эту работу быстро и успешно. В Курской губернии осуществлялся ремонт кавалерийских полков, т.е. заготовка лошадей, пополнение ими полков по мере необходимости. В помещениях Коренной ярмарки содержались в совершенной готовности к боевым действиям боеприпасы для артиллерии.

С началом войны в Курск хлынул поток беженцев, в особенности увеличившийся после

вступления французов в Москву. В связи с этим в городе создали комиссию для помощи беженцам. Начался сбор средств. Жертвовали самые разные по размерам суммы. Сбор денег продолжался в 1812, 1813, 1814 гг. Стоимость всех видов пожертвований, поступивших от курян, составила около 2 миллионов рублей из 57 миллионов, собранных по всей стране. Курск стал центром сбора медикаментов, одежды, продовольствия. Подводы, груженные тёплыми вещами, обувью, корпией, продовольствием, направлялись отсюда в армию. Помимо большой материальной помощи сражающимся воинам, куряне направили М.И.Кутузову копию с иконы Знамения Божией Матери Курской-Коренной. В этом подношении был свой глубоко патриотический смысл. Михаил Илларионович не замедлил откликнуться письмом, в котором писал: «Икону Знамения Божией Матери... приказал я перенести к гвардейским полкам, где она отныне и по конец компании будет возима и где, по примеру Смоленской Божией Матери, будет приноситься ей вседневное моление». Курский голова Василий Андреевич Гладков поспешил распространить в городе текст письма главнокомандующего, в котором, кроме благодарности за символический дар, содержалось заверение Кутузова в том, что Курск останется в полной безопасности. Когда содержание письма стало известно, купеческое и мещанское общества Курска 31 октября направили Кутузову письмо с выражением радости по поводу перелома в войне и обращения неприятеля в бегство.

За большую материальную помощь русской армии были представлены к наградам курский городской голова Василий Гладков, а также Никита Сибилев сопровождавший обозы в армию. Гладкову вручили золотую медаль на голубой Андреевской ленте с надписью «За полезное», а Сибилеву - такую же медаль на красной ленте.

Роль и место Курской губернии в снабжении армии были настолько значительны, что она оставалась на военном положении «для обеспечения пропитания армии» даже после изгнания неприятеля из пределов России.

Рассказ об участии курян в Отечественной войне 1812 года будет неполным, если мы не назовём участников боевых действий. К сожалению, по именам известны лишь очень немногие. В Бородинском сражении, например,

участвовали дворяне Тимского уезда полковник О.О. Бородаевский, поручик А.О. Решетинский, подпоручик А.Т. Терлецкий.

Осипу Бородаевскому пришлось участвовать в отходе русской армии от Витебска, в сражениях у Смоленска, Вязьмы. В Бородинской битве он был ранен в руку и за отличие в ней награждён золотой шпагой с надписью «За храбрость». При преследовании неприятеля он участвовал в партизанских делах, а за отличие в сражении при Лейпциге получил орден Св. Анны 2-й степени. Поход за границу увенчался для него производством в майоры и правом ношения серебряной медали на Георгиевской ленте. Александр Решетинский в бою при Бородино отличился, командуя взводом в атаке против неприятельской кавалерии, и был награждён золотой шпагой с надписью «За храбрость». В числе дворян, отличившихся в войне против наполеоновской Франции, встречаем и такие имена, как Козьма Богданов из Льговского уезда, Антон Терлецкий из Тима, Иван Ушаков, ставший в 1815 г. губернским представителем дворянства, братья Михаил и Капитон Шетохины, Павел Булгаков - из Рыльского уезда.

Мужественно сражались в Бородинской битве и солдаты-куряне: М.Ф. Сопов из Авдеева Курского уезда, И.Д. Рудаков из Хмелевого Фатежского уезда, Ф.И. Кузнецов из Крупца Суджанского, С.А. Рашков из Любошева Дмитриевского, С.И. Калашников из Долгих Буд Обоянского уезда, Я.П. Евстеев из Курского уезда, С.Л. Лукьянов из Надеина Рыльского уезда. В документах нет сколько-нибудь подробного описания их подвигов, их послужные (или формулярные, как тогда называли) списки содержат лишь скупое перечисление сражений, в которых они участвовали, но это перечисление занимает порой целые страницы. Здесь и Тарутинское, и Малоярославецкое, и Красненское сражения, о которых М.И. Кутузов сказал, что они навсегда прославили русскую армию; и преследование противника во время заграничных походов 1813-1814 гг.

В Лейпцигской «битве народов», ускорившей падение Наполеона и принесшей освобождение Германии, Вестфалии, Голландии, участвовали крестьянин из д. Марица Льговского уезда В.А. Заплатин, Д.В. Голобцов из Путивльского уезда и другие куряне.

Многие наши земляки завершили заграничный поход в Париже и вернулись на родину. Вернулись, правда, к своему прежнему состоянию, мечты крепостных о воле оказались неосуществлёнными. Великий русский актёр М.С. Щепкин записал в связи с этим такой характерный эпизод: «Когда кончилась компания 1812 года, ополченные возвратились домой, а крепостные к своим господам; за тех, которые не возвратились, правительство выдало рекрутские квитанции. И одна дама, очень образованная, даже крепостные отзывались о ней как о доброй женщине, не краснея, позволила себе сказать: «вообразите, какое счастье Ивану Васильевичу - он отдавал в ополчение 9 человек, а возвратился всего один, так что он получил 8 рекрутских квитанций и все продал по три тысячи, а я отдавала 26 человек и на мою беду все возвратились - такое несчастье!» «Крещёная собственность» интересовала помещиков лишь как средство выколачивания доходов, даже если она верой и правдой служила своему отечеству, не щадя своей жизни.

В 1912 году в России широко отмечалось 100-летие Отечественной войны 1812 года. Во все губернии были разосланы письма Министерства внутренних дел с поручением разыскать ветеранов и «бывших в сознательном возрасте современников, очевидцев Отечественной войны 1812 года». Таких долгожителей в Курской губернии не оказалось. Зато увенчались успехом розыски потомков штаб и обер-офицеров - участников войны 1812 года по мужской линии. Их оказалось на тот момент 28 человек. Полковник квартировавшего в Курске Роменского полка М.Г. Писанко сообщил, что его дед И.Л. Писанко сражался в 1812 г. в партизанском отряде А.С. Фигнера. Этот отряд был известен своими смелыми действиями против неприятеля. Он доставлял ценные разведывательные данные, истреблял запасы врага, отнимал награбленные французами сокровища. М.И. Кутузов характеризовал командира отряда А.С. Фигнера как человека «высокой души, фанатика и храбрости, и патриотизма».

Во Льгове жил уездный предводитель дворянства А.В. Мурвьёв, потомок генерал-майора Н.Н. Муравьёва, основателя известного училища колонновожатых, который, будучи начальником штаба ополчения 4-й армии, отличился в сражении при Дрездене, за что был представлен к награде.

Потомки участников Отечественной войны 1812 года присутствовали на торжествах, посвящённых её 100-летию, устроенных в Москве и на Бородинском поле. Курская учёная архивная комиссия послала экспонаты на Московскую историческую выставку. А потомки В.А. Гладкова передали Московскому историческому музею несколько подлинных писем Кутузова, присланных им в Курск в 1812 г. В Курском историко-археологическом музее были оставлены их копии.

В Курске тоже прошли торжества. Состоялись торжественные заседания с докладами, посвящёнными Отечественной войне 1812 года; организовывались публичные лекции, привлекавшие большое число слушателей, среди которых преобладала учащаяся молодёжь.

На торжественном акте, организованном в Корочанской (тогда Курской губернии) мужской гимназии, преподаватель Т.В. Проскурин обратился к юношам со следующими словами: «В каждом государстве, с самого основания его, устанавливается известный порядок вещей, который совершенствуется шаг за шагом, постепенно. Всякое насильственное нарушение этого порядка ведёт не ко благу страны, а к бедствиям. Льются потоки крови, теряются миллионы народных денег, власть попадает в руки случайных людей (так автор оценил Наполеона - А.Т.) и, в конце концов, восстанавливается прежний порядок, так всегда было и по теории вероятности повторяться не будет».

Отечественная война 1812 года имела огромное значение в жизни русского общества. Она помогла русскому народу осознать свою силу и значение. Подвиг народа, сокрушившего сильнейшего врага, будет вечно питать патриотические чувства всё новых поколений.

ОРГАНИЗАЦИЯ РЕКРУТСКИХ НАБОРОВ 1812-1813 гг. В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ

14 августа 1812 г. с нарочным курьером в Курском губернском правлении из Правительствующего Сената был получен Указ № 19961 от 6 августа с приложением Высочайшего Манифеста «О сборе с удельных и казенных крестьян повсеместно, а с помещичьих со всех тех губерний, где не назначено ополчения со ста душ 6-й ревизии по два рекрута». В предписании губернского правления от 15 августа, отпечатанном типографским способом, содержались указания городничим в городах опубликовать, а нижним земским судам немедленно разослать по всем селениям с целью обнародования экземпляры Указа: помещикам, управляющим имениями, приказчикам и старостам, волостным головам и прочим сельским начальникам. После обнародования (под расписку) Указа о наборе рекрутов, каждый помещик или его поверенный должны были незамедлительно явиться в окружной город к дворянскому предводителю для составления раскладочного списка. От уездных предводителей дворянства требовалось взять под личный контроль составление списков лиц, подлежащих набору, завершив указанную работу к 28 августа 1812 г.

16 августа Курский губернатор А.И. Нелидов направил письменное уведомление в Правительствующий Сенат о получении одного экземпляра Манифеста¹. В тот же день городским и земским исправникам во все уезды губернии был направлен ордер, в котором содержались дополнительные требования по организации рекрутского набора. Губернатор требовал учесть ошибки, допущенный в период организации предыдущего набора, имевшего следствием значительное количество жалоб населения на неправильное решение вопроса о зачислении в рекруты.

С целью недопущения конфликтных ситуаций от местного начальства требовалось, чтобы «подлежащее количество рекрут... препровождаемо было при отдатчиках каждого селения самим волостным головой той волости и выборными тех селений, дабы в случае происходивших жалоб на неправильный приговор в рекруты удобнее без переписки через них решить можно было»². Сопровождающим

полагалось иметь при себе копии ревизских сказок и очередные списки, по которым можно было проверить правильность отбора в рекруты. Ответственность за невыполнение наряда по набору возлагалась непосредственно на получателей предписания.

29 августа 1812 г. из Департамента исполнения Министерства полиции Курскому гражданскому губернатору было направлено циркулярное предписание главного командующего в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинова о доставлении ведомостей по объявленному рекрутскому набору. Губернатор А.И. Нелидов запросил требуемую информацию в Курском рекрутском присутствии, откуда 1 октября была направлена запрашиваемая ведомость. С помещичьих крестьян и малороссиян предполагалось набрать 5355 рекрутов; с людей казенного ведомства, т.е. однодворцев, их крестьян и малороссиян, удельных и экономических крестьян, ямщиков и цыган 6857 чел., с мещан 275 чел., всего же куряне должны были выставить 12487 рекрутов³.

12 сентября 1812 г. из Инспекторского департамента Военного министерства было направлено предписание главы этого ведомства с приложением расписания, согласно которому

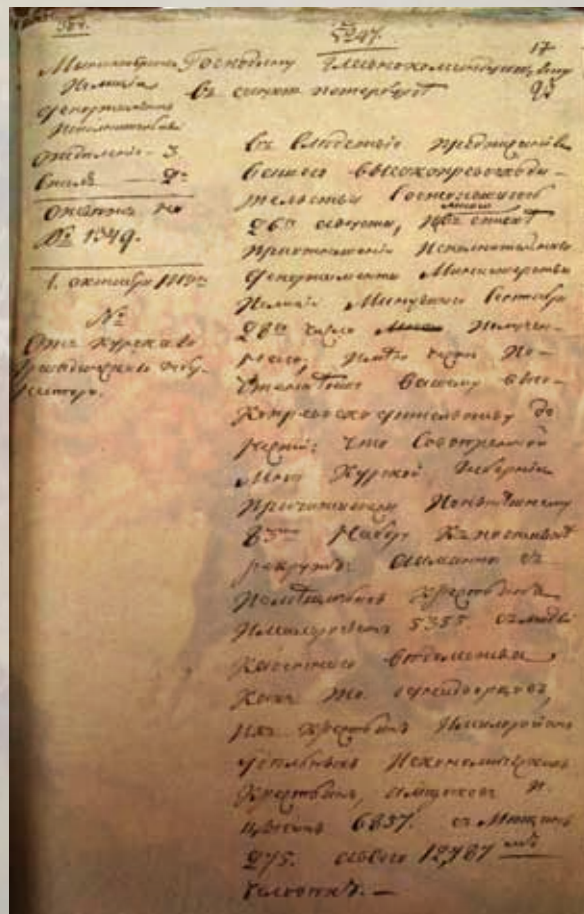
из Курской губернии 6000 рекрутов требовалось отправить в Рязань, 4042 чел. – во Владимир и еще 3018 новобранцев – в Тулу. Курян предполагалось использовать для формирования и пополнения пехотных полков, учебных команд и внутренних батальонов⁴. Но уже спустя месяц, из канцелярии Военного министерства поступило новое указание: собранных в Курской губернии рекрутов (по правительственному наряду – 13060 чел.) отправить в город Арзамас Нижегородской губернии.

Как следует из рапорта командира Курского внутреннего гарнизонного батальона подполковника Г.А. Мандрикина, к 11 октября 1812 г. в Курске было собрано 5650 рекрутов. На 16 октября была готова к отправке в Арзамас первая рекрутская партия в количестве 320 человек. Всего предполагалось сформировать около 40 партий, для сопровождения которых необходимо было сформировать конвойные команды, назначить старших офицеров. Личного состава внутреннего батальона для решения этой задачи не хватало, поэтому для конвоирования рекрутских команд привлекались местные обыватели⁵.

В связи с возникшими затруднениями в реализации намеченных мероприятий и с целью скорейшего завершения объявленного рекрутского набора, Император Александр I дал указание управляющему Военным Министерством генерал-лейтенанту князю А.И. Горчакову об отклонении от общих правил его организации. Во-первых, предельный возраст мобилизуемых увеличивался до 40 лет. Во-вторых, минимальный рост сокращался до двух аршин и двух вершков. В-третьих, набору подлежали лица, имеющие «такого рода телесные недостатки, кои не могут служить препятствием маршировать, носить амуницию и владеть оружием». Военному ведомству повелевалось составить для рекрутских присутствий и воинских приемщиков подробное наставление, в котором «особенно объяснить им о допускаемых в рекрутах недостатках, разослать оное повсеместно».

В фонде Курского губернского правления сохранилось «Наставление рекрутским присутствиям и командирам губернских гарнизонных батальонов на прием рекрут, определенных Высочайшим Манифестом 4 августа 1812 года». Как отмечается в документе, «...по уважению частовременных наборов и

других многих повинностей, необходимостью военных обстоятельств налагаемых, и усердно отправляемых всеми обществами и разными состояниями, признано нужным изыскать все средства к важному облегчению настоящего набора», вследствие чего вводились исключительные правила, допускавшие к приему в рекруты людей, имеющих физические недостатки, не являющиеся препятствием для движения строевым маршем, ношения снаряжения, владения оружием⁶.

Наставлением предписывалось не браковать: редковолосых; разноглазых и косых, если их зрение позволяет прицеливаться; имеющих бельмо на левом глазу, при условии, что правый глаз остается здоровым; заик и косноязычных, способных сколько-нибудь объясняться; не имеющих до 6-8 боковых зубов, если целы передние, необходимые для «скусывания» патронов; с незначительными наростами на черепе, не препятствующими носить кивер или каску; с недостатком одного пальца на ноге, если только «представленный в рекруты не затрудняется в свободной и скорой ходьбе»; имеющих на левой руке «один какой-либо сведенный палец, не препятствующий заряжать и действовать ружьем»; «кастратов,

т.е. не имевших двух яиц, или детородного уда, но только совершенно здоровых».

По всем другим заболеваниям и патологиям, указанным в Наставлении 1811 года, прием рекрутов запрещался. Но ряд болезней («расположение к чахотке, к каменной болезни, удушью, мышечной опухоли, расширению жил, проказы, темная вода, близорукость, направление ресниц в глаз, заячий глаз, истечение гноя из уха, тупой слух, застарелые завалы и застарелый почечуй»), чиновниками Военного министерства рассматривались как притворство и стремление уклониться от службы. В связи с чем, командирам губернских гарнизонных батальонов рекомендовалось обращать строгое внимание, «дабы под предлогом сих болезней здоровые и вовсе оных не имеющие, не были устраняемы от приема к напрасному утеснению отдатчиков; а для лучшего в том удостоверения поручать их осмотру и исследованию лекарей на лицо находящихся».

Решение о приеме рекрута должно было основываться на большинстве голосов Рекрутского присутствия; но в случае сомнения о его неспособности, батальонному командиру предоставлялось право «в собственное свое оправдание представлять письменно голос свой присутствию с подробном объяснении замечаемой им неспособности, для записи в журнал, но не иначе как во время того же заседания, а не на другой день».

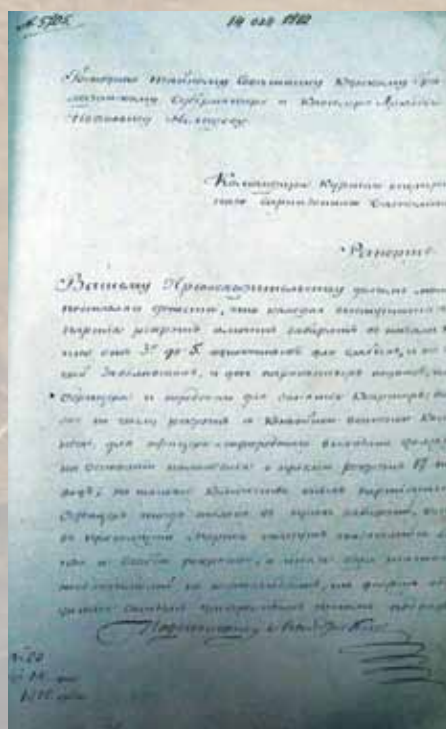
Если Рекрутское присутствие не признавало необходимым учесть мнение батальонного командира в отношении бракуемого им рекрута, то письменный протест офицера возвращался ему в тот же день с указанием причины отказа. Батальонный командир, получив обратно свой голос, имел право обратиться в Инспекторский Департамент.

О рекруте, который вопреки возражению принимался на службу решением большинства членов Рекрутского присутствия, батальонный командир в списках и выдаваемых партионным офицерам документах отмечал, что рекрут «был бракован такого-то месяца и числа, но Рекрутское Присутствие голоса его не приняло, о чем рапортовано от него Инспекторскому Департаменту». Партионный офицер к «выбраковке» рекрутов не допускался; но в случае обнаружения в партии отдаваемой ему для отвода в рекрутское депо кого-либо

неспособным, должен был сообщить об этом батальонному командиру для особой отметки в списке.

Каждый рекрут должен был иметь полное обмундирование, в комплект которого входили: «кафтан солдатского покроя с обтяжными пуговицами и стоячим воротником; панталоны суконные на холщевой подкладке; суконный галстук с мантикой; суконный ранец для поклажи рекрутского багажа; фуражка; одна пара новых сапог твердой кожи, с подвертками летними и зимними; одна пара рукавиц; две рубахи и двое портков; шинель такого же сукна, как и кафтан. Что принадлежит до цвета сукну, то он может быть серой, белой, сырой, а в случае недостатка даже и черный».

Контроль за качеством обмундирования возлагался на членов Рекрутского присутствия. Батальонный командир мог письменно опротестовать решение о пригодности обмундирования, если обнаруживались недостатки, которые могли причинить неудобства новобранцу. Если к этому мнению Рекрутское присутствие не прислушивалось, батальонный командир направлял рапорт в Инспекторский Департамент и делал особые отметки в документах отправляемой рекрутской партии. Батальонным командирам запрещалось браковать одежду из-за низкого качества швов или других маловажных погрешностей, которые могли быть в короткие сроки исправлены на месте.

Ответственность за своевременное изготовление форменной одежды возлагалась на губернаторов. При недостатке портных в гарнизонных батальонах, постановлением Правительствующего Сената разрешалось нанимать портных, устанавливая цену за шитье в Рекрутском присутствии. Обеспечением рекрутской одеждой могли заниматься и «отдатчики», если они сами на то будут согласны. Батальонным командирам строжайше запрещалось продавать рекрутскую одежду, «или входить в торг оною, под какими бы то ни было предложениями».

Батальонные командиры обязаны были принимать все меры для оперативного отправления рекрутских партий к местам назначения. Как только формировались команды численностью от 300 до 500 человек, для такой партии снаряжался конвой и назначался партионный офицер, в Казенную Палату представлялся рапорт о назначении ему кормовых и прогонных денег. На партию, состоящую из 300 рекрут, определялся в конвой один партионный офицер, два унтер-офицера и 20 рядовых. Если в гарнизонном батальоне не хватало офицеров и нижних чинов, по Высочайшему соизволению разрешалось на должность партионных офицеров назначать чиновников гражданского ведомства, а вместо рядовых «проводить рекрут обывателям от селения до селения или от одного уезда до другого при личном надзоре земских или дворянских чиновников». В последнем случае батальонные командиры с нарядом на сопровождающих должны были заблаговременно обращаться к губернаторам.

Батальонные командиры должны были сдавать рекрутов партионным офицерам с формулярными списками, в порядке, предписанном Положением о рекрутских

депо, и о каждой выступившей партии рапортовать в Инспекторский Департамент, а также уведомлять местных начальников, в распоряжение которых отправляемые рекруты назначались, с указанием времени ее выступления, числа рекрутов, составляющих партию, имени партионного офицера и числа конвойной команды, при нем отправленной.

Значительных материальных затрат требовало обеспечение новобранцев в период сбора и в пути следования к месту службы. На продовольственное обслуживание защитников Отечества, их расквартирование и другие потребности выделялись казенные средства. Так, в журналах заседаний казенной палаты за май – август 1812 г. содержится информация об указаниях уездным казначеям в связи с объявленным рекрутским набором, «...чтобы они непременно через три дня по получении указов доставили к уездным дворянским предводителям самовернейшие ведомости о числе помещичьих душ по селениям ведомства, каждого в оклад по сей 6-й ревизии состоящих»⁷.

В журналах и определениях за январь – апрель 1813 г. имеется информация о принятии мер «для лучшего сбережения рекрут... при проводе их с мест сбора до квартир резервной армии». Согласно Указу императора от 10 февраля 1813 г. рекрутам определялась три раза в неделю винная порция (по одной чарке), а ответственность за непременное употребление рекрутами винной порции возлагалась на офицеров, сопровождавших их. Кроме того, Указом предусматривалось, чтобы в рацион питания рекрутов обязательно входили мясо или рыба. Средства на эти цели выплачивались Курской казенной палатой на основании табеля, списков и росписи маршрутов движения рекрутских партий⁸.

Примечания:

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. 33. Оп. 2. Д. 567. Л. 3.
2. Там же. Л. 5-об.
3. Там же. Л. 16.
4. Там же. Л. 29-31.
5. Там же. Л. 37-38.
6. Там же. Л. 21-23.
7. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 494. Л. 958-959.
8. ГАКО. Ф. 184. Оп. 1. Д. 496. Л. 197-197-об.

УЧАСТИЕ НАСЕЛЕНИЯ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ В МАТЕРИАЛЬНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ (1812-1813 гг.)

В фондах Российского государственного военно-исторического архива отложились документы, указывающие на то, что осенью 1812 г. Курская губерния должна была стать одним из центральных узлов снабжения действующей армии. Так, в письме М.И. Кутузова, направленном 21 ноября на имя военного министра А.И. Горчакова, отмечалось: «Во время пребывания армии в районе Смоленска и Москвы и при настоящем движении её для преследования бегущего неприятеля, продовольствие людям и лошадям доставлялось и доставляется наиболее из добровольного пожертвования дворянских сословий и вообще жителей: Тульской, Калужской, Тверской, частично Орловской и других ближайших к расположению армии внутренних российских губерний.

Теперь, когда армия удаляется от пределов сих губерний, и когда потому доставление из оных продовольствия делается только затруднительным, но и вовсе почти невозможным, я, изыскивая способы, коими бы можно обеспечить содержание армий в оных местностях, куда отсель по обстоятельствам должно будет иметь направление. Похоже, по всем соображениям ближайшим и сподручнейшим, иметь готовый запас провианта, овса и для порции людям вина, в Курской и в обеих малороссийских – Черниговской и Полтавской губерниях.

Определяя меру сего запаса, я полагаю необходимым, чтобы во всех оных губерниях собрано было с каждой ревизской платящей подати души: сухарей по одному пуду, круп и овса по шести гарнцов, а вина, непосредственно с тех лиц, кои пользуются правом винокурения, в каждой губернии по семидесяти пяти тысяч ведер. А потому, возложить исполнение сего моего Положения на особенное попечение господ гражданских губернаторов и предводителей дворянства Курской, Черниговской и Полтавской губерний, сообщил настоящее тамошним господам гражданским губернаторам, дабы они каждой поверенной ему губернии, учинили как наискорее зависящее на сей предмет с их стороны распоряжение, с тем, чтобы коль скоро потребуется доставление

назначенных в сбор сухарей, круп, овса и вина к армии, на сие продовольствие, было всё то в своевременной готовности.

На первый раз пункты своза провианта, овса, и вина, назначены мною по уездным городам и в других, по собственному господ гражданских губернаторов усмотрению, удобных для складки и центральных по уездам местностям, а куда от толь далее должно будет доставляться, о сем по данному от меня предписанию будет уведомлять губернаторов главноуправляющий по части продовольствия армии господин сенатор Ланской¹. В Курске же распоряжение М.И. Кутузова о «готовности к отвозу по первому извещению к армии сухарей или муки с порцией круп 30 тыс. четвертей и овса 20 тыс. четвертей» было получено еще 10 ноября 1812 года².

В ноябре 1812 г., по указанию М.И. Кутузова с Курской губернии потребовалось собрать подводы и погонщиков для перевозки из города Трубчевска Орловской губернии заготовленных для армии запасов. 7 ноября собрание, состоявшее из губернского и уездных предводителей дворянства, постановило для выполнения этого поручения избрать ответственными чиновниками тимского помещика Д.Н. Дятлова, льговского помещика майора В.И. Тютчева и фатежского – Н.А. Спешнева.

После этого состоялись уездные дворянские собрания, определившие наряд на подводы, лошадей и погонщиков, которые необходимо было представить помещикам каждого уезда. В конце ноября установленное количество подвод, возчиков и лошадей было собрано курянами. 30 ноября Д.Н. Дятлов уведомил губернского предводителя дворянства о предстоящем отправлении обоза для выполнения указанного задания. Всего от Курской губернии было выставлено 12076 подвод.

На выполнение операции по перевозке продовольствия и фуража из Трубчевска потребовалось два месяца. Вскоре перед курским обозом была поставлена новая задача. О ней гражданский губернатор А.И. Нелидов известил губернского предводителя дворянства П.А. Гасвицкого: «Из уведомлений

Вам господ уездных предводителей дворянства, производящих отправление провианта и фуража в Минск, известно Вам, что отправление последних транспортов оканчивается. В связи с чем, прошу Вас как наипоспешнее распорядиться транспортированием и отправлением подвод, нужных для поднятия и доставления в назначенные пункты выпеченных из муки Трубчевских запасов сухарей, коих половина возложена... на Курскую губернию. Всех же сухарей, долженствующих подняться на подводах сей губернии, приготовлено 200944 пуда 23 фунта 13 золотников, по каковому числу поднятия тяжести, должно быть произведено и отправление нужных для того подвод»³.

3 января 1813 года курский гражданский губернатор А.И. Нелидов, получив от генерал-интенданта Д.С. Ланского извещение о доставлении в город Минск продовольственных запасов для армии, предложил губернскому предводителю дворянства П.А. Гасвицкому, чтобы каждый предводитель по своему уезду произвел расчеты о количестве подвод и назначил время их сбора. 13 января губернатор с губернским и уездными предводителями приняли решение о сборе с десяти уездов назначенного количества провианта и фуража с порцией круп, а также денег по 2 руб. 5 коп. с души на продовольствие лошадей, погонщиков и прочие расходы. Каждый уездный предводитель дворянства обязывался назначить транспортных чиновников. Главным начальником транспортных партий был назначен и отправлен в Минск майор Деменков.

15 января 1813 г. от губернского уездным предводителям дворянства было сообщено, что явившиеся подрядчики изъявили желание поставить в Минск провиант и фураж из имеющихся у них ресурсов с оплатой по урожайным округам по 3 руб. 10 коп., а по неурожайным – 1 руб. 10 коп. с каждой ревизской души. П.А. Гасвицкий предложил выяснить мнение дворянских окружных собраний, мещанских обществ, старост и голов государственных поселений, на предмет их согласия внести предложенную подрядчиками сумму. 17 января оказалось, что подрядчики от своих обязательств отказались, в связи с чем, было предписано «отбыть сию повинность нарядом».

Большая часть уездов, назначенных к исполнению продовольственной повинности, снарядила подводы с провиантом и фуражом,

Докладъ пог. литерату 24, предполагавше посто-
янное непривлечение расхожд, и при велѣн. по-
добрѣмъ избраніи. Въведеніи сѣхъ повинности
налогитъ: Пѣреходъ вѣдѣній въ 1812^{мъ} и 1813^{мъ}
годахъ состояла въ военномъ палатѣ. Поста-
вленіи съ каждымъ 500^{мъ} душъ по одной строе-
вой и подвѣжной лошади, съ вѣдѣніи 1500,
болѣе, изъ пѣреходимыхъ лошадей до 300 лошадей
съ пѣреходимыми, при вѣдѣніи сѣхъ и дрѣвѣхъ
по пѣреходимымъ арміи и дрѣвѣхъ
пѣреходимымъ - 10^{мъ}. Вѣдѣніи 1812^{мъ} года)
Политенъ отъ пѣреходимыхъ вѣдѣній Князь
генералъ фельдмаршалъ Михаилъ Ларионо-
вичъ Толмачевъ Казѣдова амальскаго пѣвѣ-
ннѣи и пѣреходимыхъ съ вѣдѣніи по пѣр-
еходимымъ изъ арміи пѣреходимъ и дрѣвѣхъ
съ пѣреходимымъ Крѣпъ 30^{мъ} четвертей и вѣсѣхъ
30^{мъ} четвертей... 2^{мъ} генваря 1813^{мъ} года 2^{мъ} гра-
жданскій губернаторъ пѣреходимъ пѣреходимъ пѣреходимъ
нѣ отъ 2^{мъ} генералъ интендантъ Ланской вѣр-
ставленіи въ городъ Минскъ сѣхъ запасовъ
предвѣдѣніи вѣдѣніи пѣреходимыхъ пѣреходимыхъ пѣреходимыхъ
ства тѣмъ каждымъ жѣдѣніи пѣреходимыхъ по
сѣхъ пѣреходимыхъ пѣреходимыхъ пѣреходимыхъ
пѣреходимыхъ и пѣреходимыхъ вѣдѣніи съ сѣхъ сѣхъ
пѣреходимыхъ пѣреходимыхъ пѣреходимыхъ пѣреходимыхъ
предвѣдѣніи исполненъ всѣхъ требованій 2^{мъ} пѣр-
еходимыхъ... 13^{мъ} генваря 2^{мъ} гражданскій губернаторъ
пѣреходимъ съ вѣдѣніи пѣреходимыхъ пѣреходимыхъ

и отправила их в Минск. Зимнюю дорогу не смогли преодолеть все транспорты. Часть груза пришлось оставить на местах стоянок в пути следования. Некоторые уездные предводители дворянства вынуждены были искать подрядчиков в Минске и через них закупать продовольствие и фураж на месте. При проведении в 1826 г. senatorской проверки выяснилось, что в течение января – мая 1813 г. поставки провианта и фуража для нужд армии выполнили обоянская, фатежская, рыльская, дмитриевская, часть курской, часть хотмыжской округ и Львовский уезд Курской губернии.

Участвовал в закупке провианта и фуража, находившийся все это время в Минске майор Деменков. 14 апреля 1813 г. он сообщал курскому губернатору о том, что «купил с разрешения местного военного губернатора у губернского маршала князя Пузыни провиант и фураж по ценам за четверть муки от 3 руб. 12 коп. до 3 руб. 50 коп. серебром и 15 руб. ассигнациями, круп по 4 руб. 15 коп. серебром и по 20 руб. ассигнациями, овса по 2 руб. 15 коп. серебром и по 11 руб. ассигнациями с их мешками или кулями по 30 число августа поставлен за части Курского, Путивльского,

Суджанского, Хотмыжского и Тимского, всего по исчислению за 87152 души». Израсходовав практически все имевшиеся в его распоряжении денежные средства, Деменков сетовал на то, что, не имея достоверных сведений о ходе выполнения плана поставок от уездов, он вынужден прекратить закупку, хотя «иные поставщики поставлять начали, а прочие скоро станут поставлять». Чиновник просил срочно направить к нему посыльного с инструкцией о его дальнейших действиях.

28 апреля 1813 г. в дворянском собрании было принято решение, согласно которому «от тех округ, кои еще не выставили хлеба, каждый предводитель послал бы от себя чиновников, чтобы отставший в пути провиант и фураж поставить в Минск натурой. Если же невыгодна будет доставка, то продав оный хлеб, вместо того купить и поставить в Минск, снесясь с главным над транспортами начальником Деменковым». Но как следует из документов, многие уездные предводители дворянства приняли не согласованные в установленном порядке решения о способах выполнения продовольственной повинности. В результате имели место финансовые нарушения. Так, в Обоянском уезде предводитель дворянства произвел поставку «по его показанию через подрядчика без контракта и собранные деньги и провиант отданы им подрядчику без расписок», и как показала проверка из подотчетной суммы 158130 руб. 60 коп. документально подтверждено расходование только 91245 руб. 90 коп. Отдельные уездные чиновники допускали перерасход запланированных средств, закупая продовольствие по завышенным ценам⁴.

В соответствии с требованием Главнокомандующего, курское дворянство выполнило перевозку сухарей из города Севска Орловской губернии в местечко Новую Белицу (пригород Гомеля) Могилевской губернии, пользуясь выделенными для этой цели обозами, под наблюдением избранных дворянских чиновников. Эта операция была завершена в августе 1813 года.

В целом, от дворянства Курской губернии для приобретения 1500 голов волов и фур требовалось собрать 150000 рублей. Курынами было собрано 177469 руб., из которых израсходовано – 165656, а 11813 руб. было передано в Курский Приказ Общественного Призрения. Те из помещиков, кто не мог явиться

на собрание лично, в письмах изъявляли желание жертвовать «то, что по времени признавалось необходимым». Так, например, помещица Фекла фон-Линденер писала: «По причине слабости здоровья в собрании быть не могу, но, желая исполнить в защиту Отечества с верою в душе моей, прошу вас уверить благородное общество, не откажусь от того, что оно положит». Помещик Суковкин писал: «всякое положение, постановленное в собрании господами дворянами, я с искренним моим усердием приемлю, дабы я мог показать самим делом, что я есть верный сын Отечества»⁵.

По сведениям краеведа А.А. Танкова, курское дворянство делало значительные пожертвования «на устройство, поддержку и содействие народному ополчению, призванному в помощь Русским армиям». Пожертвования эти производились через архиепископа Курского Феокиста, который пользовался уважением дворянства и вел переписку со многими высокопоставленными лицами. В ноябре 1812 г. Обер-Прокурор Святейшего Синода князь А.Н. Голицын прислал архиепископу Феокисту письмо, в котором просил пригласить к пожертвованиям представителей дворянского и купеческого сословий. Сделав со своей стороны крупные денежные пожертвования, архиепископ Феокист отправил письма помещикам управляемой им епархии, имеющим достаточные средства и отличающимся стремлением к благотворительности. В них он призывал дворян проявить чувство патриотизма. Например, в архиве Курской духовной консистории сохранялось послание обоянскому помещику генерал-майору П.В. Ильинскому: «Вы когда-то изволили сказать мне о намерении Вашем построить при Обоянском мужском монастыре богадельню. Теперь открывается благопристойнейший случай и возможность к изъявлению благотворений Ваших в пользу бедствующих соотчичей, проливавших кровь свою за спасение Православной России. На сей важный, душеспасительный предмет пожертвуйте, благодетель мой!»⁶.

Курские дворяне, к которым обращался архиепископ, прислали пожертвования. Так, Белгородский помещик И.И. Хорват направил 500 рублей, львовский помещик Л.А. Изъединов прислал 500 руб. с выражением

«сыновних своих чувств», путивльский помещик Черепов прислал 1000 руб. Из Харькова помещицей Харьковской губернии, владевшей поместьями и в Грайворонском уезде Курской губернии, Донец-Захаржевской было прислано 500 рублей. Из Курска дворянин Переверзев препроводил 250 руб. с письмом, отражающим настроения местного дворянства: «В настоящее время, видя многих из знакомых моих и незнакомых дворян и других сословий соотечественников, подвергшихся несчастной участи, сопряженной с защитой Отечества, я облегчал судовольствием сердца по силам моим, угнетающую их бедность, давая одним деньги, другим одеяние, а некоторым пристанище...»⁷.

Многие курские дворяне жертвовали денежные суммы, как это следует из архивных документов духовной консистории, своему

приходскому духовенству, вместе с купечеством и представителями других сословий. Главные благочинные Курской губернии уведомляли архиепископа о том, что в их благочестиях все сословия участвовали в общей патриотической подписке.

Таким образом, население Курской губернии внесло свой посильный вклад в достижение победы над общим врагом, оказывая материальную помощь действующей армии в снабжении ее продовольствием и другими необходимыми вещами. С первых дней Отечественной войны куряне собрали пожертвований для армии почти 2 млн. руб., не случайно М.И.Кутузов хвалил их за патриотический порыв и самоотверженность: «Имеете вы право называться достойными сынами Отечества».

Примечания:

1. РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Т. 1. Д. 3451. Л. 1-2.
2. РГИА. Ф. 1555. Оп. 1. Д. 123. Л. 100.
3. Танков А.А. «Год священной памяти» (Из истории Курского края во время Отечественной войны) // Курский сборник. Вып. VII. Курск, 1912. С. 7.
4. РГИА. Ф. 1555. Оп. 1. Д. 123. Л. 101-103.
5. Танков А.А. Указ. соч. С. 8.
6. Там же. С. 3-4.
7. Там же. С. 5.

ВОЕННОПЛЕННЫЕ 1812 ГОДА В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ

На протяжении всех войн, которые вело человечество, непрямым следствием вооруженных конфликтов являлись проблемы, связанные с появлением значительного числа военнопленных и их содержанием. Если пленение солдат и офицеров противника становилось неотъемлемой частью военных действий, ведущихся армейскими частями или партизанскими формированиями, то решение вопросов по перемещению и расквартированию их в тыловых районах, организация питания и обеспечение мер безопасности, возлагались на гражданские власти в качестве дополнительной обязанности.

Документальные материалы, хранящиеся в Государственном архиве Курской области, содержат достаточно интересные сведения о работе правительственных учреждений и местных органов власти по размещению и сопровождению пленных военнослужащих наполеоновской армии, оказавшихся в период Отечественной войны 1812 года на территории Курской губернии. Введение в научный оборот информации, извлеченной из многочисленных циркуляров, распоряжений, справок, отчетов, именных списков и ведомостей, позволяет значительно расширить наше представление об этих страницах отечественной военной и региональной истории начала XIX века.

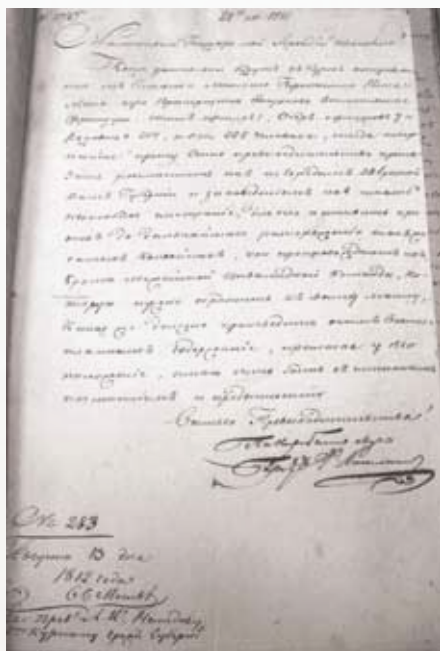
Несмотря на то, что события 1812 г. принято ассоциировать, прежде всего, с наполеоновским нашествием на Россию, курянам пришлось испытать на себе специфику общения с иностранными подданными враждебного государства в связи с пребыванием в июле – августе того же года на территории губернии турецких военнопленных.

По сообщению белгородского городничего И.П. Леонтьева 9 июля 1812 г. в город вступили пленные турки: «...паша – 1, чиновников – 325, простых турок – 697, за препровождением Харьковского внутреннего гарнизонного батальона подпоручика Никитина, с конвойной командой: унтер-офицеров – 1, рядовыми – 12, следующие из Харькова в Воронеж». В Белгороде военнопленные были остановлены на отдых, во время которого отправились на городской рынок, где посетили питейный дом Новоселовской. Здесь, как следует из

рапорта, они «делали озорничество, вылив из таза горячее вино и разбив два полуштофа». Сопровождающему партию подпоручику Никитину было указано на недопущение свободного передвижения турок по городу. Проведенное расследование установило, что хозяйка питейного заведения с мужем заманили пленного Сали ага, отобрав у него деньги, доведя ситуацию до прямого конфликта. Через сутки эта партия военнопленных, по распоряжению городских властей покинула уездный центр¹.

11 июля 1812 г. в Белгород вступила новая партия пленных – 320 чиновников и 822 простых турка, следовавших тем же маршрутом в Воронеж. Их сопровождала конвойная команда численностью 12 рядовых и 1 унтер-офицер, во главе с капитаном Резановым. 12 июля утром пленные отправились на базар, где вели себя крайне вызывающе, оскорбляя своим поведением местных женщин и мешая торговать всем присутствующим. Сделанные туркам замечания только усилили конфликт и спровоцировали драку, в которой приняли участие более 200 военнопленных. Для наведения порядка пришлось привлечь рекрутскую партию, двигавшуюся из Курска в Николаев. Семь турок были взяты под караул и арестованы, у двоих из них отобраны ножи. Сопровождающий капитан Резанов доложил, что поддерживать порядок собственными силами он не в состоянии. Подобным образом турки вели себя и в Харькове, где в конфликт пришлось вмешиваться губернатору. По показаниям пленных, во время драки у них было «сорвано» более одной тысячи рублей деньгами и серебром. Местными властями было принято решение в срочном порядке этапировать партию из Белгорода².

О предстоящем размещении в Курской губернии военнопленных французской армии впервые стало известно в конце лета 1812 года. 18 августа орловский гражданский губернатор уведомил своего курского коллегу А.И. Нелидова о том, что им дано предписание городским и земским полициям о «надлежащем препровождении имеющей следовать из Москвы до города Курска партии военнопленных французов, состоящей из одного штаб-офицера, семи обер-офицеров и

двухсот сорок четыре рядовых под присмотром Белостокского гарнизонного батальона прапорщика Васюхнова» с конвойной командой из 10 унтер-офицеров и 66 рядовых³.

В тот же день курский губернатор отдал распоряжение фатежскому исправнику направить нарочного к границе с Орловской губернией, чтобы тот выяснил время прибытия ожидаемой партии в границы Фатежского уезда. Исправнику предлагалось лично отправиться для встречи и дальнейшего сопровождения колонны по территории уезда; организовать подготовку на каждой почтовой станции по 20 подвод; наблюдать за тем, чтобы во время прохода военнопленных «при требовании чего-либо не могло возникнуть беспорядка»⁴.

20 августа 1812 г. А.И. Нелидов обратился к главнокомандующим в Москве Ф.В. Ростопчину и Санкт-Петербурге – С.К. Вязмитинову с просьбой отправить прибывающих в губернию пленнх в Воронеж, Тамбов, Пензу или Саратов. В письме губернатора указывались две основные причины, по которым пребывание военнопленных в Курске было нецелесообразно. Во-первых, губернский центр являлся местом сбора почти 14 тысяч рекрутов, а это, в свою очередь, может привести к проблемам с расквартированием и наличием необходимого числа «присматривающих за ними военных

чинов». Во-вторых, недалеко от Курска размещались пороховые и артиллерийские склады, где хранились боеприпасы, присланные с Шосткинского порохового завода. Отмечая эти обстоятельства, губернатор А.И. Нелидов писал: «Привесьмаскудном конвое иметь близко к оным людям, неприязненных нам, могущих покуситься на все злодейственные поступки, я нахожусь в справедливом опасении...»⁵. Еще одним фактором, на наш взгляд, побудившим губернатора обратиться с просьбой об удалении французских военнопленных с управляемой им территории, стали свежие воспоминания об инцидентах, связанных с пребыванием на курской земле пленных турок.

На следующий день было получено указание графа Ф.В. Ростопчина, отправленное еще 13 августа, о размещении военнопленных, отправленных из Смоленска, по городам губернии при «неослабном» надзоре за французами с использованием сопровождавшей их конвойной команды. К письму прилагалась роспись порционных расходов на суточное содержание пленнх. Генералам полагалось по 4 руб., полковникам – 3 руб., подполковникам и майорам – 2 руб., младшим офицерам – 1 руб., рядовым – 10 коп.⁶

Вскоре первая крупная партия французских военнопленных оказалась на территории Курской губернии. Облагополучном прохождении по дорогам Фатежского уезда местный исправник доложил губернатору 4 сентября 1812 г.⁷ Спустя сутки А.И. Нелидов отдал распоряжение курскому полицмейстеру Киценкову о размещении прибывших пленнх в Ямской слободе и составлении подробных ведомостей с указанием рода войск (кирасиры, драгуны, гусары, гренадеры, мушкетеры, егеря и проч.), а также национальности (французы, итальянцы, пруссаки, вестфальцы, саксонцы, португальцы, испанцы, голландцы). Было предписано разделить всех на взятых в плен в бою и на дезертиров. Отдельные именные списки должны были оформляться на офицеров. К выполнению этой работы предполагалось привлечь чиновников, владеющих иностранными языками⁸.

7 сентября 1812 г. прапорщик Васюхнов рапортом, направленном на имя курского гражданского губернатора, доложил о доставке партии военнопленных к месту назначения⁹. В другом рапорте он сообщил о расходах,

понесенных на содержание пленных в пути следования. Как следует из этого документа, партия французов была отправлена под конвоем из Вязьмы 11 августа 1812 г. Отпущенная порционная сумма составила 306 руб. ассигнациями. На дорогу от Москвы до Курска было выделено только 75 руб. кормовых денег. Этих средств явно не хватило, поскольку реальные расходы, зафиксированные в специальной учетной тетради, превысили 539 руб. Уездные казначейства не выдавали запрашиваемые суммы, несмотря на имевшиеся у прапорщика предписания военных властей. Необходимую сумму предполагалось получить через Курскую казенную палату в уездном казначействе¹⁰.

Но французские пленные в Курске надолго не задержались. Уже 10 сентября их под командой прапорщика Курского внутреннего гарнизонного батальона Гальковского отправили в Старый Оскол. К этому времени были подготовлены ведомости и именные списки. По национальному составу большая часть приведенной партии была представлена французами, кроме того в ней были итальянец, три саксонца, два пруссак, восемь фестфальцев, девятнадцать баварцев, десять поляков, тридцать кроатов¹¹. Пленные офицеры служили в разных частях французской армии: подполковник Адольф Марбо и поручик Карл Брефо – в 16-м конно-егерском полку, поручики: Евгений Дюверне – в 8-м егерском пехотном, Бенедикт Кальон – в 4-м конно-егерском, подпоручики: Себастьян Бесселенг – в 9-м уланском, Василии Деминг – в 85-м линейной пехоты¹².

О размещении прибывающих старооскольскому городничему были даны особые указания. Например, «для пребывания военнопленных назначить обывательские квартиры не в разных местах, а в одной какой-либо части города или слободе по местному вашему усмотрению, избирая для сего такие дома, в которых не менее как человек десять могли поместиться, дабы по недостатку конвоирующей команды с удобностью можно было содержать караул для пленных»¹³. Местным властям предписывалось оказать содействие в обеспечении надлежащей охраны военнопленных. В случае недостатка сил конвойной команды (по рапорту командира внутреннего гарнизонного батальона в ней

числилось 49 чел.), предлагалось использовать служащих уездной инвалидной команды.

Мерами, обеспечивающими общественный порядок в городе, должна была стать изоляция подконвойных от местных обывателей с целью недопущения распространения ложных слухов о положении на театре военных действий. Предполагалось установить контроль за поведением пленных, которые проявляют излишний интерес к отдельным объектам района их размещения, пресекая попытки сбора и передачи информации разведывательного характера¹⁴.

Прапорщик Гальковский рапортовал исполняющему должность губернатора – вице-губернатору Н.С. Паскевичу о прибытии 17 сентября 1812 г. партии военнопленных в Старый Оскол. В пути следования один заболевший французский солдат «волею Божией помер»¹⁵. Как следует из рапорта прапорщика Васюхнова, 10 октября 1812 г. он покинул Старый Оскол с партией 192 чел. пленных «неприятельской армии», направляясь в Воронеж¹⁶.

Следующий этап размещения военнопленных на территории Курской губернии был связан с получением циркуляра Особенной Канцелярии Министра полиции от 24 декабря 1812 г. о решении Комитета

министров, направленном на предотвращение распространения инфекционных заболеваний, связанных с прохождением через внутренние губернии военнопленных, «коих большая часть страдает прилипчивыми и опасными болезнями». В связи с чем было определено: «чтобы провод пленных был на некоторое время приостановлен, и чтобы они оставались в тех местах, где ныне находятся, по крайней мере до того времени, пока они совершенно оправятся и придут в состояние продолжать дальнейший путь, без причинения вреда по дорогам»¹⁷.

Губернаторам предписывалось остановить все партии пленных, проходящие по территории управляемых ими губерний. В местах остановки городские и земские полиции должны были проконтролировать, чтобы больные немедленно отделялись от здоровых и не имели контакта с местными жителями. Для наблюдения за пленными места их размещения предполагалось разделить на участки и назначить в каждом ответственного чиновника от дворянства, в обязанность которому вменить и контроль за удовлетворением их потребностей в одежде, обуви, пище, а также за отношением к ним со стороны местного населения и поведением самих пленных. Ежедневно чиновники должны были направлять донесения губернатору о положении на вверенных им участках, с тем, чтобы губернаторы могли предпринимать своевременные меры по исправлению ситуации¹⁸.

И лишь 13 мая 1814 г. Особенной канцелярией Министерства полиции было направлено указание Главнокомандующего в Санкт-Петербурге о Высочайшем повелении «чтобы все без изъятия пленные в России находящиеся, каких бы наций не были, отпущены были в отечество с распоряжением к обеспечению содержания их до границ наших»¹⁹.

Курский губернатор А.И. Нелидов обратился к предводителю дворянства П.А. Гасвицкому с предложением подготовить список чиновников от дворянства, которым будет поручено сопровождение пленных до Белостока. К этому времени в Курской губернии их проживало 1500 человек²⁰.

Таким образом, Курская губерния в 1812-1814 гг. стала местом приема, расквартирования и транзитного перемещения значительного числа военнопленных. Местные органы власти стремились точно исполнять все директивные указания и предписания Министерства полиции, регламентировавшие содержание пленных военнослужащих неприятельской армии. Следствием всех проведенных мероприятий стало отсутствие конфликтов и чрезвычайных происшествий в период пребывания иностранцев на территории Курской губернии. При этом удалось сохранить общественный порядок и безопасность населения в военное время.

Примечания:

1. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9267. Л. 3-3-об.
2. Там же. Л. 7-9.
3. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 576. Л. 1.
4. Там же. Л. 2-2-об.
5. Там же. Л. 3-3-об.
6. Там же. Л. 5-6.
7. Там же. Л. 23.
8. Там же. Л. 7.
9. Там же. Л. 24.
10. Там же. Л. 25.
11. Там же. Л. 21.
12. Там же. Л. 10. Пленные солдаты воевали в составе 5-го, 6-го, 8-го, 9-го гусарских; 3-го, 4-го, 8-го, 11-го, 12-го, 16-го, 24-го конно-егерских; 1-го, 2-го, 4-го, 6-го легко-конных; 6-го, 8-го, 9-го уланских; 8-го егерского пехотного; 1-го, 5-го, 9-го, 24-го, 25-го, 33-го, 35-го, 53-го, 57-го, 84-го, 85-го, 92-го, 93-го, 106-го, 108-го пехотных полков (Там же. Л. 12-15-об.).
13. Там же. Л. 66.
14. Там же. Л. 66-об.-67-об.
15. Там же. Л. 71.
16. Там же. Л. 127.
17. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9270. Л. 6.
18. Там же. Л. 6-об.
19. ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9281. Л. 1-6.
20. Там же. Л. 7.

КУРЯНЕ – УЧАСТНИКИ И СОВРЕМЕННОКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА И ЗАГРАНИЧНЫХ ПОХОДОВ РУССКОЙ АРМИИ 1813-1814 гг.

Петрушкевич А.В.

ОН ПРИВЕЛ НАСЕЛЕНИЕ КРАКОВА К ПРИСЯГЕ РУССКОМУ ЦАРЮ (ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ П.И. АВЕРИНА)

Сын московского купца Павел Иванович Аверин родился в 1775 г. Учился юноша в Москве, в гимназии для разночинцев, а потом в московском университете. Не окончив курса, в 1794 г. он поступил на службу в Корочу Курской губернии. Генерал-губернатор А.А. Беклешова скоро взял молодого человека в свою канцелярию, управляемую старшим братом, Петром Ивановичем Авериным. Сделав Павла Аверина своим секретарем, Александр Андреевич уже не расставался с ним, служа в Курске, Каменце, Киеве и в Петербурге. При преемнике А.А. Беклешова, П.Х. Оболянинове, Павел Аверин сохранил секретарские обязанности.

С воцарением Александра I, когда А.А. Беклешов вновь занял должность генерал-прокурора, П.И. Аверин продолжал оставаться секретарем, и уволен был только с назначением генерал-прокурором Г.Р. Державина, выхлопотавшего ему в пенсию полный оклад содержания. С этими средствами Павел уехал в Дерпт и поступил вольнослушателем в университет, решив посвятить свою жизнь науке. Но эта мечта не осуществилась. А.А. Беклешов был назначен генерал-губернатором в Москву и вызвал в 1804 г. П.И. Аверина к себе на должность правителя канцелярии. Произведенный в чин статского советника, Павел Иванович служил до отставки А.А. Беклешова, а с его увольнением в 1806 г. получил годовой отпуск за границу.

Из Кенигсберга Павел Аверин был вызван А.А. Беклешовым, назначенным на должность начальника 2-й области сбора милиции. На П.И. Аверина возлагалось инспектирование милиции в Псковской губернии и Остзейском крае. Это важное и трудное поручение было выполнено им успешно, за что он получил орден Владимира 4-й ст. и аренду, по особому представлению. Заключение Тильзитского мира приостановило

сбор милиции, но расформирования ее не последовало.

А.А. Беклешов умер в 1808 г. в Риге. Павлу Аверину пришлось сдавать дела. После сдачи он остался жить в Остзейском крае, а лето проводил в Крыму. Вновь вступил на службу только в 1811 г. чиновником особых поручений при министре полиции А.Д. Балашове, затем при С.К. Вязмитинове. В 1813 г., став министром юстиции, И.И. Дмитриев предложил П.И. Аверину место в герцогстве Варшавском. Генерал-губернатор В.С. Ланской определил его в начальники области Краковского департамента, где не было ни одного органа русской власти, а польское население считало себя в саксонском подданстве.

Павлу Ивановичу удалось выполнить данные приказания: отобрать оружие, выслать все найденные налично деньги в Варшаву и привести город Краков к присяге русскому царю. Император Александр I, проездом через Краков, был удивлен примерным благоустройством и, приписав все уменью начальника департамента, лично заявил ему свое полное удовольствие. Заботливость П.И. Аверина действительно простиралась на все и даже в конце октября 1813 г., при разлитии Вислы, австрийцы, занявшие низменный остров, были обязаны ему своим спасением. За это он был удостоен рескрипта императора Франца (из Франкфурта, 5 декабря 1813 года).

Действуя успешно и умело, особенно в отношении иностранцев, П.И. Аверин принимал меры для удовлетворения всем необходимым своих соотечественников. Это особенно требовалось при возвращении войск под командованием А.П. Ермолова из Франции. Но в то время, когда начальник области принимал все возможные с его стороны меры для продовольствия армии на протяжении четырех недель, как было

предписано, войска пребывали в Краковской области в течение нескольких месяцев. Главная квартира заподозрила П.И. Аверина в злоупотреблениях, о чем было заявлено в грозном письме главнокомандующего М.Б. Барклая-де-Толли, обещавшего подвергнуть Аверина ответственности, по полемому уложению, за преступление, приравняемое к измене. Для осмотра госпиталей из Варшавы был прислан начальник главного штаба армии И.В. Сабанеев, нашедший во всем наилучший порядок. Выяснение генералом Сабанеевым сущности дела сняло все обвинения, и фельдмаршал Барклай-де-Толли, вызвав к себе П.И. Аверина, принял его отлично. В своем приказе поставил его действия в пример для подражания другим начальникам.

Павел Иванович Аверин оставался в Кракове до 1815 года. Отсюда его назначили во Франкфурт комиссаром русского района, в ликвидационную комиссию о продовольствии войск в Германии. В русский район входили: Бавария, Виртемберг, Баден, Гессенские и Саксонские владения (с 19 мелкими немецкими землями). Помощниками Аверина были назначены: генерал Сухарев и медик Эйнерлинг. На обязанности их лежало изготовление госпиталей на 30000 кроватей и заготовление резервных магазинов жизненных припасов, по маршруту движения войск. Ликвидационная комиссия должна была также вести и счета всем поставкам от депутатов, местных начальств и по своим подрядам, при производстве уплат.

После успешного ведения дела во Франкфурте, П.И. Аверин 10 июля 1817 г. был переведен в Кенигсберг, в ликвидационную комиссию, учрежденную в 1813 г., дела которой были очень запутаны. Здесь, заботясь об интересах отечества, Аверин сберег большие суммы, не утверждая без проверки громадных счетов местных подрядчиков, несмотря на жалобы прусского генерал-интендантства. Вследствие замечаний, сделанных П.И. Авериным в Москве при поверке счетов, Е.Ф. Канкрин был вызван для переговоров по окончательному утверждению расчетов с Пруссией. Ратификация подписана 19 (31) августа 1818 г., и кенигсбергская комиссия закрыта, а П.И. Аверину, окончившему в один

год расчеты, пожалован орден Св. Анны 1-й ст., ордена разных немецких владетелей и две табакерки.

Сдав в главной квартире, в Шклове, отчетные таблицы и остававшиеся суммы, Павел Аверин прибыл в Петербург. В марте 1820 г. он был назначен генерал-провиантмейстером 1-й армии, но отказался от этого назначения, переселился в Дерпт, женился на Амалии Эйнике и прожил в отставке около года. Император Александр I вызвал его в Лайбах для выполнения личных поручений, намереваясь отправить в Италию войска для усмирения карбонариев. П.И. Аверин должен был заведовать при войсках продовольствием. В день Пасхи 1821 г. он получил пожизненную пенсию. Войск не потребовалось, и Аверин через Венецию и Триест вернулся в Дерпт, где и провел время до отъезда жены за границу. В 1823 г. П.И. Аверин приехал в столицу просить В.С. Ланского, назначенного министром внутренних дел, дать ему место чиновника особых поручений. Состоя в этой должности, Аверин с доктором Савенко в 1827 г. был послан для исследования кавказских минеральных вод. Для заведования их делами был учрежден особый комитет из трех членов: Аверина, генерал-майора Сазонова и лейб-медика Крейтона. Одновременно с этим П.И. Аверин был назначен членом комитета для рассмотрения проекта изменения дворянских выборов, но в нем участия не пришлось ему принимать, за назначением волынским гражданским губернатором.

Управляя с 18 апреля 1828 по 6 апреля 1831 гг. Волынской губернией, П.И. Аверин заведовал мероприятиями по передвижению и продовольствию войск к пределам Турции. Затем, он принимал меры против вторжения польских мятежников (ноябрь 1830 г.), равно и против холерной эпидемии. После стабилизации обстановки, в 1831 г., П.И. Аверин испросил увольнение и посетил Курск, Петербург и Финляндию. 6 июля 1833 года он был назначен бессарабским губернатором, где и закончилась его служебная карьера выходом в отставку 28 августа 1834 г. Последние годы жизни провел он в путешествиях: в 1840 г. – в Швецию и Любек, в 1845 г. – по Германии,

Франции и Англии и в 1847 году – по южной Франции и Италии.

Умер Павел Иванович Аверин 21 ноября 1849 г. Похоронен в Курске на Херсонском кладбище. До настоящего времени сохранилось надгробие с соответствующей эпитафией (во вторичном использовании обозначает могилу начальника штаба 1-й Курской партизанской бригады майора Н. Д. Сотникова)...

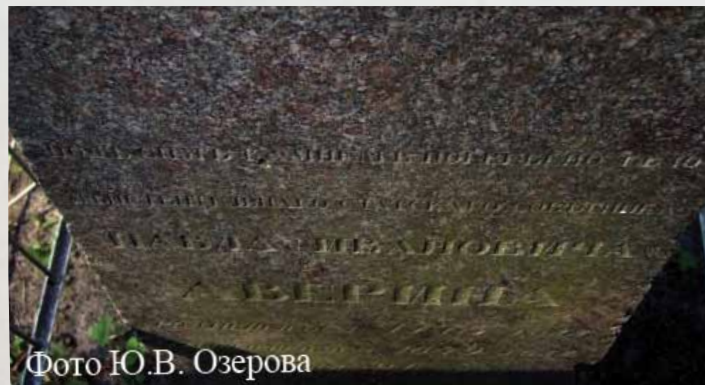

Фото Ю.В. Озерова

Источники и литература:

Раут. 1852. С. 8-50; Воспоминания о П. И. Аверине // Русский Архив. 1879. Кн. III. С. 390; Записки Н. С. Ильинского // Московский университетский благородный пансион Сугакова. С. 9; Библиографические записки. I, 517. Жизнь гр. Сперанского. I, 53-54, 90; Записки С.П. Жихарева // Русский Архив. 1890. Кн. XI. С. 102.

ПОЛКОВНИК ОСИП ОСИПОВИЧ БОРОДАЕВСКИЙ

Осип Осипович Бородаевский – представитель старинного военного рода¹. «Бородаевские – древний русский дворянский род, ведущий начало от сотника Осипа Ивановича Бородаевского (нач. XVIII в.) и записанный в первую часть родословной книги Харьковской губернии»². Многие по-

коления Бородаевских снискали признание на военной службе, способствуя укреплению могущества Отечества.

Осип Осипович (род. 1791 г.) отличился в Отечественной войне 1812 года³. Он начал службу юнкером в Сумском гусарском полку⁴ 10 мая 1809

года – завершил службу полковником 3 апреля 1822 года. Сумской гусарский полк после вторжения наполеоновской армии в Россию в тяжелых арьергардных сражениях прикрывал отступление основных сил армии от границы до Бородинского поля. Бородаевский участвовал в главных сражениях полка с Наполеоном. Боевое крещение в Отечественной войне Бородаевский, которому в 1811 г. было присвоено звание корнета, получил 15 июля 1812 г. в боях у г. Витебска. Он отличился храбростью, «за что был награжден Орденом Св. Анны 4-го класса»⁵; при отступлении из Витебска «до д. Понизова, за оказанное при этом отличие награжден чином поручика». Участвовал в «нескольких перестрелках», а также был в прикрытии батарей при Смоленске, проявил храбрость в сражениях при д. Лавровой, г. Вязьме.

В Бородинской битве Сумской гусарский полк отличился своими контратаками, понеся огромнейшие потери. Бородаевский 26 августа в сражении «при оном селении получил контузию картечью в правую ногу, и за отличие при том оказанное награжден Золотою Саблею с надписью «За храбрость». Бородаевский участвовал в прикрытии отступления к г. Можайску, под д. Кумановой он получил второе ранение – картечью в

правую руку, но продолжал оставаться в строю. Он участвовал в перестрелке при д. Красной Пахре, д. Чернышовой, г. Боровске, в боевых действиях в трехдневном оборонительном бою под г. Красным, «за личное мужество при этом оказанное награжден орденом Св. Владимира 4 степени». Доблестное служение Бородаевского было отмечено высокой наградой – Серебряной Медалью на голубой ленте за участие в Кампании 1812 года.

19 марта 1814 г. сумские гусары во главе всей легкой кавалерии торжественно вступили в Париж⁶. После низложения Наполеона они получили почетное право идти в первых рядах парадного шествия союзных армий-победительниц, состоявшегося в столице Франции. Бородаевский тоже участвовал в параде. В этом же году он был удостоен еще одной высокой награды – Серебряной медали на георгиевской ленте «За взятие Парижа», установленной «в память вступления армии 12-го марта 1814 года в Париж». Ею награждались генералы, офицеры, солдаты, участвовавшие в заграничной кампании в составе Действующей армии до 19 мая 1814 г. Медаль была учреждена 30 августа 1814 г., но награждение, однако, отложилось на 12 лет⁷. Оно производилось вплоть до 1 мая 1832 г.

В заграничных походах Сумского полка Бородаевский принял участие при разбитии неприятеля у с. Готлиб, в боях под г. Дрезденом, с. Цейнвальд и др. населенных пунктах, а также в преследовании его от с. Оберфейль до с. Гасгубель. За смелость и «отличия произведен в штабс-ротмистра». Мужество и примерная храбрость, проявленные им в «битве народов» под Лейпцигом, были отмечены орденом Св. Анны 2-го класса. За отличия в партизанских делах при г. Питивофе, под г. Бельгардом

произведен в ротмистры; за проявленные умения в преследовании неприятеля произведен в майоры.

Самоотверженная боевая жизнь Бородаевского шла непрерывно до отставки. В 1815 г. он был переведен в Стародубовский Кирасирский полк (позже Орденский Кирасирский полк). В 1822 г. «уволен от службы за ранами Полковником и с мундиром». С этого времени началась для Бородаевского мирная жизнь, он поселился в имении жены, Е. П. Воейковой, в с. Кшень Тимского уезда Курской губернии.

В течение 13 лет Бородаевский достойно нес государеву службу, самую почетную, но и самую трудную в Российской империи. В память о нем его внук, В.В. Бородаевский⁸, талантливый и самобытный поэт эпохи Серебряного века, написал стихотворения «Дом дедов», «Береза»:

Остановись. Смотри, как хороша сквозная
Игра моих листов... Уж больше сотни лет
Тростинку хрупкую сажал твой грозный
дед,

О лаврах боевых мечтательно вздыхая.

И он мне изменил - в двенадцатом году.

А я росла в громах иных, воздушных
ратей...

Вы, страсти грозные и взрывы злых
проклятий,

Когда металась я в горячечном бреду!

Военные традиции семьи продолжили

Кирилл Владимирович – поручик драгунского Тверского полка, по сведениям на 01.05.1916 г.¹⁰, Дмитрий Валерианович Бородаевский – участник советско-финляндской войны 1939-1940 гг.; погиб 12 января 1940 года, будучи младшим лейтенантом 13-го понтонного батальона¹¹.

Верой и правдой, конкретными делами служили на благо Отечества Бородаевские... В настоящее время в Москве живет и работает праправнук Осипа Осиповича – Андрей Дмитриевич Бородаевский, известный ученый, доктор экономических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета. В его семье бережно хранят память о полковнике Бородаевском, вписавшем свое имя в летопись Отечественной войны 1812 года.

Примечания:

1. Принадлежность к военному ремеслу отражена в семейном гербе Бородаевских. Сегодня историей рода занимаются потомки В.И. Бородаевский и А.В. Бородаевский.
2. Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. Биографии. Т. 2. М., 1992. С. 439.
3. Первое упоминание о Бородаевском О.О. см.: Решетинский В.Н. Курыне – участники Отечественной войны // Труды Курской губернской ученой архивной комиссии. Курск, 1915. С. 107-108.
4. В Сумском гусарском полку служили представители фамилии: Алексей Осипович, Николай Осипович. (РГВИА. Ф. 395.)
5. Сведения приводятся из копии Аттестата О.О. Бородаевского от 04.06. 1829 г., которая хранится в личном архиве праправнука героя войны 1812 г: А.Д. Бородаевского.
6. Гололобов М.А. К юбилею гусарских полков // www.museum.ru.1812.
7. www.xxc/stati
8. Бородаевский Валериан Валерианович (1874-1923) - поэт. В начале XX в. активно участвовал в общественной и литературной жизни России. Достиг известности и признания у современников как продолжатель традиций философской лирики Е.А. Боратынского и Ф.И. Тютчева. Были изданы 3 книги стихотворений.
9. Forum.vgd.ru
10. Там же.
11. Книга памяти. Т.2. М., 1999. С. 522.

СЕРГЕЙ КУЗЬМИЧ ВЯЗМИТИНОВ – ДВАЖДЫ МИНИСТР ИЗ РЫЛЯН

Российская провинция в XVIII-XIX столетиях дала стране много выдающихся государственных деятелей – министров, законодателей, региональных администраторов. Большинство из них достигли своего высокого положения лишь посредством личных способностей, упорства и трудолюбия, вопреки невыгодным «стартовым позициям». Яркий пример относительной демократичности российского служилого сообщества представляет судьба сына владимирского священника М.М. Сперанского, ставшего зиждителем новой отечественной государственности на рубеже этих веков.

Благодаря тем же качествам достиг больших чиновных высот и сын небогатого рыльского дворянина Сергей Кузьмич Вязмитинов (родился 7 октября 1744 г., скончался 15 октября 1819 г.), уроженец Рыльского уезда тогдашней Белгородской губернии¹ (на репродукции – его парадный портрет кисти О.А. Кипренского). Изначальные перспективы его карьеры не были радужными. Многолетняя армейская лямка, хлопоты и лишения походной жизни, отставка в обер- или штаб-офицерском чине с беспорочным аттестатом и мизерной пенсией были в то время в России обычным жизненным уделом для большинства сыновей небогатых уездных помещиков. Тем более, что никакого систематического образования юноша получить не смог. Но, по свидетельству близко знавшего его современника, «ум его, трудолюбивый и острый, доставил ему то, чему редкие могли выучиться, получа рачительное воспитание»².

Четырнадцать с половиной лет, летом 1759 г. Вязмитинов поступил на военную службу унтер-офицером, принял участие в боевых действиях заключительного этапа Семилетней войны с Пруссией. По их окончании был произведен в первый офицерский чин. Семь следующих лет прошли в армейских буднях в Украинском ландмилицком корпусе, несшем пограничную и караульную службу на западной границе империи.

Взлет карьеры Сергей Кузьмича начался с назначения его адъютантом к видному екатерининскому сановнику, вице-президенту

Военной коллегии, будущему фельдмаршалу графу З.Г. Чернышеву. Исполнительность и трудолюбие юноши понравились вельможе и его жене Анне Родионовне (урожденной фон Ведель). По свидетельству очевидца, Вязмитинов «старался неусыпно, и по службе и без службы, угождать вспыльчивости графа и самонравию графини. И за этот труд и терпение никого они столько не гоняли, как его; ни к кому столько не имели доверенности, как к нему; и ни в кого столько влюблены не были, как в него»³.

От Чернышева молодой адъютант, уже в чине подполковника, в 1771 г. перешел на службу в штаб одного из талантливейших полководцев екатерининской эпохи – графа П.А. Румянцева, участвовал в боевых действиях русско-турецкой войны 1768-1774 гг. В 1777 г. Вязмитинов был произведен в полковники (что в то время означало назначение командиром полка) и получил под начало Астраханский пехотный полк, в 1784 г. стал бригадиром и командиром Вологодского пехотного полка. В 1786 г. ему был дан первый генеральский чин и поручено сформировать четырехбатальонный Астраханский пехотный полк. В том же году Вязмитинов женился. Его избранницей стала выпускница Смольного института Александра Николаевна Энгельгардт (1767-1848), дочь правителя Могилевского наместничества Н.Б. Энгельгардта.

Во время русско-турецкой войны 1787-1791 гг. Сергей Кузьмич выступает уже военачальником, способным выполнять самостоятельные военные задачи. В начале кампании 1788 г. он был послан с отдельным отрядом на помощь австрийской армии под командованием принца Саксен-Кобургского, осаждавшей Хотин, и даже принял под свое начало одно из подразделений австрийской армии. Летом 1788 г. отряд Вязмитинова вошел в состав корпуса Н.И. Салтыкова, в начале сентября покорившего Хотин. В 1789 г. во

главе Екатеринославского егерского корпуса в армии князя Г.А. Потемкина Сергей Кузьмич участвовал во взятии Аккермана и занятии Бендер.

Ухудшение зрения повлекло за собой резкую смену вектора карьеры молодого генерала. В марте 1790 г. он навсегда оставил боевую службу (сохранив, по традициям того времени, военный чин) и был назначен правителем Могилевского наместничества (сменив на этой должности своего тестя) и командующим Белорусским егерским корпусом. Первым его ответственным поручением стало строительство гребной флотилии на Западной Двине. За одну зиму им было сделано и снаряжено 70 судов, причем со значительной экономией для казны – вполнину дешевле постройки такого же их количества в более удобных для этого местностях⁴. После окончания войны с Турцией, в 1792 г. Сергей Кузьмич получил свой первый орден – св. Владимира 2-й степени, а год спустя был произведен в генерал-поручики.

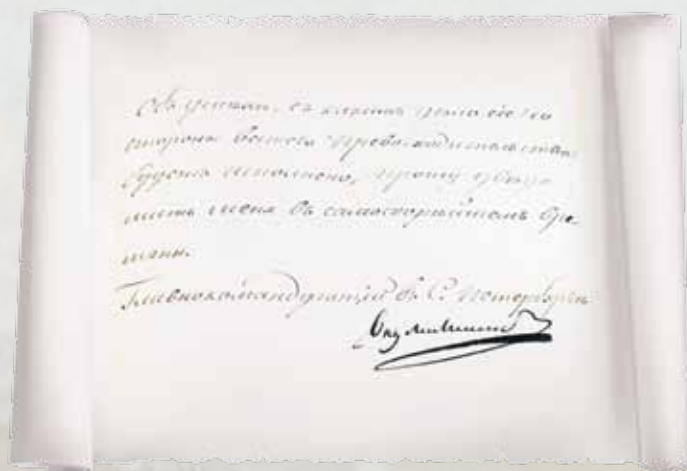
В первой половине 1790-х гг. Вязмитинов вошел в круг высших администраторов Российской империи, пользовавшихся личным доверием императрицы Екатерины II. Свидетельством тому стал ряд ответственных поручений. В 1793 г. он был послан в Киргиз-Кайсацкую орду для прекращения народных волнений и организации выборов нового хана, вследствие чего последним был избран расположенный к России султан Ишим. По возвращении Сергей Кузьмич был сделан сенатором, однако в столице не задержался: в сентябре 1794 г. он был назначен генерал-губернатором сразу двух наместничеств, Симбирского и Уфимского, а в апреле 1795 г. к его обязанностям присоединилось еще и командование войсками Оренбургского корпуса.

Калейдоскоп первых месяцев царствования Павла I в полной мере отразился и на судьбе Вязмитинова: он успел побывать по нескольку дней в должностях оренбургского, казенно-подольского, малороссийского, черниговского губернаторов, а в январе 1797 г. занял пост коменданта Петербургской крепости и был назначен членом Военной коллегии. В апреле того же года на него было дополнительно возложено управление переведенным из Москвы в Петербург Комиссариатским депо.

Поначалу Павел I был доволен Вязмитиновым, на которого посыпались награды: на коронацию – орден Анны 1-й степени и 750 душ в Рогачевском уезде Могилевской губернии, в марте 1798 г. – чин генерал от инфантерии, в мае того же года – орден Александра Невского, наконец, в апреле 1799 г. – большой крест принятого Павлом под опеку ордена Иоанна Иерусалимского. А в ноябре 1799 г. Сергей Кузьмич вышел в отставку, причем, в отличие от многих, с мундиром (т. е. по не порочащим его обстоятельствам).

Как и сотни других чиновников, отставленных от дел при Павле, в новое царствование Вязмитинов вернулся на службу. В сентябре 1801 г. ему было повелено управлять гражданской частью в двух малороссийских губерниях, с поручением разработать проект нового административного деления края. В ноябре им был представлен проект, согласно которому в феврале 1802 г. императором было утверждено разделение Малороссийской губернии на две, Полтавскую и Черниговскую. Тем временем в январе 1802 г. Сергей Кузьмич был назначен вице-президентом Военной коллегии, сенатором и членом Государственного совета. Наконец, в сентябре ему был поручен один из учрежденных министерских постов – министра военно-сухопутных сил. Последний был особенно важен, как ввиду широкого круга ответственности нового руководителя, так и вследствие того чрезвычайного значения, которое придавал Александр I министерской реформе. В 1805 г. Вязмитинов одновременно исполнял обязанности главнокомандующего войсками в столице на время отъезда императора в действующую армию, а по его возвращении был награжден алмазными знаками к ордену Александра Невского.

Тем не менее, деятельность немолодого уже министра в напряженные для ведомства годы войн с Наполеоном не во всем удовлетворяла Александра I. В январе 1808 г. он был смнен в должности не знающим устали Аракчеевым, причем (признак явного высочайшего неудовольствия) не получил никакого нового назначения и вышел в полную отставку. Лишь три года спустя, в апреле 1811 г. доверие императора вернулось к Вязмитинову – он вновь был определен на службу и назначен членом Государственного совета.

С этого момента Сергей Кузьмич являлся одним из наиболее близких сподвижников Александра I. В преддверии новой войны с Наполеоном, в марте 1812 г. он получил сразу несколько ответственных назначений: стал членом Комитета министров, главнокомандующим войсками в Петербурге на время отсутствия императора и управляющим Министерством полиции. Вязмитинов – один из немногих государственных деятелей, дважды занимавших министерский пост. За 115 лет существования министерств в России подобных примеров не наберется и десятка. После начала Отечественной войны, в сентябре 1812 г. он был назначен председателем Комитета министров, органа, в рамках которого на период военных действий сосредоточилось фактическое управление всеми важнейшими отраслями государственной жизни. По окончании войны Вязмитинов был удостоен высшей российской награды – ордена Андрея Первозванного. В октябре 1816 г. он

присоединил ко всем своим постам еще и должность петербургского военного генерал-губернатора. За многолетнюю государственную службу сын неизвестного рыльского дворянина был в августе 1818 г. возведен в потомственное графское достоинство Российской империи. Формальному признанию заслуг сопутствовало и неофициальное: в памяти современников и потомков Сергей Кузьмич остался благодаря своим положительным качествам: уму, трудолюбию, снисходительности к подчиненным и управляемым. Даже у такого желчного мемуариста-зоила как Вигель образ Вязмитинова оказался в своих основных чертах привлекательным⁵.

Не получив, как уже отмечалось, существенного образования, Сергей Кузьмич, тем не менее, всерьез интересовался литературой и искусством. Завзятый театрал, виолончелист, композитор-любитель, он даже сочинил оперу в 2-х действиях, имевшую в свое время некоторый успех у публики. Как крупный столичный администратор он всегда со вниманием относился к деятелям науки, культуры и просвещения. Его вклад на этом поприще был отмечен избранием в июле 1818 г. в почетные члены Российской академии. На протяжении всей своей жизни он собирал книги, составив солидную библиотеку (в 1820 г. поступила в фонды Императорской Публичной библиотеки).

В октябре 1819 г. С.К. Вязмитинов скончался и был похоронен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в Петербурге. Его надгробный памятник (напольная плита) сохранился до сих пор.

Примечания:

1. Подробную библиографическую справку о нем см.: Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802-1917: Библиограф. справ. 2-е изд. СПб., 2002. С. 172-174. См. также: Руководители Санкт-Петербурга. СПб.; М., 2003. С. 68-71.
2. Энгельгардт Л.Н. Записки. М., 1997. С. 194.
3. Добрынин Г.И. Истинное повествование или Жизнь Гавриила Добрынина, им самим писанная. 1752-1823 // Русская старина. 1871. Т. 4, авг. С. 98.
4. Затворницкий Н.М. Военные министры и главноуправляющие военной частью в России с 1701 по 1910 года. СПб., 1911. С. 103 (Столетие Военного министерства. Т. 3, отд. 6).
5. Вигель Ф.Ф. Записки. Кн. 1. М., 2003. С. 222.

ПЛЕНИТЕЛЬ КОСТЮШКО ФЕДОР ИЛЬИЧ ЛЫСЕНКО

Федор Ильич Лысенко родился в начале 1750 года в Курской губернии¹, под соломенной крышкою казацкой хаты. Лета беззаботного юношества его протекали в семейственном покое и полевых работах. Но дух его воспламенялся при виде

казаков в воинских доспехах; сердце его трепетало от радости всякий раз, как удавалось слышать ему гром победной пушки; юный Федор чувствовал, что он может быть счастлив только на поле битвы и замыслил переменить мирную жизнь селянина на заботную – солдата. Однако он не смел открыться в непоколебимом желании своим родным своим, боясь их слёз, увещаний, молений...

Любимая дума сия не давала ему покоя ни днем, ни ночью. Однажды, когда все домашние его спали, он потихоньку встал и прокрался в сад. Вдруг сверкнула на небе падающая звезда. Федор слышал, что это худое предзнаменование: страх и совесть боролись в душе его с пылкою, необузданною страстью; он кидается на колена и, успокоясь теплою молитвою, идет в хату, чтоб взглянуть еще раз на доброго отца и мать, и, приложась с усердием к прародительскому образу Св. Николая Чудотворца, бежит из дому родительского по дороге в Корочу.

Скоро поутру хватились Федора, искали его повсюду, но тщетно! Долго недоумевали, куда он мог деваться, что с ним могло случиться? Долго размышляли, как отец, припомяня некоторые нескромные слова юноши, обнаружившие страсть его к воинской службе, положил, что, верно, он ушел в город, записаться в солдаты, где происходил тогда рекрутский набор – и не обманулся!

Пришедши в Корочу, престарелый отец его идет прямо к полковнику, кидается к ногам его, умоляет его о возвращении ему сына – единственной подпоры целого семейства. Добрый полковник трогается слезами старца и отдает ему Федора.

С какой радостью встретило его целое семейство, целое селение! Одни упрекают его, другие соболезнуют о нем, плачут и, наконец,

все торжествуют его возвращению. Сам добрый Федор, увлекаясь чувствованиями родства и дружбы, забывает на минуту неудачу своего предприятия и льёт слезы удовольствия.

Лето и осень миновали, настала зима. Длинные темные вечера возродили мрачную, отдаленную думу в сердце Федора. Он ищет в мыслях страны, куда бы не достигли его вопли отца, отчаяние матери и собственные вздохи о родине. И бежит на границу Таврии², где расположен был Харьковский гусарский полк. Командир не поколебался ни минуты принять в службу молодца с розовым, геройским лицом, станом легкого и сильного. И так Федор вошел в действительную службу 1-го января 1772 года.

Как жаль, сказал однажды ротмистр, что Лысенко не знает грамоты, я бы сделал из него славного вахтмистра и – Федор тотчас принялся за азбуку. К счастью, крестьянин, у которого стоял он на квартире, был человек грамотный. Выучив азбуку, взялся он за Псалтырь, и вскоре уже читал оную бегло: то в полковой, то в приходской церкви. Ротмистр удивился, услышав нового чтеца: тотчас пожаловали его в капралы, а потом в ротные квартирмистры.

Вскоре закипела брань: легионы русские полетели в Крым³. И здесь-то, на заре воинских подвигов, Федор едва не лишился жизни самым жалким образом. Утомленный зноем и трудами похода, крепко заснул он однажды в степи во время роздыха. Ударили поход, быстро вскакивает Федор и чувствует, что в кармане чехла лежит у него что-то тяжелое, холодное. Он хочет опустить туда руку, как по счастью выказывает из кармана, шипя, свое жало огромная, ужасная змея и опять туда прячется. Федор кличет товарищей, саблями распаривают ему чехол и убивают ехидну. Старые солдаты толковали сей случай за самое доброе предзнаменование для Федора, и в самом деле их предсказание сбылось удачнее многих предвещаний Дельфийских оракулов!

Храбро сражался Лысенко под стенами Очакова⁴, где ликовала смерть на каждом шагу. Здесь он приобрел от товарищей имя храброго, а от начальства пожалован вахтмистром. С тем же мужеством и усердием бился он под Бендерами, Белградом, у Килии⁵ и в кровавой упорной битве Мачинской⁶. Война уже не имела для него ничего ужасного, огонь казался

невредимым, как чуть-чуть, для искушения мужества, не потонул он в небольшой речке при переправе.

Царства, подобно человеку, рождаются, возрастают, цветут и исчезают. Это мы видели с Польшею.

Лысенко был в числе русских воинов, занявших Варшаву посреди всеобщего бунта⁷. Настала тишина - предтеча неслыханных ужасов. На страстной неделе, когда воспоминание величайшего в мире события, примирившего Бога с виновным человеком, должно было усмирить страсти христиан и напечатать, что все люди братья и дети единого Отца, состоялся в Варшаве гнусный заговор против русских – и подал знак к кровопролитию. Поляки нападают внезапно на русских, под Федором убиты две лошади, и он присоединился к пехоте, бывшей под командою храброго Батурина. Двор, где заперлись они, был так тесен, что нужно было непременно занять соседний дом, дабы действовать с успехом; Федор взлетает первым на забор – тысячи пуль свистят вокруг него, он обступает и падает на забор. К счастью, он мог укрыться в сене, ему приходит удачная мысль выстрелить в сено из пистолета: сено вспыхивает, пламя распространяется. Поляки, не зная откуда происходит огонь, оставляют соседний двор, и Федор дает знать товарищам, чтоб ломали скорее стену и заняли дом.

Несчастье сближает страдальцев, в минуты опасности все звания равны, и только мужество, одно присутствие духа дает преимущество. Лысенко вместе с храбрым Батуриным делается предводителями горсти русских, окруженных всеми смертями. Со знаменем в руках выходят они из засады своей, подобно вырвавшемуся из оплота свирепому источнику, штыками и саблями прокладывают себе путь посреди картечи и пуль, сыплющихся на них градом. У Батурина сарматская⁸ пуля оторвала палец на руке, Лысенко, прострелен насквозь в икру. Батурин отдает знамя другому, но Лысенко, покрытый ранами, в изнеможении сил падает на груды убитых и умирающих. Остальные русские продираются за город и соединяются с прусскими войсками, приближавшимися к Варшаве. Лысенко ночью кое-как по трупам поползает к ним. Он посылается в лазарет и награждается чином корнета.

Вскоре усилено воинство российское в Польше; в стан русский прилетел орел севера,

гроза неприятелей России – Граф Александр Васильевич Суворов. Одно имя его уже наполнило поляков ужасом, а россиян радостью. Во всех встречах поляки были опрокидываемы и рассеваемы; уже близок был конец сей бедственной войны, как в рядах сарматских внезапно появляется вождь мудрый, опытный, патриот жаркий, благоразумный – одним словом, генерал Костюшко⁹. Он соединяет оробевших поляков, клянется восстановить славу отечества или умереть на развалинах его. Поляки воспрянули духом, забыли партии, их раздиравшие, готовы на все пожертвования и, собрав грозную армию, под предводительством Костюшки бодро идут навстречу русским. Знамениты полководцы наши, храбро воинство русское, но и гений вождя Польского быстр, дальновиден, неутомим. Воины его дерутся как львы, потери его вознаграждаются сугубо ратниками, стекающимися из отдаленнейших пределов Польши. Долго бы еще не успокоилась Польша под знаменами сего предприимчивого, отважного генерала, долго бы еще пировала смерть и лилась кровь на стогнах, если б неисповедимое Провидение, управляющее судьбою царств, не изрекло падения Костюшки, избрав Федора орудием к совершению сего важного, великого дела!

После многократных, частых ошибок, армии готовились дать 29 сентября 1794 общее решительное сражение¹⁰. Храбрый генерал Ферзен, переправившийся за реку Вислу, избрал для того поля Мазовицкие, находящиеся в 8 милях от Варшавы. Федор, влекомый неведомою силою, оживотворяемый непобедимым мужеством, испрашивает накануне битвы у шефа своего, бригадира Ф.А. Энгельгарда, позволение отлучиться во время бою для поражения неприятельского Главнокомандующего. Сколь ни безрассудно казалось сие дерзкое предприятие, ибо опытом доказано, что не только возможно пленить, но мудрено и достигнуть до военачальника любимого, составляющего душу армии; но Федор с такою убедительностью, с такою уверенностью спрашивал сего позволения, что наконец получил его.

С рассветом грозного дня войска выстроились одни против других. Загремела музыка, градом полетели ядра, дождем полились пули, двинулись полки, и пыль, мешаясь с дымом, щитит сияние солнечное.

Военачальники истощают все искусство, воины все силы свои. Пали тысячи, тысячи еще тонут в крови. Уже багровое светило склоняется к западу, уже ряды редуют с обеих сторон; но сеча не прекращается. Отчаяние и энтузиазм с одной стороны, жажда славы и праведное мщение с другой оспаривают победу. Русские делают счастливое движение, последнее усилие, и сарматы дрогнули, обратились в бегство.

Федор, подававший пример храбрости в пылу битвы, низложивший мощною рукою нескольких неприятелей, не упускает и сей решительной, славной минуты: он бодрствует с двумя казаками и двумя гусарами за движениями главнокомандующего польских войск, и, усмотрев орлим глазом, что он на быстром коне пустился по сторонней дороге, в сопровождении 10 улан – как молния, летит на свою добычу, далеко оставляет позади себя своих товарищей, врубается один в конвой Костюшки: четверо падают под меч его, пятый наносит ему рану; но тяжелый удар русского богатыря рассекает его надвое пополам, остальные ищут спасения в бегстве. Устрашенный Костюшко стреляет из пистолета, но роковая пуля пролетает мимо, и Лысенко в гневе и, опасаясь упустить свою добычу, наносит ему две раны саблею по голове. Костюшко падает без чувств, и Федор отвозит его с подоспевшими товарищами в русский стан.

Сим геройским подвигом Лысенко, так сказать, решил судьбу Польши. Граф Александр Васильевич¹¹ в ту же минуту поздравляет его поручиком и дарит от себя 500 червонных. Деньги сии благородный Федор разделил со своими сподвижниками. Пришедши в себя; Костюшко пожелал видеть своего покорителя. Ему представляют Лысенко. Осмотрев его с ног до головы, подивясь его грозному виду, его сильным мышцам и, как будто утишаясь, что взят воином, достойным быть пленителем таковой добычи, пожал ему руку. Вот первый трофеем Федора! Признательность отечества, благодарность Екатерины ожидали его впоследствии.

Надеждана сие тем казалась основательнее, что как личный победитель Костюшки, он назначен был провожать его в Петербург, коль скоро раны позволят сему последнему предпринять путешествие. Скоро, Костюшко обмогся; уже Федор летит с ним к престолу

великодушной монархини¹², как усталость пути и скорбь открывают раны у его пленника, и они должны остановиться на дороге. Здесь, к неожиданному удивлению, получает Лысенко повеление от своего генерала – сдать пленного Костюшко присланному офицеру, а ему самому возвратиться к армии. Федор с прискорбием сердца, но безропотно повинуетя священной воле начальства.

...После столь важной потери поляки укрепили Прагу и приготовились к упорной обороне. Предместие сие служило щитом Варшаве и ключом к покорению Польши. Гарнизон Пражский состоял из 80 тыс., россиян было 43 тысячи.

На заре 24 октября 1794-го двинулись русские к приступу. Левым крылом предводительствовал славный генерал Ферзен, в 6-й колонне одного под начальством генерал-майора Рахманова находился Лысенко. Несчастье не умалило его храбрости, грусть не ослабила его геройской отважности. Лысенко летит вперед колонны Сибирского гренадерского полка, набирает охотников и с ними открывает путь следовавшим за ним войскам, ничто не может противостоять их пагубным штыкам или убийственному огню – уже горсть храбрых во рве, и Лысенко первый является на валу. Скоро на развалинах Праги развеялась хоругвь победителей: 104 орудия и 15000 пленных были их трофеями; на завтра и Варшава преклонила гордую выю свою¹³.

Два подвига столь блистательные для офицера и столь полезные для отечества в всяком другом – несколько счастливее Лысенко – принесли бы славу, почести и благосостояние; но Лысенко не скоро получил даже и штурмовой Пражский крест¹⁴. Порадуемся, что Александру Благословенному¹⁵ представлено исторгнуть из бездн бедности и отчаяния воина, служившего с таким отличием отечеству.

Как ни был мужествен Лысенко духом, сколь ни был равнодушен и беспечен, однако не мог перенести столь сильного удара, нанесенного самолюбию, мечтам и надеждам. Он впал в тяжкую, продолжительную горячку. Через годы Лысенко выздоровел, но бедность не позволила ему пуститься в отдаленную столицу Севера, дабы упасть к престолу правосудной Государыни, а тут скоро последовала и самая кончина Ея...¹⁶

В 1796 году он переведен в Переяславский конно-егерский полк, а в следующий год, по

упразднении одного, поступил в гусарский, наименованный впоследствии Павлоградским. Не получив отставки по просьбе, поданной в 1796 г., он через два года подал другую, и в ноябре 1798 уволен штабс-ротмистром.

Оставив меч, Лысенко приемлет страннический посох и... четыре года скитается по Малороссии, где помещики с удовольствием его принимают и угощают. Вместо неприятелей отечества, он преследует и поражает врагов полей и лесов родимых. Однажды, живя у И.А. Алимова, поехал он с компаниею на охоту. В бороздах нивы, занесенных снегом, они открывают скрывшегося зайца. Дан сигнал, крик охотников и лай собак поднимают беглеца, все стремятся стремглав, дабы не допустить его укрыться в близ лежащем лесу. Лысенко также летит, но, по несчастию, конь его падает в глубокий ров и переламывает себе ногу; товарищи, не замечая сего, исчезают в преследовании зайца. Ушибленный всадник встает кое-как, поправляется, как вдруг из рощи выбегает огромный волк. Лысенко хватается свое ружье и стреляет в него. В ту минуту бросаются на него еще четыре волка. Некогда и бесполезно бы было заряжать ружье. Оборотя его прикладом, он вступает в битву опасную, ужасную: уже три падают под ударами его, но ружье переламывается, и он остается с голыми руками против двух остервенившихся зверей. К счастью, на выстрел приезжают охотники, и израненные волки скрываются в лес. Увидев трех страшных зверей, лежащих у ног богатыря, едва верят они своим глазам и с сими трофеями провожают победителя до дому. В ту же зиму Лысенко из своей добычи сделал добрую себе шубу, подобно герою, поразившему Немецкого льва.

В 1804 году Лысенко прибыл или, лучше сказать, пришел в Петербург. Первые шаги его направлены были в Собор Казанской Божией Матери, не для того, чтоб подивиться великолепию храма, но чтоб повергнуть себя скорбного, отверженного в покровительство Владычицы, Утешительницы всех страдальцев сего бренного мира. Внят болезненный стон, услышаны, пламенные мольбы несчастливца: мир и спокойствие наполнили душу его, весело вступает он на порог бедного, подземного жилища своего.

Скоро генерал-адъютант граф Ливен¹⁷ исходатайствовал штабс-ротмистру Лысенко

90 рублей ежегодной пенсии. Сумма сия хотя и составляла верное пособие, но при всей тогдашней дешевизне недостаточна была для единого пропитания, и он за одну квартиру должен был платить более. Но нет худа без добра: - бедность повлекла его в жилище мужа благотворительного и единоземного. Дмитрий Прокофьевич Трощинский¹⁸, знаменитый сын счастливой Малороссии, принял со сродным ему великодушием достойного земляка и предложил ему стол свой, а в начале 1805 года причислил его в ведомство Почтамта, находившегося в его управлении, с жалованьем по 375 руб. в год...

Чуждый прихотей, желаний, Лысенко с 375 руб. жалованья начинал забывать свою бедность, как непредвиденное обстоятельство изменило совершенно его положение: пришло его время, хотя несколько поздно – жениться. Будучи уже почти 60 лет, он встретился с суженою и – обручился. С умножением семейства усугублялись его нужды, но с помощью благодетелей, он кое-как перебивался до 1812 года.

Лысенко лежал на болезненном одре, как грозные тучи находили с запада на Россию. Он слышит, что отечество в опасности, и молит Бога, даровать ему силы – да пролить последнюю каплю крови с защитниками милой отчизны. Желания его исполнились, в том же году 12 декабря уже он был в рядах храброго 3-го Украинского казачьего полка, презрев сетования семейства и забыв преклонность лет своих. Всемиловитейший Государь пожаловал ему на экипировку 1000 рублей. Ободренный сею милостью воин, полетел поражать врагов, оставив жену и детей своих в Петербурге промыслу Божию. Оба года кампании за границу, где российское воинство покрылось бессмертною славою и благословениями Европы, оба года Лысенко служил с отличием и деятельностью. Начальство свидетельствует, что он в 1813 году февраля 1-го сражался под Калишем и участвовал во взятии в плен неприятельского генерала с двумя батальонами пехоты, двумя орудиями и знаменем. В летучем отряде, предводительствуемом генерал-майором Ланским, он действовал: апреля 5-го – под Наумбургом, 17 под Вейсенфельсом, 19 и 20 – под Лютценом, мая 3-го – под Битофсвельдом, 5-го – под Горшою; 8 и 9 в генеральной битве под Бауценом¹⁹ ходил в атаку на пешие колонны, и

во время взятия орудия отличился мужеством и храбростью; 10-го под Рейхенбахом Лысенко ходил в атаку на голландских гвардейских улан; 11 и 12 под Лауценом действовал при прикрытии всей ретирады; августа 7, 10, 11, 14, 15 и 17 близь Яуэра при поражении неприятеля, обратившегося в бегство; под Швейдницею, Горлицем и Голдбергом при истреблении корпуса и пленении французского генерала, под Левенбергом, и вообще участвовал при очищении всей Силезии. Сентября 26, 27, 28 и 30 отличился при Дюбине и взятии оною; октября 4-го и 6-го под Лейпцигом 20 во время атаки и взятии французских орудий действовал с храбростью, мужеством и усердием. Октября с 7-го по 7-е декабря был во многих авангардных делах под командою генерал-майора Г.А. Эммануэля; декабря с 21 по 22 января 1814 года находился при блокаде Майнца, откуда были весьма частые вылазки. Вступив во Францию, Лысенко сражался февраля 19 при переправе войск через реку Эсну и удерживании неприятельской кавалерии, стремился отрезать российских, 20 и 21-го под Соассоном, марта 9 и 10 под Краоном, 11 и 12 под Лаоном, и 18-го при взятии Парижа. 20 августа возвратился с полком в Россию.

И так меч старого воина блистал в 31 сражении, включая непрерывных почти трехтысячных перестрелок с неприятельскими отрядами. Тысячи воинов пали вокруг него в цвете лет своих, в изобилии всех благ земных, при всех упованиях на счастье в жизни: а Лысенко, преклонный в летах, удрученный недостатками, оставленный самою надеждою, Лысенко остался невредим: столь неисповедимы предопределения Всевышнего.

Вот один из всех замечательных случаев, доказывающих особенное попечение о нем промысла. В 1814 году, недалеко от Парижа, сильный легион французов внезапно приблизился к отдаленному и гораздо слабейшему корпусу генерал-майора Г.А. Эммануэля. Оставалось ретироваться, соединиться с ближними войсками и по обыкновению разбить неприятеля. Так и было! Г. Эммануэль отступил, но не имел времени дать знать о том майору Терпелецкому, командовавшему отрядом в 500 человек, разделенному с ним густым лесом. Нужно было известить его, спасти, и было бы поздно послать вестника в обход неприятеля! Искали воина отважного, благоразумного,

который бы взялся пробраться через стан французский, и жребий пал на Лысенко. Ему предлагают сильный конвой, но он избирает только трех казаков из своего эскадрона и, оградив себя знаменем креста, приказав то же сделать своим сподвижникам, смело летит на спасение своих собратий и прямо едет к цепи французской. На оклик часового называет он себя поляком и спрашивает о дороге в деревню, находившуюся позади неприятельского лагеря. Первая хитрость ему удалась: часового его пропускает в стан. Но тут изменяет ему главная его покровительница – ночная темнота, на которую возлагал он удачу своего дерзкого предприятия, – луна ярко вышла из-за черных туч. Навстречу выезжает к нему несколько польских всадников. Синий цвет мундира, твердый голос, с коим он повторяет им вопрос свой о дороге на чистом польском языке, отогнали всякое подозрение. Ему рассказывают они, как проехать ближе к деревне и провожают благополучно через весь стан свой. Избавясь столь явной, ужасной смерти, ибо он мог погибнуть как шпион, Лысенко в глубине сердца благословлял руку чудесную, изъывшую его из отвергнутой бездны и пускается во всю прыть к цели своей. Река служит ему путеводителем; скоро достигает он Терпелецкого, вручает ему повеление генерала и рассказывает об опасности, ему угрожавшей с первым рассветом дня. Мгновенно снимаются пикеты, русские берут в сторону, обходят многочисленного неприятеля, через сутки благополучно соединяются с главным отрядом, и герой наш получает полновесное спасибо!

В числе множества аттестатов, находившихся у Федора Ильича, обращает особенное внимание благодарность, принесенная ему от граждан города Идштейна, в коем он был комендантом в продолжение перехода в 1814 году российских войск через владения Нассавския. Напрасно извинялся он перед начальством в незнании немецкого языка; ему сказали, что честность и опытность его заменят сей недостаток, и Лысенко оправдал сей отзыв на самом деле. По окончании Отечественной войны Федор Ильич получил чины штабс-капитана, подал прошение в отставку и в 1816 году уволен от службы ротмистром, с мундиром и пансионом половинного жалования (170 руб.)

Курский помещик И.П. Сомов, юный летами, но старый наследственными добродетелями, предложил ему в 1818

году убежище в своей деревне Акшеневе. Радостно отправился туда Федор Ильич со своим семейством; уже полагал он кончить покойно дни свои в поместье благотворительного юноши, как неожиданная смерть сего последнего, воследовавшая в Петербурге 1819 года, расстроила его планы. С потерей его он потерял верное пристанище и решился, оставив в деревне семейство свое, ехать в Петербург искать счастья у престола великодушного Монарха – просить крова в угрожающей старости. И не ошибся. 1820 в февраль месяц Государь повелел Правительствующему Сенату отвести ротмистру Лысенко в награду ревностной долговременной его службы 1000 десятин

в Саратовской губернии и пожаловать 1000 рублей единовременно для проезда туда.

Благословляя Великого Монарха и ревностных исполнителей Его благой и праведной воли, Лысенко отправился в Саратов в упоении сердца и утешительных надежд. Между тем состоялся укаяз, чтоб за малочисленностью земель, в той губернии оставшихся, приостановиться вообще раздачею оных, и Федор Ильич, покинув на дороге дочь, с женою притащился опять в столицу...²¹

Примечания:

1. Ф.И. Лысенко родился 12 февраля 1751 г. в с. Выгорное Белгородской губернии. Умер 29 апреля 1832 г. в г. Тим Курской губернии (Большая Курская энциклопедия. Т. 1. Кн. 2. Курск, 2008. С. 40).
2. Таврия – в XVIII в. российское название Крыма.
3. Имеется ввиду русско-турецкая война 1787-1791 гг.
4. Крепость Очаков была взята русскими войсками 6 декабря 1788 г.
5. По-видимому, имеются ввиду победы русских войск под командованием А.В. Суворова под Фокшанами (1789 г.) вблизи Бендер, взятие Белгорода-Днестровского (1790 г.), осада крепости Килия (на Дунае) незадолго до штурма Измаила.
6. В ходе Мачинской битвы 29 июня 1791 г. корпус Кутузова, совершив глубокий маневр, атаковал и разбил правый фланг турецкой армии, после чего противник в беспорядке отступил.
7. 24 октября 1794 г. русские и прусские войска под общим командованием А.В. Суворова штурмом овладели столицей Польши – Варшавой.
8. Сарматы – презрительное наименование поляков, упоминавшееся в России с начала XVII века.
9. Тадеуш Костюшко (1746-1817) – руководитель польского освободительного восстания 1794 года.
10. Большое сражение, в котором силы польских конфедератов потерпели поражение от русско-прусских войск, состоялось 29 сентября 1794 г. севернее Варшавы. Объединенными войсками командовал А.В. Суворов.
11. А.В. Суворов
12. Императрица Екатерина II.
13. После взятия Варшавы А.В. Суворовым революционное правительство было уничтожено, и власть вернулась к королю Станиславу – Августу. Он писал Екатерине II: « Судьба Польши в ваших руках; ваше могущество и мудрость решит ее... ». В ответ Екатерина II написала: « Не в моих силах было предупредить гибельные последствия и засыпать под ногами польского народа бездну, выкопанную его развратителями, и в которую он, наконец, увлечен... ». 13 октября 1795 г. был проведен третий раздел Польши, которая исчезла с политической карты Европы до 1918 г.
14. Особая награда за участие во взятии Варшавы в 1794 г.
15. Император Александр I.
16. Императрица Екатерина II скончалась в Санкт-Петербурге 6 ноября 1796 г.
17. Близкий друг императора Павла I.
18. Бывший статс-секретарь Екатерины II, влиятельное лицо при Александре I.
19. 8-9 мая 1813 г. под Бауценом шло ожесточенное и кровопролитное сражение. Вместе с армией М.Б. Барклая-де-Толи силы союзников насчитывали 65 тыс. русских и 28 тыс. пруссаков при 610 орудиях. Наполеон привел под Бауцен около 150 тыс. солдат и офицеров при 300 орудиях. 9 мая 1813 г. русские и прусские войска потерпели поражение и отступили.
20. Битва в районе Лейпцига, состоявшаяся 4-6 октября 1813 г., получила название «битвы народов». В сражении Наполеон потерпел сокрушительное поражение, потеряв 60 тыс. убитыми и ранеными, 20 тыс. пленными, лишившись 325 орудий. Потери союзников составили около 50 тыс. человек.
21. Последние годы жизни ротмистр Ф.И. Лысенко провел в Тиму Курской губернии. Там и был захоронен на местном кладбище. На могиле Ф.И. Лысенко установлен крест (см. фото).

(Отечественные записки. 1822. Ч. XII. Кн. XXX. С. 44-60; Кн. XXXI. С. 179-195.
Автор не указан, предположительно – Н.А. Полевой. Комментарии А.Н. Манжосова)

КУРСКИЙ ГУБЕРНАТОР АРКАДИЙ ИВАНОВИЧ НЕЛИДОВ

Управление Курской губернией в период Отечественной войны 1812 года осуществлялось под руководством Аркадия Ивановича Нелидова (1773-1834). Вся организационная работа по проведению рекрутских наборов, сбору средств для оказания помощи действующей армии и жертвам войны, размещению беженцев и военнопленных, обеспечению необходимых условий для полноценного социально-экономического развития региона в условиях военного времени, координировалась гражданским губернатором.

Первый известный предок А.И. Нелидова, выходец из Польши Владислав Неледзевский, прибыл в Москву с князем литовским Дмитрием Ольгердовичем на помощь великому князю Дмитрию Донскому против Мамаи и участвовал в Куликовской битве. Оставшись на службе у великого князя, был пожалован селом Николаевским с деревнями в Суздальском стану Боровского уезда, в крещении получил имя Владимира¹.

Аркадий Иванович Нелидов, благодаря высокому положению сестры Екатерины (1758-1839), за короткое время сделал блестящую карьеру. Е.И. Нелидова была назначена фрейлиной жены сына и наследника Екатерины II - Павла Петровича.

Вскоре по своему характеру, тактичности, находчивости и способности принаравливаясь к людям она быстро стала необходимым лицом во дворце в Гатчине, где Павел жил почти безвыездно. Только Екатерина Нелидова умела успокоить Павла во время вспышек гнева, и вскоре стала его фавориткой и важной фигурой при дворе, когда он стал императором.

Младший брат Екатерины Нелидовой - Аркадий Иванович, окончив пажецкий корпус, был определен камер-пажем. 7 ноября 1796 г., в день восшествия на престол, император Павел I произвел 22-летнего А.И. Нелидова в майоры с назначением флигель-адъютантом, 9 ноября юный офицер стал подполковником, а еще через два месяца - генерал-адъютантом, приняв командование походной канцелярией. 5 декабря 1796 г. Аркадию Ивановичу были пожалованы одна тысяча душ крестьян мужского пола в Курской губернии².

А.И. Нелидов занимал высокое положение до 1798 г., когда между его сестрой и государем произошел разрыв. 19 августа Аркадий Иванович был отстранен от всех должностей, лишен воинского звания и выслан в курские деревни.

В изгнании он пробыл два с половиной года. Александр I вновь возвратил его в Петербург. В 1797-1798 гг. ему были пожалованы земли в Воронежской, Орловской, Смоленской, Там-

бовской губерниях, а также и в «...Курской губернии Рыльской округи села Гламаздино и Старшее...». В 1811 г. император назначил А.И. Нелидова курским гражданским губернатором. Эту должность он занимал до 1817 года.

В фондах Российского государственного исторического архива хранится письмо, написанное по-французски 18 октября 1817 г. одним из братьев Аркадия Ивановича и адресованное сестре Екатерине: «...Вы мне говорите, что дорогой и уважаемый Аркадий должен вернуться в Курск, но это на короткое время, так как я предполагаю, что отправив семью в Петербург, он там и останется. Уверен, что вся Курская губерния его любила, уважала, и будет искренне сожалеть о случившемся. Но чего стоит честное служение, уважение и любовь жителей области, которой он служил с честью, когда не умеешь унижаться, чтобы снискать хорошее расположение секретарей Министра... Аркадий и все честные служители Императора находятся в таком положении»³.

Актер М.С. Щепкин в своих записках написал о губернаторе Нелидове: «...Я услышал один ропот на губернатора: первое – что при

его средствах он жил не по-губернаторски и даже, к стыду дворянства и своего звания, ездил по городу четверней, а не в шесть лошадей. И прислуги было мало, так что в царские дни, когда давал обеды, на которые, кроме должностных лиц, никого не приглашал, и для такого небольшого числа посетителей приглашали для услуг людей из других домов; и даже за пятью детьми или чуть ли не за шестью ходила одна девушка..., а как тут были и мальчики, то их бедных, приучали с 4-х лет самих одеваться... Но главное, что возмущало все общество это то, что он не брал взятки. «Что мне в том, – говорил всякий, – что он не берет? Зато с ним никакого дела не сделаешь»⁴.

От брака с графиней Софьей Фёдоровной Буксгевден А.И. Нелидов имел шесть сыновей и семь дочерей. Один из сыновей Аркадия Ивановича – Иоасаф дослужился до чина генерал-майора. Другой сын – Аркадий, отставной штабс-ротмистр, с 1849 по 1852 гг. являлся Курским губернским предводителем дворянства. Дочь Варвара Аркадьевна (1814-1897) была камер-фрейлиной и фавориткой Николая I. Умер А.И. Нелидов в Ревеле.

Примечания:

1. РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 177. Л. 368-369.
2. Шумигорский Е.С. Екатерина Ивановна Нелидова (1758-1839) (Очерк из истории императора Павла). Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1902. С. 65-66, 70.
3. РГИА. Ф. 1003. Оп. 1. Д. 66. Л. 1-2. Перевод Л.Я. Бабаскиной (Курск).
4. Щепкин М.С. Записки актера Щепкина // <http://www.old.kurskcity.ru/book/shepkin/sh009.html>

Денисов М.Е., Петрушкевич А.В.

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ А.И. НЕЛИДОВА

История рода Нелидовых, и, в частности его Курской ветви, всегда привлекала внимание исследователей. Тем не менее, существующие некоторые «белые пятна» до сегодняшнего дня требуют подробного изучения. В частности, это касается галереи семейных портретов, некогда украшавшей интерьеры дворца в Мокве. Она охватывает период с конца XVIII до середины XIX века, и, в известной мере, дает возможность проследить эволюцию русского портретного искусства, представить человека этого периода в его становлении «с веком наравне». Наглядно прослеживается характер изменений в военной форме, в модах, порой в особенностях быта, менявшегося на протяжении времени.

Портреты Нелидовых и их прославленных родственников несут в себе впол-

не конкретную, точную информацию о положении изображенного, его заслугах. Без этого немислим парадный портрет, его язык был понятен современникам, но почти забыт к нашему времени. Регалии портретируемого – эполеты, шитье на мундире, звезды, кресты, ленты, воспринимаемые как вехи биографии, сами по себе позволяют составить мнение о нем. Кажущиеся на первый взгляд лишь красочными пятнами композиции эти знаки заслуг, отличия от других рассказывают о человеке и его жизни. Эти награды передавались в роду из поколения в поколение, бережно хранились, напоминая потомкам о славе предков.

Уточнение особенностей портретов с точки зрения униформологии, может помочь и правильной авторской атрибуции,

а также более точно определить время создания произведения. Известная краеоведам иконография Аркадия Ивановича Нелидова представлена портретами, находящимися в собраниях курских музеев: один в собрании галереи им. А.А. Дейнеки и три в курском областном краеведческом музее.

Портрет из коллекции галереи (иллюстрация 1) высокого живописного и художественного достоинства представляет Аркадия Ивановича на пике его придворного фавора Павловского царствования. Головокружительная карьера характерная для этого правления, так же молниеносно окончилась опалой. Поводом заказа портрета неизвестному нам живописцу послужило, вероятнее всего, производство Нелидова в высокий придворный чин генерал-адъютанта. Именно в мундире, соответствующему данному чину мы и видим его на портрете. Подобный двубортный мундир с красным воротником, аксельбантом на правом плече и золотым шитьем особого рисунка на воротнике и петлицах просуществовал недолго - с 1800 по 1801 год, до смерти Павла I, и был отменен его преемником на престоле. Соответствует времени и прическа изображенного – пудренный парик «в две букли» с косичкой «а ля бутера». Полученный во время монаршего благоволения орден Святой Анны I степени (звезда и красная с желтой каймой лента через левое плечо) также представлен.

Прототипом портретов Аркадия Ивановича из собрания музея (иллюстрации 2, 3) послужил портрет работы известного портретиста Яноша (Иоганна) Ромбауэра (János Rombauer) (1782, Левоч, Австро-Венгрия - 1849, Прешов, Австро-Венгрия). Он был выходцем из семьи ремесленников немецкого

происхождения, сыном столяра. Учился в Левоче у живописца Я.Я. Штундера. В 1806 г. по приглашению графа Ильинского, приезжает в Российскую империю и живет в одном из имений графа на Волыни, где создает для него ряд произведений, а затем перебирается в Петербург. Там много работает по частным заказам, пользуется популярностью у столичной знати, участвует в академических выставках, и лишь в 1824 г. возвращается на родину.

И на гравюре А. Ухтомского 1821 г., и на ее живописном повторении Нелидов представлен в одинаковом ракурсе и с тем же «набором» наград. Темно-зеленый мундир, высокий воротник голубого цвета, звезда и лента ордена Св. Анны I степени (уже знакомые нам по портрету из собрания галереи), две медали на Владимирской и Аннинской лентах, шейный галстук, все присутствует. Только скромные обер-офицерские эполеты не соответствуют высокому чину генерал-лейтенанта, которому по чину полагались эполеты «с жирной», как тогда говорили, бахромой. В чем же дело? Почему столь известная и любимая курянами личность оказалась на портрете лишенная законного отличия?

Дореволюционный автор А. Дунин в заметке «Неприличная» компания» (журнал «Исторический вестник» за август 1910 г.) считал что «Нелидов изображен в губернаторском мундире». Однако разгадка заключается в следующем... По воцарении Александра I, Нелидов был произведен в генерал-лейтенанты с возвращением придворного чина генерал-адъютанта.

Во время войны с Францией 1805-1807 гг. Россия поддержала

Пруссию, которая в 1806 году подверглась нападению Наполеона. После сокрушительного разгрома прусских войск под Иеной и Ауэрштедтом французская армия двинулась к Висле. Передовые части французов заняли Варшаву. Тем временем в Польшу постепенно входили русские войска под командованием

фельдмаршала Михаила Каменского. Появление французских подразделений в Польше, вблизи российских рубежей, прямо затрагивало интересы России. Более того, поляки всячески склоняли Наполеона восстановить независимость их государства, что было чревато проблемой перекройки российских границ на западе.

В связи с угрозой вторжения неприятеля, в помощь регулярной армии из «крестьян и других помещичьих людей» Высочайшим манифестом

от 30 ноября 1806 г., было сформировано «временное ополчение или милиция, называвшаяся также Земским Войском». В том же году Нелидов был назначен начальником милиции Псковской губернии, не исключено что эту должность он получил благодаря протекции своего тестя Ф.Ф. Буксгевдена, в то время военного губернатора и управляющего гражданской частью в Лифляндской, Эстляндской и Курляндской губерниях. Портреты именитого тестя и его супруги тоже присутствовали в интерьерах Моквы.

«Генералам и штаб и оберъ-офицерам сей милиции быть присвоен: общий армейский пехотный мундир того времени, но однобортный, съ выпушкою по борту, от борта до фалд и на фалдах, полах и карманных клапанах; темнозеленая, по цвету мундира, панталоны, с выпушкою в боковых швах; белый жилет и шляпа, с зеленым султаном; при чем были установлены следующие различия: а) У главнокомандующих областными милициями - два золотые обер-офицерские эполета».

Таким образом, Ромбауэр изобразил Нелидова в форме начальника милиции Псковской губернии, не допустив никакой ошибки в передаче особенностей военного мундира. Это подтверждает и цвет воротника – голубой, так как «установлены были для мундирных воротников, обшлагов и выпушек следующие неперменные цвета:

а) В I-й области (С.-Петербургская, Новгородская, Тверская, Олонецкая и

Ярославская губернии) – красный; б) Во II-й области (Эстляндская, Лифляндская, Курляндская и Псковская губернии) - голубой».

Две скромные медали «установленные в награду службы, и в память достопамятных военных событий, в царствование императора Александра I» на портретах Аркадия Ивановича тоже заслуживают внимания. «По окончании войны с Франциею, в том же 1807 году, медали эти были раздаваемы служившим в Подвижной милиции в следующем виде: офицерам, участвовавшим в сражениях - золотые, на Георгиевской, офицерам, не участвовавшим в сражениях - золотые, на Владимирской ленте», не принимавшему участия непосредственно в боях Нелидову жалуются указанная награда на Владимирской ленте.

А последней, изображенной на портретах медалью, он был отмечен за свою деятельность во время Отечественной войны 1812 года. 5 февраля 1813 г. император Александр I учредил медаль «В память Отечественной войны 1812 года» для награждения всех участников боевых действий до 1 января 1813 г. - от фельдмаршала до солдата, ополченцев, священников, медицинских чинов. На лицевой стороне (аверсе) медали изображено «всевидающее око», окруженное лучезарным сиянием, внизу дата - «1812 годъ». На оборотной стороне (реверсе) четырехстрочная надпись, библейское изречение: «НЕ НАМЪ, / НЕ НАМЪ, / А ИМЕНИ / ТВОЕМУ», т.е. благодарение Богу за освобождение России от иноземного нашествия.

Манифестом от 30 августа 1814 г. была учреждена такая же медаль, но чеканившаяся из темной бронзы, что было впервые в истории русских наград. Ею награждались представители дворянства и купечества, содействовавшие победе в войне 1812 года. Согласно Манифесту, А.И. Нелидов получает эту медаль, ставшую его последней наградой.

В экспозиции музея представлена и копия маслом гравюры А. Ухтомского, практически повторяющая оригинал она интересна тем, что была представлена в Москве на выставке к 100-летию Отечественной войны 1812 года.

Иллюстрации:

1. Портрет А.И. Нелидова в мундире генерал-адъютанта. Неизвестный художник. 1800-1801 гг. Курская областная картинная галерея им. А.А. Дейнеки
2. Портрет А.И. Нелидова. Раскрашенная гравюра А. Ухтомского с оригинала И. Ромбауэра. 1821г.
3. Портрет А.И. Нелидова в мундире начальника милиции Псковской губернии. С. Ершов. 1840-е гг. Курский областной краеведческий музей.

«МЫ МЫСЛИМ И ГОВОРИМ ЯЗЫКОМ ПЕРЕЛОМА...» (ТВОРЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ Н.А. ПОЛЕВОГО)

Слова, вынесенные в заголовок, взяты из письма А. Бестужева к Н.Полевому и являются откликом на реплику последнего: «Хаос, неустройство старое упало, нового нет... В наш век всеобщих переломов, политических моральных, ученых, нельзя и работать на века»¹. В них и яркая характеристика времени, и объяснение многих особенностей судьбы и творчества Полевого. Журналист и историк, беллетрист и критик, издатель знаменитого журнала «Московский телеграф», Николай Алексеевич Полевой принадлежит к наиболее значительным деятелям русской литературно-общественной жизни 20-30-х годов XIX века и имеет несомненное право на внимание нашего современника. Для нас Николай Полевой интересен и своей глубокой связью с Курским краем.

Полевой родился в Иркутске, но происходил из старинного и некогда богатого рода курских купцов. Семья Полевых была замечательна своими культурными традициями и интересами. Не случайно поэтому, что, кроме Николая Алексеевича, литературе и журналистике посвятил свою жизнь его брат Ксенофонт. Писательницей ста-

ла впоследствии и их старшая сестра Екатерина Алексеевна (в замужестве Авдеева). В духовном развитии будущего писателя и историка значительную роль сыграло общение с целым рядом весьма незаурядных людей. В Курске, куда Полевой переехал из Иркутска в 1813 г., он был знаком с князем В.П. Мещерским, «человеком вполне передовых взглядов», «знатоком литературы и театра». С поэтом и прозаиком А.Ф. Раевским, братом декабриста Владимира Раевского, а также с одним из образованнейших деятелей русской церкви, востоковедом Евгением Болховитиновым.

В 1817 г. в журнале С.Н. Глинки «Русский вестник» появляется несколько произведений,

в числе которых «Чувства курских жителей по случаю прибытия в Курск графа Барклая де Толли» и «Отрывки из писем к другу из Курска», посвященные пребыванию в городе императора Александра. Окрыленный успехом, Полевой переезжает в Москву и с головой погружается в атмосферу идеологических и исторических споров.

На рубеже 20-30-х годов XIX века с особой остротой обозначился целый круг проблем, в котором слились воедино вопросы философии истории, ее методологии, вопросы осмысления истории России, размышления об особенностях литературного процесса, этических и эстетических критериях оценки событий современности и далекого прошлого. Поэтому в это время многие видные деятели исторической мысли являются одновременно и литераторами. Так, крупнейший историк этого времени М.П. Погодин – автор повестей и исторических драм; С. Шевырев, много сделавший для утверждения исторического метода в изучении культуры, – поэт; Н. Полевой – писатель и журналист. Возможно, поэтому до сих пор идут споры, считать ли «Историю государства Российского» историческим трудом или литературным произведением. Кстати, и Н. Полевой в письме В.Ф. Одоевскому определяет свою «Историю» как «литературный труд», называя его «огромным и важным».

Появление первых томов «Истории русского народа», издание которой началось в 1829 г., вызвало беспрецедентную по запальчивости дискуссию, подлинной причиной которой были не столько конкретные достоинства или недостатки труда Полевого (к последним относилось прежде всего некритическое применение к русскому материалу теоретических положений западноевропейской романтической историографии), сколько его полемический характер. «История русского народа» подчеркнуто противопоставлялась ее автором «Истории государства Российского» Карамзина. Что же отвергал Н. Полевой в карамзинской историографии? Дело было, конечно, не в том, что «Его (Карамзина. – К.А.) время прошло без возврата», а в том, что назрела потребность

следующего шага в развитии исторической науки. Н. Полевой выделяет два этапа в развитии знаний о прошлом. На первом этапе человек просто «видит, чувствует, понимает, верит», поэтому история сливается с мифом, сказкою, поэмою, поэзией, является в летописях и сказаниях. На втором этапе ученый «замещает непосредственное вдохновение постоянными понятиями и врожденные верования системами»². По мнению Полевого, пришло время фундаментального философского осмысления прошлого. Интересно, что он называет историю «философией опыта», видя в ней «практическую поверку философских понятий о мире и человеке»³. В русской истории писатель ищет истоки народности и национальной самобытности. В то же время основополагающим для него станет представление о национальной истории как части единого всемирного процесса, поиски в ее событиях всеобщих закономерностей, выявление логики исторического движения. Показательны споры вокруг фигуры Петра I, часто становившиеся катализатором размышлений о приоритете национального или европейского. Смысл реформ Петра Великого Полевой видел в решительном повороте России к Западу, но, на его взгляд, Русь при этом осталась самобытной во всех отношениях, изменились только формы.

Не только личной биографией, но и «эпохой перелома» объясняется и защита им интересов «средних классов» русского общества (прежде всего купечества и промышленников). И в русской истории, и в художественном творчестве он проявляет интерес не только к государственным деятелям, но и к людям «среднего» сословия.

В литературных произведениях Полевой также прежде всего защищает интересы народа и ищет наиболее естественные формы воплощения исторического материала. На это указывает принятое им жанровое обозначение некоторых исторических произведений – «быль». По мысли автора, оно подчёркивает достоверность его сочинений, их близость исторической основе: «...Русь, как она была, точная, верная картина её – вот моя цель». Карамзин тоже и в повести «Наталья, боярская дочь», и даже в неоконченном романе «Рыцарь нашего времени» настаивает на желании рассказать «быль или историю»,

«не роман, а быль». В свою очередь, в поисках подлинно народного национального колорита и Карамзин («Илья Муромец»), и Радищев («Бова»), обращаются к былине и исторической песне, обладавшим в русской устной и письменной словесности жанровыми признаками героической эпопеи, в которой все более вызывает потребность поэтического жизнеподобия. Таким образом, для них «быль» – это и «история в лицах», и «исторический трактат», и осмысление пути России.

Путь Полевого-беллетриста начинается историческими повестями «Святочные рассказы» (1826) и «Симеон Кирдяпа» (1828, впоследствии получила название «Повесть о Симеоне, Суздальском князе»). Он представляет собой характерную для тех лет фигуру как писатель и ученый, сочетающий создание художественных произведений о прошлом с самостоятельной научной разработкой проблем истории. Исторические повести, а позднее и романы его отличает научная основательность, продуманность эстетических установок, стремление к новому для отечественной литературы разрешению коренных внутри-жанровых проблем (соотношение факта и вымысла, приемы создания исторического колорита и др.) «...Верная нить истории и повествований старинных поведет меня, – поясняет Полевой особенности своей манеры в программном предисловии к роману «Клятва при гробе господнем» (1832), – только, там, где нет изъяснений истории, позволю себе аналогическое прибавление к известному»⁴. Однако задача писателя не сводится при этом к простому пересказу исторических материалов. Он стремится вдохнуть жизнь в мертвые факты, воссоздать минувшее в его полноте и неповторимости. И здесь ведущее значение принадлежит художественной интуиции автора. «Воображаю себе, – продолжает он, – что с 1433-го по 1441-й год я живу на Руси вижу главные лица, слышу их разговоры... записываю, схватываю черты быта, характеров. Речи, слова и все излагаю в последовательном порядке...: это история в лицах; романа нет; завязка и развязка не мои... Пусть все живет, действует и говорит, как оно жило, действовало и говорило»⁵.

В «Рассказах русского солдата» традиционная для романтической литературы проблематика «просвечивает» сквозь плотную ткань бытописания. Опираясь на собственный

жизненный опыт, Полевой открывает мало известную образованному читателю сферу русской действительности, поэзию старого русского быта, прежних нравов: «Положение... Курска прелестно. Город стоит на горе, которую обтекает река Тускорь, и с некоторых мест взор обнимает пространство, усеянное деревеньками, селениями, перелесками, нивами верст на двадцать. Если вы будете в Курске, советую вам пойти на берег Тускори к бывшему Троицкому монастырю и полюбоваться оттуда видом на Стрелецкую слободу. Окрестности ее и скат под гору к Тускори. Не менее хорош вид и на Ямскую слободу, которая раздвинулась по луговой стороне реки на Коренской дороге»⁶.

Повествование построено как незатейливая беседа-воспоминание. Об этом говорит и первая строчка: «Кажется, это было в 1817 или 1818 году. Мне надобно было ехать в Острогожск и Воронеж; я жил тогда в Курске» (автор действительно жил в это время в Курске). В этом неспешном повествовании найдется место и описанию Ямской слободы. Среди ямщиков, которые «особенно славятся своими лошадьми, своим достатком, своею ездой» будут названы и курские: «Любо посмотреть на их опрятные, высокие дома, с кровлями почти перпендикулярными, с раскрашенными окнами, с крытыми обширными дворами, где

все завалено кибитками, ободьями, рогожами, колодами, дегтярными бочками, телегами и где останавливаются обозы и иногда тесно бывает от возов и лошадей; любо посмотреть и на самих ямщиков, крепких, сильных, здоровых, рыжебородых, под пару их дюжим лошадям, которые могут выехать восемьдесят, сто верст в сутки, которых хозяин бережет и лелеет, как друзей». «Прежде, когда многие курские купцы торговали за границу, Лейпциг, Бреславль, Кенигсберг были знакомы курским ямщикам так же близко и коротко, как их соседка, Коренная ярмарка». Так благодаря Полевому и Курск с его древней историей входил в большую литературу.

Примечания:

1. Известия по русскому языку и словесности. 1920. Т. II. Кн. 1. С. 205.
2. Полевой Н.А. История русского народа. Т. 1-6. М., 1829-1833. Т. 1. С. XII.
3. Московский телеграф. 1829. Ч. 27. С. 476.
4. Разговор между сочинителем «Русских былей и небылиц» и читателем// [Полевого] «Клятва при гробе господнем»: Русская быль XV-го века. М., 1832. Ч.1. С. XXXII-XXXIII.
5. Там же. С. LVII – LVIII.
6. Полевой Н. Избранные произведения и письма. Л., 1986. С. 141.

«ПУТЬ ЧЕСТИ БЛАГОРОДНЫЙ» ПОЭТА, ВОИНА ВЛАДИМИРА ФЕДОСЕЕВИЧА РАЕВСКОГО

«Я служил войну... выслужил чины и отличия военные трудом и ревностью», – так писал о себе Владимир Федосеевич Раевский, участник Отечественной войны 1812 года и освободительных походов русской армии, талантливый поэт и публицист, один из виднейших участников декабристского движения¹.

Владимир Раевский родился 28 марта 1795 г. в слободе Хворостянке Старооскольского уезда Курской губернии (ныне Губкинский район Белгородской области), в семье помещика. В возрасте восьми лет поступил в Московский университетский благородный пансион, в котором обучался с 1803 по 1811 гг. В это время Московский университет и пансион были центром общественной мысли. Идеальная атмосфера, в которой жило московское студенчество, характеризовалась критическим отношением к окружающей действительности, интересом к истории Греции и Рима, к отечественной литературе и истории. После окончания пансиона в 1811 г. Раевский зачислен в Дворянский полк при 2-м кадетском корпусе в Петербурге. В мае 1812 г. выпущен прапорщиком, а в июне, с начала Отечественной войны, сразу же оказался в гуще событий. Доблестно выполняя воинский долг, Раевский был участником 11 сражений. Вот как он сам писал об этом в «Собственноручной

биографической записке»: «1812 году мая 21 из дворянского полка выпущен был прапорщиком артиллерии в 23 арт. бригаду, в 23 батареиную роту. Я явился в 1-ю Армию в Виленской губернии, в м. Видзы. Во время кампании я получил за Бородинское сражение прапорщиком золотую шпагу за храбрость и за десять сражений, где действовала артиллерия, Анну 4 класса, чин подпоручика и поручика»².

Отечественная война 1812 года оставила неизгладимый след в душе Раевского. Увиденное и пережитое на полях сражений нашло отражение в его стихах. Как и большая часть произведений поэта, они сохранились в бумагах, захваченных жандармами при аресте в 1822 г. и были приобщены к следственному делу³. Видимо, к одним из самых ранних стихотворений следует отнести «Песнь воинов перед сражением». Дата написания указана 1812-1821 гг. Кроме того, существуют разные редакции текста и разные названия: «Песнь воинов перед сражением» и «Песнь воинов перед битвой». Это позволяет увидеть результат творческого поиска, многократных изменений в ходе «шлифовки» текста⁴.

В стихотворении «Песнь воинов перед сражением» поэт доносит до читателя удивительную атмосферу патриотического подъема, охватившего всех участников накануне сражения:

Завтра грозный час отмщенья,
Завтра, други, станем в строй,
Не страшно битвы приближенье,
Тому, кто дышит лишь войной!..
.....
Друзья! В пылу огней сраженья
Обет наш: «Пасть – иль победить!»

Звучит гордое презрение к врагу, непоколебимая вера в грядущую победу. Залог победы – вся история России, страницы ее военной славы, среди которых: «батыевы могилы», «сарматов плен, шведов рок»... Поэту удалось выразить единство духа русских солдат: для каждого дело чести – выполнение воинского долга, готовность принести жизнь на алтарь отечества. Он создает не просто образ человека из народа, но человека-воина, органично ощущающего себя частью великого целого:

... Судьба нам меч вручила,
Чтобы покой отцов хранить.
Мила за родину могила,
Без родины поносно жить.

Отечественной войне посвящены: «Послание Г.С. Батенькову» и «Послание», «Элегия на смерть юноши». Отныне сердце поэта будет жить «вечной памятью двенадцатого года»⁵. Неслучайно, в письме Раевского, адресованном Г.С. Батенькову в октябре 1860 г., добавлен постскрипtum: 6 октября 1860 г. В 1812 году в этот день мы разбили корпус Мюрата. Я весь день был в деле»⁶. Эти строки написаны почти через 50 лет после окончания войны, но время не властно над памятью:

Когда губительной рукою
Война носила смерть и страх
И разливала кровь рекою
На милых отческих полях, -
Тогда в душе моей свободной
Я узы в первый раз узнал
И, видя скорби глас народной,
От соучастья трепетал...

С сентября 1813 по ноябрь 1814 гг. Раевский находился в походах в герцогстве Варшавском. По возвращении из-за границы поступил в адъютанты к корпусному начальнику артиллерии. За болезнью вышел

в отставку и через год определился штабс-капитаном в 32-й Егерский полк. В начале 1821 г. произведен в майоры. К этому времени Раевский приобрел блестящую репутацию в армии. В формулярном списке сказано: «По службе и в хозяйстве хорош, способности ума имеет хорошие, пьянству и игре не предан, – знает немецкий и французский языки, математику и другие науки»⁷. Последнее место службы Раевского – Кишинев. Здесь он познакомился с А.С. Пушкиным. Из всех лиц, с кем приятельски общался Пушкин в Кишиневе, Раевский занимал особое место. О взаимоотношениях Пушкина и Раевского рассказано П.Е. Щеголевым в его известной работе «первом декабристе»⁸. Характеристика эта основана преимущественно на воспоминаниях о Пушкине И.П. Липранди и стихотворениях Раевского⁹.

Много испытаний и лишений в дальнейшем выпадет на долю Раевского: арест, заключение в Тираспольской крепости, ссылка в Сибирь... Умер В.Ф. Раевский 8(20) июля 1872 г. Похоронен в с. Олонки, в Сибири. И несомненно одно: боевое крещение, полученное в «огнях сражений» Отечественной войны 1812 года, дало ему, воину и поэту, силы мужественно и достойно пройти «путь чести благородный».

Примечания:

1. Бейсов П.С. Раевский В.Ф. Протест // Ученые записки Ульяновского государственного педагогического института. Ульяновск, 1949. С. 243.
2. Там же.
3. Раевский, как поэт, при жизни не был известен, т.к. успел опубликовать совсем незначительное число произведений в журналах: «Украинский вестник», «Украинский журнал», «Дух журналов».
4. Разные редакции текста и разные названия – особенность, характерная и для других произведений Раевского.
5. Пушкин А.С. Полководец. Полное собрание сочинений. М., 1962. Т. 2. С. 430.
6. Базанов В.Г. Вольнолюбивое общество любителей русской словесности. Петразаводск, 1949. С. 112.
7. Базанов В. Г. Владимир Федосеевич Раевский М., 1949. С. 28.
8. Щеголев П.Е. Первый декабрист Владимир Раевский. Из истории общественных движений в России в первой четверти XIX века // Библиотека «Общественной пользы». № 4. СПб.: Типография Товарищества «Общественная польза», 1905.
9. К Раевскому адресованы стихи А.С. Пушкина: «Не тем горжусь я, мой певец...», «Ты прав, мой друг...» (оба – 1822) и стихотворный набросок «Не даром ты ко мне воззвал из глубины глухой темницы...».

ГЕНЕРАЛ ИВАН МИХАЙЛОВИЧ УШАКОВ

Будущий генерал родился в 1779 г. в деревне Ушаково Большежировской волости Фатежского уезда. Его дед Иван на службе находился с 1733 г., исполнял ее добродушно и имел чин премьер-майора в отставке. Отец Михаил

Иванович служил капитаном и «за оказанную к службе ревность и прилежность» в 1764 г. был пожалован в провинциальные прокуроры в ранге сухопутного майора. В 1773 г. он уже губернский прокурор, а с 1776 г. – коллежский советник в ранге сухопутного полковника. За службу свою М.И. Ушаков был награжден орденами Святого Владимира 3-й степени (1784 г.) и Святой Анны 2-го класса¹.

16 сентября 1784 г. Иван Ушаков был записан сержантом лейб-гвардии Преображенского полка. 13 декабря 1796 г. он выпущен в армию подпоручиком Астраханского гренадерского полка. Получил хорошее образование: «Пороссийски и по-французски говорит, читать и писать умеет, географию, математику и историю знает». В 1806-1807 гг. И.М. Ушаков участвовал в кампании против французов в Восточной Пруссии. В битве при Прейсиш-Эйлау, где русские войска впервые нанесли тяжелый удар по армии Наполеона, был ранен и «в воздаяние отличной храбрости» награжден орденом Святого Владимира 4-й степени. За участие в боях под Гельсбергом награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость» и прусским орденом Pour le Mérite.

20 декабря 1807 г. И.М. Ушаков назначен адъютантом к генерал-фельдмаршалу А.А. Прозоровскому С 9 мая 1808 по 10 августа 1809 гг. – адъютант М.И. Кутузова, который пытался добиться перелома в ходе затянувшейся войны с Турцией. Иван Михайлович участвовал в организации переговоров с турками, ему поручалось инспектирование госпиталей. М.И. Кутузов отличал молодого адъютанта, упоминал о нем в письмах к жене. Через несколько месяцев после вступления в должность И.М. Ушаков получил чин подполковника.

10 мая 1810 г. подполковник Ушаков назначен командиром Черниговского мушкетёрского (с 1811 г. – пехотного) полка. С самого начала Отечественной войны 1812 года находился в сражениях с французами, отличился в арьергардных боях, был произведён в полковники и награждён орденом св. Владимира 3-й степени. 14 июля 1812 года превосходящие силы французов пытались с ходу овладеть Витебском. В разгар сражения около деревни Островно, когда французам удалось захватить нашу батарею, Иван Михайлович повел за собой полк в контратаку. В результате жестокого штыкового боя пушки были отбиты.

В разгар Бородинского сражения Черниговский полк располагался на левом фланге, но, когда французы вторично овладели «флешами», дивизия Коновницына была послана на помощь Багратиону. Как следует, из представления, Черниговский полк под командованием И.М. Ушакова захватил укрепленную высоту, ранее оставленную войсками Багратиона. Полковник Ушаков получил в этом бою тяжелые ранения ядром в ногу и пулевое в челюсть. Он был доставлен в госпиталь, где ему отняли ногу ниже колена. За Бородино И.М. Ушаков получил орден Святого Георгия 4-й степени, а весь полк был награжден Георгиевским знаменем².

6 марта 1814 г. И.М. Ушаков вышел в отставку в чине генерал-майора с мундиром. Вскоре после возвращения в родное село Ушаково был избран Курским губернским предводителем дворянства. В своей деятельности много времени уделял оказанию помощи солдатам, пострадавшим во время войны. Так, все средства (1235 рублей), собранные на проведенном у него благотворительном вечере в феврале 1816 г., поступили в пользу ветеранов сражений.

4 августа 1818 г. И.М. Ушаков вновь принят на службу и назначен на должность шталмейстера при дворе Великого Князя Николая Павловича. Впоследствии состоял окружным генералом 3-го (7-го, затем 5-го) округа отдельного корпуса Внутренней стражи.

В 1829 г. И.М. Ушаков, занимая должность начальника 7-го округа внутренней стражи, проживал в с. Ушаково Фатежского уезда. Он

был женат на дочери бывшего курского губернатора, действительного статского советника Д.А. Прозоровского Надежде. От брака с ней у генерала было восемь детей: Михаил, Дмитрий, Александр, Константин, Анна, Александра, Наталья, Софья. За супругами значилось крестьян 1443 души мужского пола в Курской, Орловской, Нижегородской и Новгородской губерниях³.

До 1844 г. И.М. Ушаков служил в Чернигове, затем в Тамбове. За это время был награжден орденами Святого Станислава и Святой Анны 1-й степени и Святого Владимира 2-й степени. В начале 1845 г. Иван Михайлович был назначен на должность коменданта города Херсона. В ноябре 1845 г. И.М. Ушаков скончался⁴.

Примечания:

1. РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 160. Л. 213.
2. РГВИА. Ф. 29. Оп. 153-г. Св. 1. Д. 1. Ч. 4. Л. 37.
3. РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 160. Л. 212.
4. Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812-1815 гг. // Российский архив. Т.VII. – М.: Студия «ТРИТЭ» Н.Михалкова, 1996. С. 591; Отечественная война 1812 года. Биографический словарь. М.: Росвоенцентр; Кучково поле; РОССПЭН, 2012. С. 294.

ЗА СТРОКОЙ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ: ДВОРЯНЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ – УЧАСТНИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

АБАЗА 2-й Афанасий Андреевич, майор, дворянин Суджанского уезда. Родился в 1794 г. В военную службу поступил из 1-го Кадетского корпуса подпоручиком Тамбовского пехотного полка. За отличие в сражении 2 декабря 1812 г. произведен в поручики. Имел ранение в правую руку.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 155. Л. 41-об.; Д. 177. Л. 144-об.)

АБАЗА 1-й Максим Андреевич, полковник. В военную службу поступил 28 ноября 1808 г. из кадетского корпуса подпоручиком Артиллерийской бригады. За отличие в сражении 22 октября 1812 г. произведен в поручики. Награжден орденом Св. Анны ¹ 4 ст. на шпагу «За храбрость». 2 июня 1829 г. уволен в отставку.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 177. Л. 143-144.)

АЛЮШИН Борис Трофимович, майор, из дворян Курской губернии. Родился в 1792 г. В военную службу поступил 12 января 1811 г. из 2-го Кадетского корпуса подпоручиком Старооскольского пехотного полка. Участник сражений против турецких войск и заграничных походов 1813-1814 гг. В 1818 г. переведен из Егерского полка капитаном в Курский внутренний гарнизонный батальон.

(ГАКО. Ф. 1555. Оп. 1. Д. 52. Л. 1-3.)

АЛЮШИН Михаил Трофимович, штабс-капитан, дворянин Рыльского уезда. В военную службу поступил в 1807 г. подпоручиком 2-й артиллерийской бригады. Участвовал в походах и сражениях, был тяжело ранен. Умер от ран.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 163. Л. 99.)

АММОСОВ 1-й Иван Тимофеевич, майор, дворянин с. Петропавловского Курского уезда. Родился в 1791 г. В военную службу поступил из 2-го Кадетского корпуса в 1811 г. прапорщиком Семилукского пехотного полка. С 1813 г. – подпоручик. Участвовал в походах и сражениях. Награжден орденом Св. Анны 4 ст. «За храбрость». Уволен от службы в 1822 г. с мундиром.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 167. Л. 301.)

АММОСОВ 2-й Василий Тимофеевич, дворянин с. Петропавловского Курского уезда. Подпоручик Фанагорийского гренадерского полка. Участвовал в походах и сражениях.

АРЕНДТ Павел Федорович, штаб-лекарь. Родился в 1789 г. Окончил Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию в 1807 г. Служил лекарем в Минском и Псковском мушкетерских полках, в 1810 г. переведен в Вологодский гарнизонный батальон, в январе 1812 г. – в Московский военный госпиталь, откуда командирован в Витебский временный военный госпиталь. Неоднократно поощрялся за «усердие и искусство в пользовании больных и раненых воинов». В 1815 г. по состоянию здоровья уволен от службы, по выздоровлению определен уездным врачом в Щигры.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 155. Л. 31-об.)

АРТАКОВ 1-й Иван Михайлович. Из дворян Курской губернии. Родился в 1786 г. В военную службу поступил в марте 1803 г. унтер-офицером. В 1811 г. – поручик Выборгского пехотного полка. Участник Бородинского сражения.

(РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 232. Л. 22)

¹ Орден Святой Анны был причислен к государственным орденам Российской империи императором Павлом I 5 апреля 1797 г. и разделён на три степени. Знак ордена низшей, 3-й степени, носился на наружной стороне эфеса шпаги (в память о временах, когда орден, врученный цесаревичем Павлом, приходилось скрывать от посторонних) и предназначался для награждения исключительно младших офицеров за боевые заслуги, для которых она была первой наградой. Ордена 1-й и 2-й степеней украшались бриллиантами. В Отечественную войну 1812 г. награждено 225 человек орденом Св. Анны 1-й степени (в том числе 54 – с бриллиантами). Из них за исключением одного полковника все генерал-лейтенанты и генерал-майоры, а также 3 гражданских лица соответствующего класса по Табелю о рангах. Когда 28 декабря 1815 г. по указу Александра I орден был разделен на 4 степени, знак ордена 4-й степени стал носиться на эфесе холодного оружия. Тем не менее, в архивных источниках имеются многочисленные упоминания о награждении офицеров орденом 4 степени за отличия и подвиги, совершенные гораздо раньше до ее введения, в том числе за Бородинское сражение. Это связано с тем, что награждения продолжали производиться и после окончания войны по ранее составленным спискам и реляциям. Но так как ранее положенная по Статуту ордена младшая 3 степень стала более высокой, то теперь вручали знак низшей, 4 степени, что, впрочем, нисколько не умаляло значение награды для его владельца и общества, как награда «полученная с боя».

АРТАКОВ 2-й Павел Михайлович. Из дворян Курской губернии. Родился в 1788 г. В военную службу поступил в марте 1803 г. унтер-офицером. В 1811 г. – поручик Выборгского пехотного полка. Участник Бородинского сражения.

(РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 232. Л. 23)

АСЕЕВ Феофан Иванович, подполковник. В военную службу поступил в 1798 г. унтер-офицером Полтавского пехотного полка. В 1806 г. переведен капитаном в Нарвский пехотный полк, произведен в майоры. С 1816 г. – майор Белозерского пехотного полка. Участвовал в сражениях, имел ранения. Награжден орденом Св. Анны 2 ст., удостоен Высочайшего благоволения. Уволен от службы в 1816 г. с мундиром.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 167. Л. 315-316.)

БАКЛАНОВ Петр Иванович, поручик. Родился в 1780 г. Служил в Курском пехотном полку. Участвовал в походах и сражениях. Награжден орденом Св. Анны 3 ст.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 160. Л. 102-104.)

БЕЗРУЧКО-ВЫСОЦКИЙ, штабс-капитан. Из дворян Курской губернии. Служил в Курляндском драгунском полку. Участник сражений против французских войск и заграничных походов. Находясь в составе «отдельного корпуса во Франции находящегося» в 1817 г. был предательски убит «двумя жителями селения Сольц», которые были оправданы судом присяжных в г. Реймсе и освобождены. Это громкое преступление, а точнее, оправдание убийц, стало предметом длительной дипломатической переписки между командиром Отдельного корпуса во Франции генерал-адъютантом графом М.С. Воронцовым, управляющим Министерством иностранных дел, тайным советником графом К. В. Нессельроде, главным начальником союзных войск во Франции маршалом А.У. Веллингтоном и правительством Франции. Резолюция Александра I по делу гласила: «Высочайше повелеваю препроводить к гр. Нессельроде, для заготовления по сему случаю депеши к французскому правительству». В своем рапорте Воронцов ходатайствовал «чтобы Королевские суды при производстве, где причастны наши воинские чины, менее имели пристрастие к своим единоземцам, и более желания к исследованию преступлений, и чтобы чиновники представлявшие суду следствие об убийстве штабс-капитана Безручко-Высоцкого не остались без замечания, и ежели откроется упущение по законам, то и без наказания, за несправедливое производство суда о столь важном преступлении. Всегда справедливое и при доказательствах скорое законное наказание, производимое в корпусе над теми чинами из онаго, кои в чем-нибудь провинились против здешних жителей, дает нам право требовать по крайней мере все усилия от французской Юстиции, чтобы вины их против нас были исследованы и представлены без пристрастия. И сей случай по несчастью не может не иметь худое влияние на наш корпус, доказывая, что безпристрастие против нас не всегда соблюдено».

(РГВИА. Ф. 395. Оп. 64-315. Д. 1907. Л. 1-4-об.)

БЕЗРУЧКО-ВЫСОЦКИЙ 2-й Василий Васильевич, корнет. Из дворян Курской губернии. Родился в 1784 г. Служил в Польском уланском полку. В ходе Бородинского сражения участвовал во фланговом рейде в тыл французской армии в составе соединения под командованием генерала Ф.П. Уварова, был ранен.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 143.)

БЕЗРУЧКО-ВЫСОЦКИЙ Тимофей Васильевич, поручик. Из дворян Курской губернии. Родился в 1786 г. Служил в Лейб-уланском полку. Участвовал в походах и сражениях.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 143.)

БЛЕДНОВ Петр Иванович, майор. В военную службу поступил в 1795 г. С января 1812 г. – капитан 41-го Егерского полка. В течение службы «был в походах и действиях против неприятеля».

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 177. Л. 150.)

БОБРОВСКИЙ Александр Прокофьевич, поручик. В военную службу поступил в 1810 г. унтер-офицером Дворянского полка при 2-м Кадетском корпусе. С ноября 1812 г. – прапорщик, состоял при резервном батальоне лейб-гвардии Семеновского полка. В июне 1813 г. определен в лейб-гвардии Павловский полк. В 1816 г. – подпоручик, с переводом в Калужский пехотный полк. Участвовал в походах и сражениях. Уволен от службы в 1817 г.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 167. Л. 332-333.)

БОГДАНОВИЧ Федор Иванович, поручик. В военную службу поступил в 1808 г. юнкером Псковского драгунского полка. С мая 1811 г. – прапорщик. За отличие в Бородинском сражении награжден орденом Св. Анны 4 ст. «За храбрость». Уволен от службы по ранению в мае 1813 г. За усердие по устройству Харьковского кадетского корпуса награжден орденом Св. Анны 3 ст. (1825 г.).

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 167. Л. 175-176.)

БОГОМОЛЬЦЕВ Ефим Осипович, капитан, дворянин Новооскольского уезда. Родился в 1793 г. В военную службу поступил в 1811 г. из 2-го Кадетского корпуса прапорщиком Борисоглебского драгунского полка. Служил в Каргопольском драгунском, 5-м гренадерском полках. Участвовал в походах. В 1821 г. уволен от службы по болезни.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 155. Л. 15-об.)

БОЛЫЧЕВ Иван Дмитриевич, подполковник, дворянин Старооскольского уезда. Родился в 1772 г. В военную службу поступил в 1797 г. рядовым Московского пехотного полка. С 1811 г. – подпоручик, в 1814 г. – поручик того же полка. Участвовал в походах.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 155. Л. 34-об.)

БОЛЫЧЕВЦОВ (БОЛЫЧЕВЦЕВ) Иван Алексеевич, прапорщик в отставке, коллежский регистратор (позднее губернский секретарь), депутат от дворянства, Суджанский помещик. Родился 5 апреля 1790 г. в с. Спасском Курской губ. Проживал «Щигровской округи в селе Вышнем Теребуже». «1814 года в апреле месяце по выбору Курского уезда дворян командирован он для провода военнопленных разных наций 55 человек до города Воронежа, что исполнил в надлежащей исправности, в чем имеет от бывшего Гражданскаго Губернатора Нелидова аттестат». Умер 26 октября 1850 г.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 17. Д. 5023. Л. 35, 37, 38, 38-об., 39, 40, 68, 68-об.)

БОЯРЧЕНКОВ Андрей Федорович, штабс-ротмистр, дворянин Старооскольского уезда. Родился в 1767 г. В военную службу поступил в 1790 г. рядовым Псковского драгунского полка. С декабря 1812 г. – унтер-офицер. Участник сражений, награжден серебряной медалью «В память Отечественной войны 1812 года».

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 155. Л. 14-об.)

БУДАЕВСКИЙ Петр Михайлович, штабс-ротмистр. В службу поступил в 1812 г. в чине губернского секретаря Санкт-Петербургского ополчения. С переименованием в подпоручики прикомандирован в Житомирский уланский полк. Участвовал в походах и сражениях. Награжден орденом Св. Анны 4 ст. «За храбрость». Уволен от службы в 1818 г. с мундиром и полным пансионом.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 167. Л. 59.)

БУНИН Василий Васильевич, капитан, дворянин Тимского и Щигровского уездов. С 1805 г. – прапорщик лейб-гвардии Измайловского полка, с 1815 г. – подпоручик Пензенского пехотного полка. За отличие в сражениях награжден орденом Св. Анны 4 ст. «За храбрость». Уволен от службы в 1819 г.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 167. Л. 348.)

БУНИН Герасим Потапович, корнет. Находился на службе в 2-м Волонтерском казачьем барона Бада полку волонтером с 1 августа 1812 г., унтер-офицером с февраля 1813 г. За отличие в сражении произведен в корнеты 20 января 1814. Участвовал в походах и действиях против французских войск.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 167. Л. 334.)

БУРНАШЕВ Федор Алексеевич, штабс-ротмистр, дворянин Фатежского уезда. В 1812 г. – прапорщик Свиты Его Императорского Величества по квартирмейстерской части. В Бородинском сражении исполнял обязанности адъютанта, посылался в самые опасные места, был ранен в руку. Награжден Знаком отличия Военного ордена, орденом Св. Анны 4 ст. «За храбрость».

(РГВИА. Ф. 103. Оп. 208-а. Д. 2. Ч. 2. Л. 308-308-об.; Ф. 14414. Оп. 2. Д. 64. Л. 205-206)

ВАСИЛЬЕВ Иван Васильевич, прапорщик. В военную службу поступил в 1797 г. рядовым Московского гарнизонного полка, с 1803 г. – унтер-офицер. В 1805 г. переведен в Лифляндский драгунский полк. Участвовал в походах и сражениях.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 167. Л. 66.)

ВЕЛЬЯМИНОВ Алексей Александрович, генерал-лейтенант, дворянин Фатежского уезда. Родился в 1788 г. В военную службу поступил в 1802 г. Отличился в Бородинском сражении. Командуя ротой, получил контузию в ногу. Награжден орденами Св. Георгия 3 ст., Св. Владимира 2 и 4 ст., Св. Анны 1 ст.

(РГВИА. Ф. 29. Оп. 153-г. Д. 13. Л. 270-об.-271; Ф. 103. Оп. 208-а. Д. 46. Л. 91-об.; Ф. 474. Оп. 1. Д. 99. Л. 16.)

ВЕЛЬЯМИНОВ Иван Александрович, генерал-лейтенант. В 1812 г. – командир 33-й пехотной дивизии 1-й резервной армии. Участник Бородинского сражения. Награжден орденом Св. Владимира 4 ст.

(РГВИА. Ф. 103. Оп. 208-а. Д. 46. Л. 109-об.; Ф. 846. Оп. 16. Д. 3479. Л. 60-61-об.)

ВЫХОДЦЕВ (ВЫХОДЦОВ) 1-й Иван Ларионович. В 1812 г. – прапорщик Лейб-Гренадерского полка. Участвовал в походах и сражениях.

ВЫХОДЦЕВ (ВЫХОДЦОВ) 2-й Александр Ларионович, поручик, дворянин Львовского (с. Шустово) и Рыльского (х. Лавочный) уездов. В 1812 г. – прапорщик Лейб-Гренадерского полка. Участвовал в походах и сражениях. Награжден орденами Св. Владимира 4 ст. с бантом, Св. Анны 4 ст., Золотой шпагой «За храбрость».

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 160. Л. 15-16.)

ГАСВИЦКИЙ Алексей Петрович, подполковник. Родился в 1789 г. В военную службу поступил в 1805 г. из 1-го Кадетского корпуса подпоручиком 11-го артиллерийского полка. Служил в запасной бригаде, понтонной роте. Участвовал в походах и сражениях. Уволен от службы в 1820 г. с мундиром.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 163. Л. 165-166.)

ГЛЕБОВ Михаил Никифорович, подполковник. Из солдатских детей. В военную службу поступил в 1776 г. солдатом в Навагинский пехотный полк. С 1791 г. – подпоручик Санкт-Петербургского драгунского полка, с 1797 г. – поручик Ревельского гарнизонного полка (в 1811 г. переформирован в Эстляндский пехотный полк), майор (1812 г.). В 1816 г. переведен по болезни в Курский внутренний гарнизонный батальон. Участвовал в походах и сражениях. В 1820 г. уволен с мундиром и пансионом.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 167. Л. 187.)

ГОЛОЛОБОВ Данила Гаврилович, подпоручик. В военную службу поступил в 1801 г. унтер-офицером Воронежского гарнизонного батальона. В 1805 г. переведен в Московский пехотный полк. С 1812 г. – прапорщик Софийского пехотного полка. В походах и делах против неприятеля находился.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 177. Л. 58.)

ГОСТОМИЛОВ Александр Васильевич, генерал-майор, помещик Обоянского уезда деревни Береговой. Происходил из воспитанников генерал-фельдмаршала князя Ф. В. фон дер Остен-Сакена Каменец-Подольской губернии. В военную службу поступил юнкером 2 июня 1812 г. За отличие в сражении произведен 17 ноября 1812 г. в прапорщики. В 1838 г. назначен командиром крепости на Кавказе, затем военным начальником Плецкой губернии. Награжден орденами Св. Владимира 3 и 4 ст. с бантом, Св. Анны 4 ст., Св. Станислава 1 ст., Золотой шпагой «За храбрость».

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 177. Л. 170.)

ГРЕДЕЛЬ Федор Пантелеевич, майор, дворянин Белгородского уезда. Родился в 1785 г. В военную службу поступил в 1800 г. Штабс-капитан Костромского пехотного полка с 1811 г. Награжден орденами Св. Владимира 4 ст., Св. Анны 2 и 4 ст. Уволен от службы в 1823 г.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 155. Л. 35-об.)

ГРИНЕВ Александр Егорович, майор. С 1801 г. на службе в Воронежском гарнизонном батальоне, переведен в Тамбовский пехотный полк, с 1810 г. – поручик. В 1818 г. уволен от службы с мундиром. С 1824 г. – судья Астраханского уездного суда. Участвовал в сражениях против французских войск. Награжден орденом Св. Владимира 4 ст. с бантом. Был ранен пулей в ногу.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 177. Л. 174-175.)

ГРИНЕВИЧ Николай Яковлевич, поручик, из дворян Курской губернии. Родился в 1789 г. В военную службу поступил в 1806 г. подпрапорщиком. С 1810 г. – прапорщик Олонецкого пехотного полка. 31 августа 1812 года переведен по болезни в Таврический гарнизонный батальон. В 1817 г. уволен по болезни. Был в походах в Пруссии, участвовал в действиях против Франции.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 177. Л. 62; РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 649. Л. 38.)

ГУТОРОВ Феокист Васильевич, штабс-капитан. В военную службу поступил в 1809 г. в 3-й морской полк. В 1812 г. – прапорщик. В 1819 г. переведен в Курский гарнизонный батальон. Участвовал в походах против неприятеля.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 160. Л. 29.)

ДЕМЕНКОВ Пармен Семенович, дворянин, помещик Рыльского уезда. Родился 5 февраля 1791 г. В 1812 г. – поручик лейб-гвардии Преображенского полка. Участник Бородинского сражения, Заграничных походов и взятия Парижа.

В гражданской службе – тайный советник. Умер 3 марта 1881 г. Похоронен в принадлежавшем ему имении у Покровского храма в с. Боброво Рыльского уезда Курской губ. Могила с надгробием сохранилась до настоящего времени.

ДЕНИСОВ Аким Иванович, майор, дворянин Щигровского уезда. В военную службу поступил в 1792 г. в Псковский драгунский (затем кирасирский) полк. В 1821 г. назначен командиром 7-й Фурштатской бригады. Участвовал в походах и сражениях. В 1814 г. во время разлива реки Буг спас от гибели 24 человека. Награжден орденом Св. Владимира 4 ст.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 163. Л. 178.)

ДЕРЮГИН Евсей Федотович, подпоручик, дворянин с. Мокроусово Рыльского уезда. Родился в 1791 г. В военную службу поступил из 2-го Кадетского корпуса прапорщиком Крымского пехотного полка. Участвовал в походах и сражениях.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 163. Л. 169-об.-170.)

ДОРОГОВУЖИНОВ Ипполит Александрович, поручик. В военную службу поступил в 1810 г. прапорщиком, с июня 1812 г. – поручиком Арзамасского конно-егерского полка. Участвовал в походах и сражениях. Награжден орденом Св. Анны 4 ст.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 163. Л. 71-об.)

ЖЕМЧУЖНЫЙ Дмитрий Иванович, штабс-капитан. В военную службу поступил в 1807 г. рядовым. С октября 1812 г. – прапорщик Литовского пехотного полка. В 1819 г. переведен в инвалидную роту при 3-м резервном Кавказском корпусе. Участвовал в походах и сражениях. Награжден Знаком отличия Военного ордена. Служил до 1828 г. Умер не позднее 1836 г.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 167. Л. 85.)

ИВАНОВ Никита Фадеевич, ротмистр. Родился в 1781 г. В военную службу поступил в 1799 г. из солдатских детей Московской губернии рядовым. С 1800 г. служил в Тверском драгунском полку. Участвовал в походах и сражениях с 1805 по 1815 гг.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 155. Л. 17-об.)

ИЛЬИНСКИЙ Никита Сергеевич, майор. Родился в 1790 г. В военную службу поступил из 2-го Кадетского корпуса в 1809 г. прапорщиком Арзамасского драгунского (впоследствии конно-егерского) полка, где в июне 1812 г. был произведен в поручики. В 1816 г. переведен в Черниговский конно-егерский полк. Участвовал в походах и сражениях. Награжден орденами Св. Владимира 4 ст., Св. Анны 4 ст., серебряной медалью «В память Отечественной войны 1812 года». Уволен от службы в 1829 г. с мундиром.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 167. Л. 199-200.)

КАЗАЧЬКОВ (КАЗАЧКОВ) Иван Николаевич, надворный советник. Служил в Юхновском уездном суде канцеляристом с февраля 1801 г. С 1809 – губернский секретарь. В 1812 г. «во время нашествия на Юхновский уезд неприятельских войск, был неоднократно отряжен с разными поручениями в отряды войск под командованием полковника Давыдова». Занимался разведкой в Юхновском, Вяземском и Гжатском уездах Смоленской губернии. Входил в комиссию для определения пострадавших от разорения и назначения им пособия. С 1835 г. – советник Курского губернского правления, в 1840 г. избран председателем Курской гражданской палаты. Награжден орденами Св. Владимира 4 ст., Св. Анны 3 ст., Св. Станислава 3 ст., знаком отличия за XXV лет беспорочной службы.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 177. Л. 208.)

КАЛИН Савостьян Андреевич, штабс-капитан. С 1807 г. – кадет 2-го Кадетского корпуса. С 1809 г. – прапорщик 26-го Егерского полка. 1 сентября 1814 г. переведен поручиком в 22-й Егерский полк. В 1820 г. уволен с мундиром и пансионом. Назначен городничим в Белгород.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 177. Л. 200.)

КЛАДИЩЕВ Петр Алексеевич, генерал-майор. В военную службу поступил в 1802 г. в Муромский пехотный полк. С января 1812 г. – капитан. Отличился в сражениях при Кобрине, под Лейпцигом. С 1814 г. – подполковник. С 1815 г. – полковой командир Украинского пехотного полка. С 1823 г. – командир 1-й бригады 18-й пехотной дивизии. Служил до 1836 г. Имел ранения в правую руку и правую ногу ружейными пулями. Награжден орденами Св. Георгия 4 класса, Св. Владимира 4 ст., Св. Анны 2 и 4 ст., Золотой шпагой «За храбрость», прусским орденом «За заслуги» («Пур ле Мерит»).

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 177. Л. 204; РГВИА. Ф. 103. Оп. 208-а. Д. 46. Л. 288.)

КОПТЕВ Никифор Харлампиевич, полковник. В военную службу поступил в 1799 г. унтер-офицером Ревельского пехотного полка. В 1810 г. поступил на формирование Могилевского пехотного полка. Капитан, 18.10.1812 произведен в майоры. В 1816 г. назначен командиром Черниговского внутреннего гарнизонного батальона. В 1819 г. переведен в Воронежский батальон, в 1830 г. – в Корпус жандармов. Участвовал в походах и сражениях. Награжден орденами Св. Анны 2 ст., Св. Владимира 4 ст. с бантом, Золотой шпагой «За храбрость», серебряными медалями «В память Отечественной войны 1812 года» и «За взятие Парижа 19 марта 1814 года».

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 163. Л. 213.)

КОТЕЛЬНИКОВ 1-й Иван Тарасович, подпоручик, из дворян Курской губернии. Родился в 1791 г. В военную службу поступил в апреле 1808 г. Подпоручик Бутырского пехотного полка с февраля 1812 г. Участник Бородинского сражения.

(РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 138. Л. 25.)

КУРНОСОВ Николай Андреевич, генерал-майор, из дворян Путивльского уезда. Службу начал курьером в лейб-гвардии Преображенском полку. В 1812 г. – подполковник Волынского пехотного полка, позже командир этого полка. Участвовал в походах и сражениях. Во время Бородинского сражения,

«командуя батальонами, подавал пример личной храбрости и тем содействовал успешному отражению неприятельской атаки». Был неоднократно ранен. Награжден орденами Св. Владимира 3 и 4 ст., Св. Анны 2 ст., Золотой шпагой «За храбрость».

(РГВИА. Ф. 29. Оп. 153-з. Д. 13. Л. 330-об.-331, 383-об.-384)

КУРСКИЙ Петр Тарасович, прапорщик. Из солдатских детей. В военную службу поступил в 1794 г. барабанщиком в Невский пехотный полк. В ноябре 1812 г. переведен в резервный батальон Кексгольмского полка. В мае 1813 г. переведен в лейб-гвардии Павловский полк. С 1819 г. переведен в Курский гарнизонный батальон. Участвовал в походах и сражениях. Умер в 1824 г.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 167. Л. 87.)

КУСАКОВ Петр Александрович, штабс-капитан. Родился в 1797 г. В военную службу поступил в 1812 г. подпрапорщиком Олонецкого пехотного полка. В 1813 г. – юнкер. Награжден серебряной медалью «В память Отечественной войны 1812 года». Уволен от службы в 1823 г.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 167. Л. 445.)

ЛЕВКОВИЧ Иван Александрович, поручик. В военную службу поступил в 1807 г. рядовым в Лубенский гусарский полк, с 1809 г. – юнкер. С июля 1812 г. – корнет Дворянского кавалерийского эскадрона. Уволен от военной службы в 1818 г. Служил чиновником по питейным сборам до 1831 г.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 167. Л. 107.)

ЛИНДИН Андрей Кириллович, подполковник. Из унтер-офицерских детей. На службе с 1798 г. копиистом. С 1808 г. – прапорщик Камчатского пехотного полка, с 1816 г. – штабс-капитан Дерптского конно-егерского полка. В 1828 г. переведен в Кинбургский, затем Каргопольский драгунские полки. С 1830 г. служил в Северском конно-егерском полку. За отличия в сражениях награжден орденами Св. Георгия 4 кл., Св. Владимира 4 ст., Св. Анны 4 ст., золотым крестом на Георгиевской ленте, получил два Высочайших благоволения.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 167. Л. 216-217.)

ЛУНИН Осип Иванович, подполковник. В военную службу поступил в 1792 г. подпрапорщиком Дмитриевского гарнизонного полка. С 1802 г. служил в Кизлярском гарнизонном, с 1803 г. – в 5-м Егерском полку. В 1810 г. – штабс-капитан, позднее капитан. В 1818 г. переведен в Курский внутренний гарнизонный батальон. Награжден орденом Св. Анны 4 ст. Уволен от службы в 1821 г.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 167. Л. 453.)

МАКШЕЕВ Дмитрий Алексеевич, штабс-ротмистр. Родился в 1791 г. С апреля 1812 г. – корнет Дворянского кавалерийского эскадрона. В походах участвовал.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 155. Л. 20-об.)

МАЛЕЕВ Николай Александрович, поручик, дворянин Льговского уезда. Родился в 1797 г. В военную службу поступил в марте 1812 г. подпрапорщиком Олонецкого пехотного полка. За отличие в сражениях произведен в прапорщики (1 ноября 1813 г.), позднее в поручики. Уволен от службы в 1817 г.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 167. Л. 477-479.)

МАРКОВ Михаил Васильевич, штабс-капитан. Родился в 1794 г. В военную службу поступил в 1808 г. подпрапорщиком Московского гренадерского полка. В 1812 г. – подпоручик. За отличие в сражении произведен в поручики (7 мая 1813 г.). Награжден орденом Св. Анны 4 ст. Уволен от службы в 1817 г.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 167. Л. 467.)

МЕЗЕНЦОВ Александр Андреевич, штабс-капитан. В военную службу поступил в 1813 г. юнкером 11-го Егерского полка. С августа 1813 г. – прапорщик, переведен в 36-й Егерский полк. Был в походах и при «разбитии целого корпуса при городе Ливенбере, и за оказанное в сем деле отличие произведен в прапорщики».

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 177. Л. 86.)

МЕТАЛЛИНСКИЙ Александр Иванович, штабс-капитан. Родился в 1793 г. На службу поступил в 1813 г. в Гренадерский наследного принца Прусского полк. Участник сражений. Уволен от службы в 1823 г.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 155. Л. 21-об.)

МИХАЙЛОВ Павел Федорович, прапорщик, дворянин Новооскольского уезда. Родился в 1795 г. На службу поступил из обер-офицерских детей Пензенского ополчения унтер-офицером 2-го пехотного полка. С 15 января 1813 г. участвовал в Заграничных походах и сражениях.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 155. Л. 21.)

НАБОКОВ Прохор Иванович, полковник, дворянин Львовского уезда. Родился в 1782 г. В военную службу поступил в 1796 г. в Козловский пехотный полк, в 1800 г. произведен в унтер-офицеры. За отличие по службе произведен в прапорщики (январь 1813 г.), за отличие в сражении – в подпоручики (октябрь 1813 г.). В 1819 г. переведен майором в Воронежский пехотный полк. В походах и сражениях находился с 1810 по 1831 г. Награжден серебряной медалью «В память Отечественной войны 1812 года» и другими знаками отличия. В 1833 г. уволен от службы по болезни.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 167. Л. 223-225.)

НЕЧАЕВ Егор Артамонович, штабс-ротмистр, дворянин с. Шумаково Тимского уезда. В военную службу поступил в 1795 г. рядовым Мушкетерского полка. С 1814 г. – ротмистр Малороссийского кирасирского полка. Участвовал во многих походах и сражениях. Награжден Знаком отличия Военного ордена и прусским железным крестом («Кульмским крестом»). В 1819 г. уволен от службы по болезни.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 155. Л. 22.)

ОБОЛЬЯНИНОВ Николай Александрович, поручик, дворянин с. Никольское Тимского уезда. Родился в 1789 г. В военную службу поступил из военно-сиротского дома в 1811 г. прапорщиком Низовского пехотного полка. С апреля 1812 г. – подпоручик. Награжден орденом Св. Анны 4 ст. Уволен от службы «за ранами» в 1816 г.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 167. Л. 492-494.)

ПЕСОЦКИЙ Яков Михайлович, прапорщик. В военную службу поступил в 1804 г. рядовым Вятского полка, с 1808 – унтер-офицер. В 1809 г. переведен в 44-й Егерский полк, в 1815 г. – в 6-й Карабинерский. С 1820 г. – прапорщик 3-го Фурштатского батальона 6-й бригады. С 1805 г. Участник сражений против французских войск и Заграничных походов. Награжден серебряной медалью «В память Отечественной войны 1812 года».

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 167. Л. 132.)

ПУШКАРЕВ Павел Петрович, капитан. В военную службу поступил в 1810 г. волонтером Дворянского полка. С мая 1812 г. – прапорщик Пермского пехотного полка. В июне 1812 г. откомандирован в Московское рекрутское депо, оттуда – в 10-й пехотный полк. Когда полк был разбит противником, продолжил службу в резервном батальоне Гренадерского графа Аракчеева полка. В марте 1819 г. вернулся в Пермский пехотный полк. С 1820 г. служил в Курском гарнизонном батальоне. В мае 1821 г. назначен командиром Корочанской инвалидной команды. Участвовал в походах и сражениях против французских войск. Награжден орденом Св. Анны 4 ст., серебряной медалью «В память Отечественной войны 1812 года». Уволен по болезни в 1828 г. с мундиром.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 167. Л. 126.)

РЕШЕТИНСКИЙ Александр Онуфриевич, майор, дворянин Тимского уезда. В военную службу поступил в 1805 г. юнкером Орденского кирасирского полка. Участвовал в походах и сражениях, в Бородинском «при атаке на неприятельскую кавалерию, командуя взводом, отличил себя храбростью». Награжден Золотой шпагой «За храбрость».

(РГВИА. Ф. 29. Оп. 153-г. Д. 13. Л. 287-об.-288)

РОЖАНСКИЙ Иван Филонович, майор, дворянин Старооскольского уезда. В военную службу поступил в 1804 г. юнкером Новороссийского драгунского полка. В 1808 г. переведен в Новгородский кирасирский полк. С 1812 - поручик. Отличился в сражении под Лейпцигом. Служил до 1819 г. Награжден орденами Св. Владимира 4 ст. с бантом, Св. Анны 4 ст., Золотой шпагой «За храбрость»,
(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 177. Л. 18.)

САВИН Иван Семенович, майор, дворянин с. Плоское Курского уезда. В военную службу поступил в феврале 1812 г. юнкером лейб-гвардии Драгунского полка. За отличие в сентябре 1812 г. произведен в прапорщики. С 1816 г. – поручик. Награжден орд. Св. Анны 4 ст. Уволен от службы в 1819 г.
(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 167. Л. 548.)

САМОХА (САМОХИН) Василий Захарович, поручик. С 1804 г. – рядовой Сумского гусарского полка. В 1812 г. – вахмистр, в 1813 г. переведен в Сибирский уланский полк. В походах и сражениях участвовал. Награжден орденом Св. Анны 3 ст. В 1816 г. уволен от службы «за ранами» с мундиром и полным пансионом.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 163. Л. 57-58; Д. 167. Л. 145; Д. 177. Л. 244.)

СЛАТИН Дмитрий Стефанович, поручик, дворянин Щигровского уезда. В военную службу поступил в 1800 г. подпрапорщиком Воронежского гарнизонного батальона. В 1802 г. переведен в Московский мушкетерский полк. Участвовал в походах и сражениях. Уволен от службы по ранению.
(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 163. Л. 60.)

СТАРОДУБЦЕВ Никита Иванович, полковник. В военную службу поступил в 1798 г. – рядовым. С апреля 1812 г. – ротмистр. Награжден орденом Св. Анны 3 ст., Золотой шпагой «За храбрость». В 1815 г. уволен от службы.
(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 177. Л. 246.)

СТЕПАНОВ Дмитрий Иванович, подпоручик. В военную службу поступил в 1810 г. в Рыльский пехотный полк. В 1811 г. переведен в 1-й Карабинерский полк. С 1816 г. служил в Курском гарнизонном батальоне, в том же году уволен с мундиром и пансионом. В 1822 по 1824 гг. – на службе в Суздальском пехотном полку. Участвовал в походах и сражениях, где получил пулевые ранения в руку и щеку.
(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 163. Л. 64-об.)

СТЕПАНОВ Прокофий Григорьевич, штабс-капитан. В военную службу поступил в августе 1813 г. в Курляндский драгунский полк. В походах находился.
(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 177. Л. 100.)

СТОКОСИМОВ Николай Ильич, поручик, дворянин Корочанского уезда. На службе в 26-й артиллерийской бригаде с 1812 г. За отличие в сражении под Лейпцигом произведен в подпоручики. Награжден орденом Св. Анны 4 ст.
(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 155. Л. 27-об.)

СТОКОСИМОВ Роман Ильич, подпоручик, дворянин Корочанского уезда. Родился в 1795 г. На службе с мая 1812 г. в 18-й артиллерийской бригаде. Участник походов.
(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 155. Л. 25-об.)

СТРЕМОУХОВ Александр Сергеевич, генерал-майор, дворянин Дмитриевского уезда. Родился в 1784 г. В военную службу поступил в 1801 г. подпрапорщиком лейб-гвардии Преображенского полка. С 1810 г. – поручик, полковой адъютант, участник Бородинского сражения, за отличие в котором награжден орденом Св. Анны 2 ст. С 1813 – штабс-капитан. В 1816 г. – полковник. С 1824 г. – командир 3-й бригады 15-й дивизии. Участвовал в походах и сражениях против французских войск. Награжден орденами Св. Владимира 3 и 4 ст., Св. Анны 2 и 4 ст., Золотой шпагой «За храбрость», серебряной медалью «В память Отечественной войны 1812 года», прусскими - орденом «За заслуги» («Пур ле Мерит») и знаком отличия Железного креста («Кульмским крестом»).

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 163. Л. 290-об.-292-об.)

СТРЕМОУХОВ Николай Алексеевич, капитан, дворянин Льговского и Суджанского уездов. Родился в 1789 г. В военную службу поступил в 1807 г. прапорщиком Смоленского драгунского полка. Участвовал в походах и сражениях. Награжден орденом Св. Анны 4 ст. Уволен от службы по болезни в 1819 г. с мундиром.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 163. Л. 286.)

СТУДЗИНСКИЙ Викентий Семенович, штабс-ротмистр. В военную службу поступил в феврале 1814 г., переведен из Дворянского полка в 22-ю конную роту 4-й артиллерийской бригады – прапорщиком. С 1818 г. – корнет Кирасирского Военного ордена полка. В походах и «делах против неприятеля» был. Уволен от службы в 1821 г.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 167. Л. 151; Д. 177. Л. 112.)

СТУПИН Степан Александрович, подпоручик. В военную службу поступил в 1807 г. в Финляндский драгунский полк. С 16 октября 1811 г. – прапорщик. В походах и сражениях был.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 177. Л. 110.)

ТЕРЛЕЦКИЙ Антон Тимофеевич, полковник. В военную службу поступил в декабре 1812 г. из кадет Императорского военно-сиротского дома подпоручиком Ширванского пехотного полка. «В продолжение службы был в походах и сражениях, и за отличие в оных» награжден орденами Св. Владимира 4 ст. с бантом, Св. Анны 2 ст., Золотой шпагой «За храбрость». Уволен от службы в 1827 г. с мундиром и полным пансионом.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 167. Л. 53-55; РГВИА. Ф. 14414. Оп. 2. Д. 65. Л. 87-88.)

ТОЛМАЧЕВ Афанасий Емельянович, генерал-майор. Родился в 1793 г. С 1810 г. – подпоручик лейб-гвардии Егерского полка. В 1823 г. – командир 4-го Карабинерского полка. С 1829 г. – командир 3-й бригады 13-й пехотной дивизии. Награжден орденами Св. Владимира 3 и 4 ст., Св. Анны 2 и 4 ст., Золотой шпагой «За храбрость», прусским знаком отличия Железного креста («Кульмским крестом»).

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 163. Л. 305-307.)

ТОЛМАЧЕВ Павел Герасимович, подполковник. Родился в 1786 г. Капитан 1-го Егерского полка. За отличия в сражениях награжден орденами Св. Владимира 4 ст. с бантом (19 декабря 1812 г.) и Св. Анны 2 ст. (15 сентября 1813 г.).

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 163. Л. 311-об.)

ТОЛМАЧЕВ 3-й Яков Григорьевич, подпоручик. В военную службу поступил в 1806 г. подпрапорщиком Нарвского пехотного полка, с марта 1812 г. – прапорщик. Переведен прапорщиком в Малороссийский гренадерский полк, с 1816 г. – подпоручик. Участвовал в походах и сражениях. Уволен от службы по ранению в 1817 г.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 167. Л. 154.)

ТРУНОВ Спиридон Савич, майор. В военную службу поступил в 1802 г. унтер-офицером Нотебургского пехотного полка. С 1810 г. – поручик. Участвовал в походах и сражениях. В 1821 г. уволен от службы с мундиром и инвалидным содержанием. Умер не позднее 1832 г.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 163. Л. 326-об.)

ХЛОПОВ Петр Дмитриевич, подпоручик, губернский секретарь. В военную службу поступил в декабре 1812 г. прапорщиком Егерского полка. Участник Заграничных походов. В 1817 г. уволен с военной службы. Служил в Курской губ. надзирателем по питейным сборам.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 163. Л. 334-об.)

ЧЕРНЫШЕВ Павел Николаевич, капитан, дворянин Тимского уезда. Родился в 1796 г. В военную службу поступил в 1811 г. юнкером лейб-гвардии Егерского полка. 18 декабря 1812 г. произведен в прапорщики.

За отличие в Заграничных походах награжден орденом Св. Анны 4 ст. В 1822 г. «уволен от службы за ранами» с мундиром.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 163. Л. 341-об.)

ШЕХОВСКОЙ Иван Петрович, поручик, князь. Родился в 1784 г. В военную службу поступил юнкером в марте 1811 г. Служил в 25-м Егерском полку. Участвовал в походах и сражениях. Награжден орденами Св. Владимира 4 ст., Св. Анны 2 ст. Уволен от службы по ранению с мундиром и полным пансионом.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 155. Л. 45-об.)

ЩЕКИН Иона Андреевич, штабс-капитан, дворянин Щигровского и Рыльского уездов. В 1812 г. – подпоручик, батальонный адъютант, позднее поручик лейб-гвардии Гренадерского полка. В сражении за Смоленск «храбростью своей подавал пример подчиненным». Участник Бородинского сражения, где «...при самой сильной канонаде послан был неоднократно с разными приказаниями к стрелкам и исполнил оные с поспешностью и мужеством, презирая все опасности». Награжден орденами Св. Владимира 4 ст., Св. Анны 3 и 4 ст.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 163. Л. 357; РГВИА. Ф. 29. Оп. 153-г. Д. 13. Л. 337-об.-338.)

ЩОГОЛЕВ Николай Аристархович, майор. В военную службу поступил в 1800 г. унтер-офицером Херсонского гарнизонного полка. В 1802 г. переведен в Алексопольский пехотный полк. С января 1812 г. – штабс-капитан, позднее капитан. Участвовал в сражениях. Награжден орденом Св. Владимира 4 ст. Уволен от службы «за ранами» в 1815 г. с мундиром.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 167. Л. 586.)

ЮДИН Василий Васильевич, подполковник. Родился в 1785 г. Выпускник Гродненского кадетского корпуса. С 1810 г. капитан 12-го Егерского полка. В 1812 г. – майор. Отличился при взятии Борисова: «Зашел к неприятелю в тыл, чем способствовал взятию пленных, оказывая повсюду решительную неустрашимость». Награжден орденами Св. Владимира 4 ст. с бантом, Св. Анны 2 ст.

(РГИА. Ф. 1343. Оп. 51. Д. 160. Л. 247; РГВИА. Ф. 29. Оп. 153-г. Д. 1. Св. 16. Л. 45-об.; Д. 30. Св. 23. Л. 440.)

ЮДИН 2-й Михаил Григорьевич, штабс-капитан, из дворян Курской губернии. Родился в 1787 г. На службу поступил в 1801 г. унтер-офицером. Позднее – поручик Колыванского пехотного полка. Участник Бородинского сражения. Награжден орденами Св. Владимира 4 ст., Св. Анны 4 ст.

(РГВИА. Ф. 489. Оп. 1. Д. 309. Л. 298; Д. 389. Л. 15.)

НАВСТРЕЧУ СЛАВНОМУ ЮБИЛЕЮ (ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ)

17 февраля 2012 г. в г. Пушкин Академией военно-исторических наук проведена научная конференция **«Патриотизм в защите Отечества – традиция Российской армии»**. В ней участвовали: В.В. Коровин с докладом *«Краеведческие публикации и архивные документы об участии курян в Отечественной войне 1812 года»*, А.Н. Манжосов и А.Ю. Золотухин с докладом *«Памятники военной истории Отечества XV – начала XX веков»*, И.П. Михайлова с докладом *«В пылу огней сраженья...» Полковник Осип Осипович Бородаевский*.

21-22 марта 2012 г. в Смоленской областной универсальной библиотеке имени А.Т. Твардовского прошла IV Всероссийская научная конференция **«1812 год: война и мир»**. Пленарное заседание первого дня продолжилось в поселке Красный, где восстановлен монумент героям боев 1812 года. С докладом *«Курский край и куряне в 1812 году: опыт исследования и особенности источниковой базы»* в конференции принял участие В.В. Коровин.

19-20 апреля 2012 г. в Музее-панораме «Бородинская битва» прошла научная конференция **«1812 ГОД. ЛЮДИ И СОБЫТИЯ ВЕЛИКОЙ ЭПОХИ»**. В ней приняли участие: В.В. Коровин с докладом на тему *«Курская губерния в Отечественной войне 1812 года»* и И.П. Михайлова с докладом *«Отечества достойные сыны» (патриотизм дворян Курской губернии в войне 1812 года)»*.

14 мая 2012 г. в Санкт-Петербурге состоялась XXXI научная конференция Международной ассоциации исторической психологии **«Представление людей о “норме” и “патологии” в процессе исторического развития»**. С докладом *«Трансформация представлений о «норме» и «патологии» в условиях военного времени (на примере организации рекрутских наборов 1812-1813 гг. в Курской губернии)»* выступил В.В. Коровин.

16 мая 2012 г. в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи (г. Санкт-Петербург) начала работу Третья Международная научно-практическая конференция **«Война и оружие. Новые исследования и материалы»**. Приняли участие: В.В. Коровин с докладом *«Курский край и куряне в Отечественной войне 1812 года»*; А.В. Петрушкевич с докладом *«Участник наполеоновских войн капитан Яков Иванович Горяистов. Служба и судьба»*.

17-18 мая 2012 г. в Витебском государственном университете состоялась Международная научно-практическая конференция **«Война 1812 г.: События. Судьбы. Память»**. С докладом *«Участие населения Курской губернии в материальном обеспечении действующей армии (1812-1813 гг.)»* выступил В.В. Коровин. Доклад *«Страницы жизни и творчества поэта, воина В.Ф. Раевского»* представлен И.П. Михайловой.

30 мая 2012 г. в Историко-архивном институте РГГУ состоялась X Всероссийская студенческо-аспирантская научно-практическая конференция *«Региональная история. Краеведение. Москвоведение»*. Студент филологического факультета КГУ Алексей Клевцов успешно представил проект *«Славный год войны народной»* (Отечественная война 1812 года на примере краеведческого материала).

1-2 июня 2012 г. в Историко-архивном институте РГГУ и Можайске прошли **ШЕСТЬЕ всероссийские краеведческие чтения**. В них приняли участие В.В. Коровин с докладом *«Отечественная военная история XIX века в исследованиях курских краеведов»* и И.П. Михайлова с докладом *«Отечественная война 1812 года: по материалам произведений писателей-курян, современников событий»*.

5-6 ноября 2011 г. воспитанники секции туризма Курского Дворца пионеров и учащиеся школы №15 совершили экскурсионную поездку в г. Смоленск, посетив памятные места, связанные с Отечественной войной 1812 года. **29 апреля 2012 г.** ребята из секции туризма Дворца пионеров и школы №15 г. Курска побывали на экскурсии в Музее-панораме «Бородинская битва».

В марте 2012 г. студент филологического факультета КГУ Алексей Клевцов разработал познавательный проект *«Славный год войны народной»* (руководитель И.П. Михайлова). В рамках реализации проекта были представлены материалы на областных студенческих чтениях **«Краеведение: история, теория и практика»**; подготовлены и проведены презентация, викторина *«Знаешь ли ты военную историю Отечества?»* для школьников образовательных учреждений Курска.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Денисов Михаил Евгеньевич – искусствовед, научный сотрудник Курской государственной картинной галереи им. А.А. Дейнеки, художник-реставратор, эксперт по культурным ценностям Росохранкультуры.

Петрушкевич Алексей Вадимович – кандидат исторических наук, эксперт по культурным ценностям Росохранкультуры.

Коковин Александр Федорович – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры менеджмента Регионального финансово-экономического института.

Полевой Николай Алексеевич (1796-1846) – писатель, драматург, литературный и театральный критик, журналист, историк и переводчик.

Коровин Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры конституционного права Юго-Западного государственного университета, академик АВИН.

Танков Анатолий Алексеевич (1856-1930) – педагог, краевед, фольклорист.

Медведская Лидия Алексеевна (1923-1970) – кандидат исторических наук, заведующая кафедрой истории СССР Курского государственного педагогического института.

Травина Александра Степановна – ветеран архивной службы, Заслуженный работник культуры РФ.

Михайлова Ирина Петровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры литературы Курского государственного университета.

Шилов Денис Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Российской национальной библиотеки (С.-Петербург).

В обработке архивных материалов принимали активное участие студенты юридического факультета ЮЗГУ, члены Совета музея истории университета: **Кузнецов Дмитрий, Сальков Дмитрий, Куц Людмила.**

Редколлегия сборника выражает признательность потомкам курских дворян – участников Отечественной войны 1812 г. предоставившим ранее не публиковавшиеся материалы своих архивных изысканий: **Глуховцеву Всеволоду** (материал о И. Болычевцеве) и **Высоцкому Виктору** (материал о представителях рода Безручко-Высоцких) (г. Москва).

СОДЕРЖАНИЕ

«БУДУЧИ ВЕЛИКОЙ И СЛАВНОЙ ВОЕННО-НАРОДНОЙ ЭПОПЕЕЙ, ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА СТАЛА ЛЮБИМЫМ ПРЕДМЕТОМ ИСТОРИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЙ»

Коровин В.В. Отечественная война 1812 года в исследованиях курских историков, архивистов и краеведов	3	
Полевой Н.А. Воспоминания о происшествиях, бывших в Курске в 1812 году	6	
Танков А.А. «Год священной памяти» (из истории Курского края во время Отечественной войны).....	14	
Медведская Л.А. Участие курян в Отечественной войне 1812 года	26	
Травина А.С. «С первых дней наполеоновского вторжения в Россию здесь ощущалось дыхание войны»	29	
Коровин В.В. Организация рекрутских наборов 1812-1813 гг. в Курской губернии	32	
Коровин В.В. Участие населения Курской губернии в материальном обеспечении действующей армии (1812-1813 гг.)	36	
Коровин В.В. Военнопленные 1812 года в Курской губернии.....	40	
КУРЯНЕ – УЧАСТНИКИ И СОВРЕМЕННОКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА И ЗАГРАНИЧНЫХ ПОХОДОВ РУССКОЙ АРМИИ (1813-1814 гг.)		
Петрушкевич А.В. Он привел население Кракова к присяге русскому царю (Жизнь и деятельность П.И. Аверина)	44	
Михайлова И.П. Полковник Осип Осипович Бородаевский	47	
Шилов Д.Н. Сергей Кузьмич Вязмитинов – дважды министр из рылян	49	
Пленитель Костюшко Федор Ильич Лысенко	52	
Коровин В.В. Курский губернатор Аркадий Иванович Нелидов	58	
Денисов М.Е., Петрушкевич А.В. Портретная галерея А.И. Нелидова	59	
Коковин А.Ф. «Мы мыслим и говорим языком перелома...» (Творческая биография Н.А. Полевого)	62	
Михайлова И.П. «Путь чести благородный» поэта, воина Владимира Федосеевича Раевского	65	
Коровин В.В. Генерал Иван Михайлович Ушаков	67	
ЗА СТРОКОЙ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ: ДВОРЯНЕ КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ – УЧАСТНИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ		69
НАВСТРЕЧУ СЛАВНОМУ ЮБИЛЕЮ (ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ)		80
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ		82

В оформлении издания использованы фрагменты панорамы Ф. Рубо «Бородинская битва»